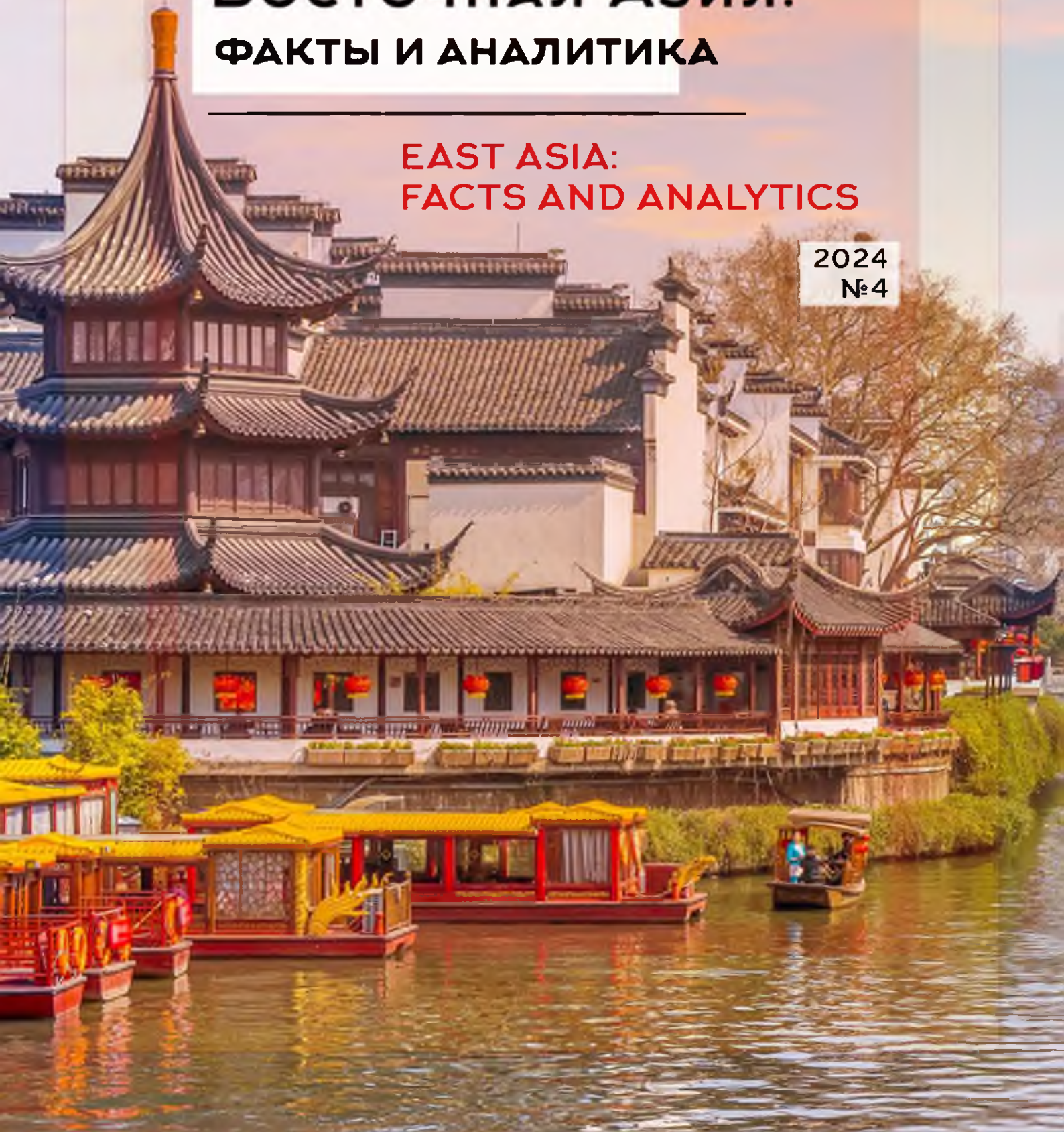

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2024
№4

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Китая и современной Азии РАН.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК), Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Отв. секретарь: Казаков О.И. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Кин Пхеа, проф. (Камбоджа); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Лузянин С.Г., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мещеряков А.Н., д.и.н. (Россия); Михалёв А.В., д.полит.н (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Мохаммад Хазми бин Мохаммад Русли, проф. (Малайзия); Наинг Све У, PhD (Мьянма); Нарут Тьярёнсри, PhD (Таиланд); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Песцов С.К., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сюй Бо, проф. (Китай); Тэ Хван, проф. (Республика Корея); У Хао, проф. (Китай); Эдуардо С. Тадем, PhD (Филиппины); Энелито А. Севилья, проф. (Филиппины).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.филол.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Заклязьминская Е.О., к.э.н. (Россия); Кобелев Е.В., к.и.н. (Россия); Мищенко Я.В., к.э.н. (Россия); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Танет Ваттанакул, PhD (Таиланд).

Редакция: Бурова Е.С. (Россия), Кириченко М.А. (Россия), Нгуен Данг Фат, к.э.н. (Вьетнам), Скворцова Е.М. (Россия), Суркова Т.И. (Россия), Цветкова А.А. (Россия).

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются учёные степени:

- 5.2.5 Мировая экономика (экономические науки)
- 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)
- 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Коды международной классификации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in List of Higher Attestation Commission (HAC), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, WorldCat, ROAD, ASCI database.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Executive Secretary: Kazakov Oleg I. (Russia).

Editorial Board: Eduardo C. Tadem (Philippines), PhD (Southeast Asian Studies); Henelito A. Sevilla, Jr. (Philippines), PhD (International Relations); Kin Phea (Cambodia), PhD; Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Luzyanin Sergey G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N. (Russia), DSc (History); Mikhalev Alexey V. (Russia), DSc (Political Science); Mohd Hazmi bin Mohd Rusli, (Malaysia), professor; Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Naing Swe Oo (Myanmar), PhD; Narut Charoensri (Thailand), PhD; Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Pestsov Sergei K. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov Vladimir Ya. (Russia), DSc (Economics); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science); Wu Hao, (China), professor; Xu Bo, (China), professor; Yokote Shinji (Japan), professor.

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (*Head of the Editorial Council*); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Kobelev Evgeni V. (Russia), PhD (History); Mishchenko Yana V. (Russia), PhD (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Thanet Wattanakul (Thailand), PhD (Applied Economics); Vu Khoan (Vietnam); Zakliazminskaja Ekaterina O. (Russia), PhD (Economics); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Burova Elena S. (Russia), Kirichenko Maria A. (Russia), Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics), Skvortsova Elizaveta M. (Russia), Surkova Tatiana I. (Russia), Tsvetkova Anna A. (Russia).

Scientific specialties and corresponding branches of science for which academic degrees are awarded (in the Russian Federation):

- 5.2.5 World economy (economic sciences)
- 5.5.4 International relations, global and regional studies (political sciences)
- 5.6.7 History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Fields of Science and Technology of the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD):

- 5.02 Economics and business
- 5.06 Political science
- 6.01 History and archaeology

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors
© ICCA RAS

СОДЕРЖАНИЕ

Кин Пхеа

Рамки сотрудничества в бассейне Меконга и геополитическая динамика:
взгляд из Камбоджи (*на англ.*)..... 6

Плаксин А.Д.

Эволюция подходов к оборонной политике в Японии
в послевоенный период 21

Ву Тхюи Чанг

Стратегия крупных держав в субрегионе Большого Меконга
и возможности конкуренции с ними России: взгляд из Вьетнама..... 33

Новикова Е.С., Нгуен Фу Хыу

Перспективы сотрудничества между Вьетнамом и Евразийским
экономическим союзом (ЕАЭС) (*на англ.*) 47

Сизов Г.А.

Проблема защиты «зарубежных интересов государства»
во внешнеполитической стратегии Китая:
концептуально-правовое и экспертное измерения дискуссии..... 63

Корнеев К.А., Кистанов В.О.

Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией 80

Очерки

Кудакаев Р.Ф., Мокрецкий А.Ч., Костыркин А.В.

Хакатон как полигон для создания цифровых инструментов
в отечественном востоковедении 93

CONTENTS

Kin Phea

Mekong cooperation frameworks and geopolitical dynamics:
a Cambodian perspective 6

Plaksin A.D.

Evolution of approaches to defense policy in Japan
in the post-war period..... 21

Vu Thuy Trang

The strategy of the major powers in the Greater Mekong Subregion
and the possibilities of Russia's competition with them: a view from Vietna 33

Novikova E.S., Nguyen Phu Huu

Perspectives of the cooperation between Vietnam
and the Eurasian Economic Union (EAEU)..... 47

Sizov G.A.

The protection of “state overseas interests” in China's foreign policy strategy:
conceptual, legal and expert dimensions of the discussion..... 63

Korneev K.A., Kistanov V.O.

Japan’s interests in the Arctic region and prospects
for cooperation with Russia..... 80

Essays

Kudakaev R.F., Mokretskiy A.Ch., Kostyrkin A.V.

Hackathon as a testing ground for creating digital tools
in domestic Oriental studies 93

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-6-20

Рамки сотрудничества в бассейне Меконга и геополитическая динамика: взгляд из Камбоджи

Кин Пхеа¹

¹ Институт международных отношений Королевской академии Камбоджи

Аннотация. Для бассейна реки Меконг, который играет ключевую роль в жизни миллионов людей в Юго-Восточной Азии, характерны многогранные задачи: сбалансировать сотрудничество в целях устойчивого развития с конкурирующими геополитическими интересами региональных и глобальных держав. В статье рассматриваются рамки сотрудничества по реке Меконг (MCF), представляющие собой сеть партнёрств между странами бассейна Меконга и внешними субъектами. Рассмотрены сильные и слабые стороны различных структур MCF, включая Комиссию по реке Меконг (MRC), Субрегион Большого Меконга (GMS), Сотрудничество Меконг-Ганг (MGC), Меконг-Япония (MJC), инициативу Нижнего Меконга (LMI), Меконг-Ланьцан (MLC) и сотрудничество между Меконгом и Республикой Корея (Меконг-РК). Каждая система предлагает уникальные подходы к развитию инфраструктуры, управлению водными ресурсами и социально-экономическому прогрессу, но и сталкивается с ограничениями. В статье также содержатся предложения по улучшению сотрудничества между Меконгом и Россией (MRUC) в рамках MCF.

Автор анализирует сложный геополитический ландшафт региона Меконга. Страны бассейна Меконга должны учитывать влияние Китая, крупного игрока в инфраструктурных проектах и управлении водными ресурсами, а также взаимодействовать с Соединёнными Штатами, Японией и другими региональными державами. Такие структуры, как LMI и «Друзья Нижнего Меконга», по-видимому, противостоят доминированию Китая, в то время как сотрудничество Меконг-Ланьцан вызывает беспокойство по поводу прозрачности в управлении водными ресурсами.

В статье предлагаются некоторые рекомендации для того, чтобы река Меконг оставалась символом регионального сотрудничества и процветания. Укрепление MRC путём усиления регулирующих полномочий и содействия расширению регионального сотрудничества в области управления водными ресурсами и охраны окружающей среды имеет решающее значение. Также подчёркивается необходимость использования существующих механизмов АСЕАН для коллективных действий и отстаивания единого подхода к Меконгу.

В заключении статьи утверждается, что для преодоления геополитических сложностей в регионе Меконга требуется деликатное соблюдение баланса. Развивая сотрудничество в рамках MCF, укрепляя региональные институты и выступая за единый подход, страны бассейна реки Меконг могут обеспечить региону устойчивое и процветающее будущее.

Ключевые слова: рамки сотрудничества по Меконгу, управление ресурсами, экономическое развитие, река Меконг, АСЕАН, Китай.

Автор: Кин Пхеа, генеральный директор, Институт международных отношений Королевской академии Камбоджи (адрес: Пномпень, 531, Камбоджа). ORCID: 0009-0003-5652-0670. E-mail: kinphea@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кин Пхеа. Mekong cooperation frameworks and geopolitical dynamics: a Cambodian perspective [Рамки сотрудничества в бассейне Меконга и геополитическая динамика: взгляд из Камбоджи] // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 6–20. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-6-20

Mekong cooperation frameworks and geopolitical dynamics: a Cambodian perspective

Kin Phea¹

¹ International Relations Institute of the Royal Academy of Cambodia

Abstract. The Mekong River Basin, a lifeline for millions in Southeast Asia, faces a multifaceted challenge: balancing cooperation for sustainable development with the competing geopolitical interests of regional and global powers. This paper explores the Mekong Cooperation Frameworks (MCF), a web of partnerships between the Mekong countries and external actors. This paper delves into the strengths and weaknesses of various MCF frameworks, including the Mekong River Commission (MRC), Greater Mekong Subregion (GMS), Mekong-Ganga Cooperation (MGC), Mekong-Japan Cooperation (MJC), Lower Mekong Initiative (LMI), Mekong-Lancang Cooperation (MLC), and Mekong-Republic of Korea Cooperation (Mekong-ROK). Each framework offers unique approaches to infrastructure development, water resource management, and socio-economic progress, but also faces limitations. Beyond existing frameworks, this paper also provides suggestions for the characteristics of successful Mekong-Russia Cooperation (MRUC) within the MCF.

The author further analyses the complex geopolitical landscape of the Mekong region. The Mekong countries must navigate the influence of China, a major player in infrastructure projects and water management, while also engaging with the United States, Japan, and other regional powers. Frameworks like the LMI and Friends of the Lower Mekong appear to counter China's dominance, while the MLC raises concerns about transparency in water resource management.

This paper proposes some recommendations to ensure the Mekong River remains a symbol of regional cooperation and prosperity. Strengthening the MRC through enhanced regulatory power and fostering greater regional cooperation on water management and environmental protection is crucial. The author also emphasizes leveraging existing ASEAN mechanisms for collective action and advocating for a unified approach to the Mekong.

Conclusively, this paper argues that navigating the geopolitical complexities of the Mekong region requires a delicate balancing act. By fostering cooperation within the MCF, strengthening regional institutions, and advocating for a unified approach, the Mekong countries can ensure the Mekong River serves as a bridge for a sustainable and prosperous future.

Keywords: Mekong cooperation frameworks, resource management, economic development, Mekong river, ASEAN, China.

Author: Kin Phea, PhD, Director General, International Relations Institute of the Royal Academy of Cambodia (address: 531 Phnom Penh, Cambodia). ORCID: 0009-0003-5652-0670. E-mail: kinphea@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Kin Phea (2024). Mekong cooperation frameworks and geopolitical dynamics: a Cambodian perspective. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 4: 6–20. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-6-20

Introduction

The Mekong River, known as one of the longest rivers in Asia, is 4,350 kilometres long and originates in the Tibetan Plateau. The river flows across six countries such as China, Myanmar, Laos, Thailand, Cambodia, and Vietnam, ultimately emptying into the South China Sea [Armstrong 2015: 4]. The region is the second-richest in fish biodiversity [Baran & Borin 2012: 136] and is also essential to the area's hydropower production, energy supply, transportation, and agriculture.

Geopolitically, the Mekong subregion is located at a strategic crossroads. The Mekong-Lancang River functions as a crucial land link, connecting Southeast Asia with China to the north and India to the west [Thu 2020: 2]. The strategic location aligns with China's Belt and Road Initiative (BRI) and the Free and Open Indo-Pacific strategy; therefore, with the rise of China, the Mekong subregion becomes a geopolitical dynamic in the 21st century.

The confluence of economic and strategic interests has led to the establishment of numerous Mekong cooperation frameworks (MCF). These include the Greater Mekong Subregion (GMS) in 1992, the Mekong River Commission (MRC) in 1995, the Mekong-Ganga Cooperation (MGC) initiated by India in 2000, the Mekong-Japan Cooperation launched in 2007, the Lower Mekong Initiative (LMI) established by the US in 2009, the Mekong-Republic of Korea (Mekong-ROK) partnership formed by South Korea in 2011, and the Mekong-Lancang Cooperation (MLC) initiated by China in 2016 [Jaknanihan 2022: 5].

This paper will examine the different frameworks within the Mekong Region, analyse their strengths and weaknesses, and see how these frameworks attempt to balance the pursuit of sustainable development with the geopolitical realities of the region, particularly the growing influence of China. Ultimately, the article will explore the challenges and opportunities for sustainable management of the Mekong River and its resources and suggest characteristics of successful Mekong-Russia Cooperation (MRUC) within the MCF.

Mekong River Commission (MRC)

Following France's departure from Indochina in the 1950s, the newly established sovereign governments encountered several difficulties, such as the Indochina War and the conflicts in Vietnam, Laos, and Cambodia. These events had a profound impact on the affairs of the Mekong region between 1950 and 1975 [Makim 2002: 6].

In 1949, the French granted Vietnam, Cambodia, and Laos internal autonomy as 'associated states', marking the first intergovernmental accord among riparian states for river cooperation. The three countries, under the Paris Convention in 1954, agreed to establish the 'Provisional Mekong Committee', an early international river-basin management institution, ensuring free navigation on the Mekong River [Ratner 2003: 65].

In 1957, the Mekong Committee, which included Thailand, was established as a pioneer in regional cooperation [Ratner 2003: 65]. The committee remained provisional until 1995 when the Mekong River Commission (MRC) was established. The MRC's focus on sharing water resources, research, and sustainable management marked a significant milestone, as it was the first time such

cooperation had occurred during a period of peace [Caffe 2023: 135–136]. Currently, China and Myanmar are dialogue partners for the MRC, but these roles do not necessitate fulfilling the obligations of the MRC countries. The MRC plays a crucial role by collecting and analysing data and encouraging cooperative management, especially in Cambodia, which needs technical assistance to monitor river flow and fisheries production [Darren, Nitsch 2005: 14].

In 2016, the MRC adopted a strategy known as ‘Water Diplomacy’ [Sok et al. 2023: 81]. The initiative paved the way for China to jointly address the drought by releasing more water from the Jinghong hydropower station¹ and signing a Memorandum of Understanding to share river flow and rainfall data for river flood forecasting. The agreement was renewed twice, and China began sharing year-round data in October 2020, marking a landmark in China-MRC cooperation [Sok et al. 2023: 81–82].

Cambodia-Laos-Vietnam Development Triangle (CLV-DT) and Ayeyarwady-Chao Phraya-Mekong Economic Cooperation Strategy (ACMECS)

Lower Mekong Basin countries (LMB) also boast significant intra-regional cooperation frameworks, such as the Cambodia-Laos-Vietnam Development Triangle (CLV-DT) and the Ayeyarwady-Chao Phraya-Mekong Economic Cooperation Strategy (ACMECS). The CLV-DT, initiated in 1999 by Vietnam, aims to promote socio-economic development, reduce hunger and poverty, and enhance economic competitiveness. The 10th Cambodia-Laos-Vietnam (CLV) Summit in Hanoi adopted a Joint Declaration and Master Plan for CLV Economic Connectivity up to 2030. Similarly, the ACMECS, established in 2003 by Thailand, is a framework for economic cooperation between Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand, and Vietnam. The cooperation covers seven areas: trade, investment, agriculture, transport, tourism, human resources, public health, and environment [Duong et al. 2020: 41].

The success of these initiatives is evident; at the 10th CLV Summit in 2018, Cambodia secured 41 investment projects worth US\$1.6 billion². The ACMECS also attracts contributions from regional powers to support its initiatives. For instance, the Republic of Korea (ROK) and Japan contributed \$1 million and \$1.38 million respectively to the ACMECS, distributing \$278,000 to each member state between April and March 2023, primarily to support Small and Medium-sized Enterprises (SMEs) in four specific areas³.

Greater Mekong Subregion (GMS)

With assistance from the Asian Development Bank (ADB), the GMS was established in 1992 to promote political and economic cooperation among six countries of the subregion: China,

¹ Shannon Tiezzi. Facing Mekong drought, China to release water from Yunnan Dam. *The Diplomat*, Mar 16, 2016. URL: <https://thediplomat.com/2016/03/facing-mekong-drought-china-to-release-water-from-yunnan-dam/> (accessed: May 9, 2024).

² Vietnam invests over 3.7 billion USD in Development Triangle provinces of Laos, Cambodia. *Vietnam Plus*, Feb 27, 2024. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-invests-over-37-billion-usd-in-development-triangle-provinces-of-laos-cambodia-post280062.vnp> (accessed: May 11, 2024).

³ Chanintira na Thalang, Attakrit Patchimnan. Rethinking ACMECS amidst Changing Regionalism in Southeast Asia. *Heinrich Böll Stiftung Southeast Asia*, May 27, 2023. URL: <https://th.boell.org/en/2023/05/27/rethinking-acmecs-regionalism-southeast-asia> (accessed: May 8, 2024).

Myanmar, Laos, Thailand, Cambodia, and Vietnam [Ratner 2003: 67]. The GMS plan aims to enhance economic and infrastructural development by nations within the sub-region through the establishment of efficient transport systems, economic connectivity, corridors, energy grids, and other infrastructure systems [Leng 2020: 101–102]. The concept of the GMS is defined by the “Three C’s”: Connectivity, Competitiveness and Community [Vu 2014: 160]. The projects have covered potential corridors, including the North-South Economic Corridor (NSEC), stretching from southern China to coastal ports in mainland Southeast Asia; the East-West Economic Corridor (EWEC), linking from Vietnam to Myanmar; and the Southern Economic Corridor (SEC) [Raymond 2021: 153].

One of the flagship initiatives funded by the Asian Development Bank (ADB) for the GMS is the East-West Economic Corridor (EWEC). The corridor is named for the east-west direction and includes transportation links across four GMS countries: Myanmar, Thailand, Laos, and Vietnam. The East-West Economic Corridor (EWEC) stretches for 1,110 kilometers. To improve connectivity along the corridor, various infrastructure projects have been built, including the 2nd Lao-Thai Friendship Bridge connecting Mukdahan in Thailand to Sawanakhet in Laos, and the Hai Van Tunnel in Da Nang, Vietnam [Yi 2011: 3–6].

Since the early 1990s, Cambodia, China, Laos and Vietnam have overcome ideological struggles and shifted towards market-oriented economic development, leading to improved political relations and increased interest in economic cooperation [Raymond 2021: 153]. Meanwhile, economic growth allowed China to become a major investor in the GMS programs. China invested heavily in the GMS infrastructure, mainly in the North-South Corridor. Beijing spent US\$4 billion building highways connecting their southwestern provinces (Yunnan and Guangxi) to other GMS countries. Moreover, China eliminated tariffs on over 200 products from Cambodia, Laos, and Myanmar, aiming to increase bilateral trade.

China's trade with the GMS has skyrocketed since the early 1990s. The total trade volume grew almost 30 times, from just US\$610 million in 1992 to over US\$12 billion by 2006. The growth of trade in the GMS region is expected to persist as new transportation networks are constructed, primarily dominated by resources like minerals, oil, and gas from GMS countries, and China exporting manufactured goods [Lim 2009: 41–43].

On the other hand, it is worth noting that the ADB’s leadership structure, with a tradition of Japan and United States influence, tends to promote Japanese policy in the region. In particular, during the first Mekong-Japan foreign ministers’ meeting, Japan aimed to maintain its influence by promoting all economic corridors, though excluding the North-South Economic Corridor [Raymond 2021: 156].

The GMS often prioritizes large-scale infrastructure projects that primarily benefit wealthier members like Thailand, potentially neglecting the specific needs of least-developed countries within the subregion, such as Laos, Cambodia, and Myanmar. This heavy reliance on the ADB funding raises concerns about potential debt burdens for Mekong countries.

Mekong-Ganga Cooperation (MGC)

The competition for Mekong influence between Japan and China presents India with a strategic opportunity. New Delhi's growing partnership with the United States and tense relations with China create a situation where India's engagement could be a significant factor. The rise of

China as a regional power triggered Indian motives to become the first country to initiate a cooperation platform, known as the Mekong-Ganga Cooperation (MGC) in 2000 [Singh 2022: 45].

The MGC could be referred to as a part of India's Act East Policy, which defines Narendra Modi's policy toward Southeast and East Asia. For India, the MGC offers a possible counter to Chinese expansionism and power in the region, taking on a more people-to-people approach compared to China's more MCF-goal-oriented outlook.

India's interests in the Mekong subregion have been influenced by four factors: (1) India's Look East Policy, (2) the westward expansion of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), which included Cambodia, Laos, Myanmar, and Vietnam, provided opportunities for India to extend aid, assistance, and technology transfers, (3) the social, cultural and historical connection with the Mekong subregion, and (4) China's assertive engagement with the region [Singh 2022: 43–44]. The MGC further maintains four areas of cooperation: tourism, culture, education, and transportation & communication⁴. Notably, a major emphasis of this framework is indeed not the goals of the MCF itself. Instead, the focus is on soft power relations, such as those presented by the four main areas of cooperation.

Substantially, in July 2023, India and Mekong countries together held the 12th MCG Foreign Ministers' Meeting focusing on potential cooperation areas in tourism, culture, education, and connectivity⁵. Significantly, the trade between India and Mekong countries has experienced consistent growth, rising from US\$1.32 billion in 2000 to US\$33.8 billion in 2022–2023. New Delhi continually fosters Mekong subregion development through Quick Impact Projects, collaborating on 105 projects. India has provided a total of US\$1.76 billion in Lines of Credit to Mekong countries for various purposes such as hydropower and water resources development, infrastructure development, digital connectivity, rural electrification, irrigation, and installation of transmission lines [Hussain 2024: 1–2].

Particularly, India started this initiative with a US\$40 million grant specifically for digital connectivity projects in Cambodia, Laos, Myanmar, and Vietnam (CLMV countries). This grant supports the 'Digital Village Project', where India shares its telecommunications expertise to improve digital access and services in rural areas. Each CLMV country received a US\$10 million grant for this project. India's commitment to expanding broadband connectivity in these countries aims to bridge the digital divide in Southeast Asia [Phan, Nair 2022: 2].

Geopolitically, the MGC is important for India's soft power in the region, prioritizing cultural exchange and capacity building, and fostering long-term partnerships. However, the major shortcoming of this framework is the limited impact it has on the most significant matters of the MCF. Therefore, the MGC could be improved by maintaining the strength of the initial four areas of cooperation in addition to creating new areas of cooperation which touch more specifically on the goals of the MCF, including infrastructural development and water management.

⁴ Vientiane Declaration on Mekong-Ganga Cooperation. *Ministry of External Affairs of India*, Jul 25, 2016. URL: https://mgc.gov.in/public/uploads/Vientiane_Declaration.pdf (accessed: May 9, 2024).

⁵ Outcomes of the 12th Mekong-Ganga Cooperation Foreign Ministers' Meeting. *Cambodia MoFA*, Jul 17, 2023. URL: <https://mfaic.gov.kh/posts/2023-07-17-Press-Release-Outcomes-of-the-12th-Mekong-Ganga-Cooperation-Foreign-Ministers--Meeting--20-43-27> (accessed: May 10, 2024).

Mekong-Japan Cooperation (MJC)

In 2007, the Mekong-Japan Cooperation (MJC) was created, with its first summit in 2009 [Koga 2022: 29]. The cooperation emphasizes the four main areas such as industrial infrastructure development (connectivity hardware), industrial human resource development (connectivity software), sustainable development (Green Mekong), and coordination with relevant stakeholders⁶.

The MJC also has its share of consequential geopolitical outcomes. For Japan, the Mekong region's role as a buffer zone is significant to keep any possible conflict from reaching its own shores. For the Mekong region, diversifying sources of investment is also advantageous to reduce over-reliance on one country in the face of conflict. In the same way, India may want to counter Chinese influence in the region, Japan may also look to maintain or improve Mekong relations as a way to balance out Chinese expansionism. In this way, the MJC injects a layer of complexity into the Mekong subregion's geopolitical landscape. While Japan's focus on infrastructure development, regional connectivity, and sustainable development aligns with the Mekong countries' needs, it also carries the potential for competition with China's BRI.

In 2016, Japan introduced the Japan-Mekong Connectivity Initiative and its 'Free and Open Indo-Pacific' agenda. These mechanisms culminated in the Tokyo Strategy 2018, which highlighted peace, stability and prosperity in the Indo-Pacific region, including in the Mekong subregion [Koga 2022: 30–31].

The Japan-Mekong Connectivity Initiative is a major player in boosting infrastructure across the Mekong region. The initiative encompasses various projects, including the development of a new container terminal at Sihanoukville Port in Cambodia⁷. The project began construction for Cambodia on the first phase of a brand-new deep-water container port in Sihanoukville. The initial phase, costing roughly \$243 million, is expected to be finished by 2026⁸. The 350-meter-long and 14.5-meter-deep port will allow access to massive cargo ships (up to 60,000 tons or 4,000 TEUs) from the Asia-Pacific region, and the port's capacity will jump to roughly 1.25 million TEUs annually⁹.

Moreover, the project also supports the construction of urban railways in Ho Chi Minh City (Vietnam), Bangkok (Thailand) and the East-West Economic Corridor highway section in Myanmar and feasibility studies for new international airports in both Vietnam (Long Thanh) and Myanmar (Hanthawaddy)¹⁰.

The competition in the Mekong region was between China and Japan. However, the US-China rivalry has recently become more prominent. Japan prefers a less confrontational approach to avoid high competition costs [Jaknanihan 2022: 6]. In contrast, the US seems willing to accept economic and political burdens to counter China, as seen in their strong opposition to China's Mekong projects. This rising US-China rivalry is turning the Mekong into a new battleground.

⁶ New Tokyo Strategy 2015 for Mekong-Japan Cooperation (MJC2015). *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, May 11, 2024. URL: https://www.mofa.go.jp/s_sa/sea1/page1e_000044.html (accessed: May 11, 2024).

⁷ Joint Statement of the 12th Mekong-Japan Summit. *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, Nov 13, 2020. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.mofa.go.jp/files/100115097.pdf> (accessed: May 12, 2024).

⁸ Torn Chanritheara. Work Starts on \$243m Sihanoukville Terminal Phase 1. *Cambodiness*, Dec 22, 2023. URL: <https://cambodianess.com/article/work-starts-on-243m-sihanoukville-terminal-phase-1> (accessed: May 27, 2024).

⁹ Torn Chanritheara. Work Starts...

¹⁰ Joint Statement...

Lower Mekong Initiative (LMI)

At first, the United States refrained from incorporating ASEAN into American policy due to the perception that ASEAN did not constitute a crucial actor in the Mekong region. In contrast, China recognized the importance of ASEAN in regional politics and actively engaged with the organization to strengthen its influence in the Mekong region. China's strategic partnerships with ASEAN countries have allowed them to expand their economic and political presence in Southeast Asia, challenging the United States' traditional dominance.

In 1956, the US, a dominant force in post-war Vietnam, identified the Mekong River's potential as a tool for regional cooperation [Permata 2023: 45]. The vision developed the Mekong River Basin that would not only foster economic prosperity, but also serve as a national agenda. The US' renewed interest in the Mekong subregion has been sparked by China's assertive engagement with it since 1996 [Singh 2022: 45].

Concerned about China's growing power within the GMS, the US initiated the Lower Mekong Initiative (LMI) in 2009 to assist environmental and socioeconomic progress in the GMS and re-establish connections with Southeast Asia [Charoensri 2022: 33]. The LMI likely has an unwritten goal of subverting Chinese influence in the region. With US-China competition growing despite efforts for cooperation on both sides, it is not coincidental that the US has endeavoured to be a significant presence in the region.

Friends of the Lower Mekong (FLM) also provide another framework by which the MCF operates. While the LMI and FLM are closely related, they serve distinctly different purposes in their goals for the Mekong region. Separately, FLM is a donor coordination group which includes the five Mekong countries and a number of donor countries and organizations, such as Australia, Japan, South Korea, New Zealand, the European Union (EU), ADB, and the World Bank (WB).

On top of that, the US shares Japan's vision for a Free and Open Indo-Pacific, and both countries have collaborated on projects specifically aimed at supporting the GMS [Charoensri 2022: 34]. As a result, the Japan-US-Mekong Power Partnership (JUMPP) was created in 2019 [Koga 2022: 31]. Moreover, in 2020, the US further enhanced the LMI to the US-Mekong Partnership (USMP) by ensuring \$153 million of funds for various collaborative projects with Mekong countries [Jaknanihan 2022: 6–7].

Furthermore, the JUMPP Action Plan tackles clean energy development and regional power trade cooperation across Cambodia, Lao PDR, Thailand, and Vietnam. Each country benefits from tailored support: Cambodia receives assistance with integrating renewable energy into their grid, including planning, connection standards, solar pricing, and battery storage¹¹. Lao PDR focuses on managing the impact of wind and solar power while crafting a master energy development plan.

JUMPP also assists the Mekong countries with technical protocols for renewable projects and updating grid connection guidelines. Thailand is aided in developing an electricity trading company to facilitate cross-border power trade and open access to their grid. Additionally, JUMPP offers advice on integrating renewable energy sources, digitizing the power sector, and deploying electric vehicles and smart meters. Vietnam receives support for integrating variable renewable energy

¹¹ JUMPP Action Plan & Fact Sheet. *Mekong-U.S. Partnership*, Apr 6, 2023. URL: <https://mekonguspartnership.org/2023/04/06/jumpp-action-plan/> (accessed: May 30, 2024).

sources like wind and solar¹². This includes advice on battery storage, grid upgrades, and developing markets for buying and selling electricity.

Furthermore, the U.S.-ASEAN Smart Cities Partnership (USASCP), launched in 2018 by the Department of State, aims to make Southeast Asian cities and Mekong countries particularly more sustainable and livable¹³. With over \$10 million invested in more than 20 projects, USASCP tackles climate, energy, transportation, water, and research challenges. The projects focus on Water Smart Engagement (Phuket – Milwaukee, Vientiane – Hillsboro, and Ho Chi Minh City – San Francisco), Research & Innovation (pilot projects in Ho Chi Minh City), Smart Sustainable Transport (Phnom Penh – Boston and Phuket – Las Vegas), and Smart City Business Innovation Fund (Laos and Vietnam)¹⁴.

The US' initiatives emphasise good governance (democracy, rule of law), economic openness (market economies), and freedom of navigation. The concept is backed by the US and its allies, who use aid programs to nudge recipient countries towards adopting democratic values [Charoensri 2022: 28]. Indeed, all of the countries involved in this friendship are close allies of the US, and they play a role in the balancing act of Mekong countries in the great power competition between the US and China.

The return of the US influence in the Mekong subregion might be viewed with suspicion by some Mekong countries. The US focus on countering China's influence possibly embroils the region in a larger geopolitical competition, potentially hindering regional cooperation. The US' political and economic priorities might shift, leading to inconsistencies in its engagement with the Mekong region.

Mekong-Lancang Cooperation (MLC)

A recent Chinese development, with the potential to improve conflict resolution in the Mekong Basin, is the Mekong-Lancang Cooperation (MLC). This initiative, proposed by China in 2014 as a response to a Thai sustainable development plan, officially began functioning in 2016 with the first leaders' meeting [Feng et al. 2022: 326]. Moreover, during a meeting of the MLC foreign ministers in mid-July 2022, China introduced a new five-year action plan (2023-2027) and called it the latest 'golden age' for the MLC cooperation [Sunchindah 2022: 90].

Unlike the LMI, the MLC prioritizes tangible economic benefits through infrastructure projects and trade, which is more appealing than ideological values to developing countries in the Mekong region [Jaknanihan 2022: 6]. China's position as an upstream riparian country on the Mekong River system makes its participation crucial in addressing shared challenges like water resource management and infrastructure development. Due to China's direct and consequential involvement in the river's management, the MLC stands out as the most important Mekong cooperation framework. The MLC's platform fosters dialogue and collaboration between China and Mekong nations, potentially leading to more effective solutions for the region's water-related issues.

¹² JUMPP Action Plan...

¹³ U.S.-ASEAN Smart Cities Partnership Programming in the Mekong Sub-Region. *UASSCP*, Dec 2023. URL: <https://www.usascp.org/wp-content/uploads/2023/12/USASCP-in-the-Mekong-Sub-Region-12.23.pdf> (accessed: May 30, 2024).

¹⁴ U.S.-ASEAN Smart Cities...

In 2013, China launched the BRI, a massive economic foreign policy initiative, that proposed creating two new economic corridors in Southeast Asia as a part of this trillion-dollar program: the China-Indochina Peninsula Economic Corridor and the Sino-Myanmar Economic Corridor¹⁵.

The BRI provides a broader framework within which the MLC operates. China's Mekong-Lancang Cooperation Special Fund (MLCSF), established in 2016 under the MLC umbrella, exemplifies this alignment. In 2022 alone, the MLCSF allocated US\$ 4.01 million to support eight Thai-led projects and US\$ 4.33 million to Cambodia's 13 projects, demonstrating China's commitment to fostering regional development through the MLC¹⁶.

China provides significant financial backing to the Lancang-Mekong cooperation on development projects. The financial support includes various loans and credits totaling 10 billion yuan (1.58 billion US dollars) specifically designated to support infrastructure development and production capacity cooperation projects in the countries along the Mekong River¹⁷.

According to a statement by Wang, China is fulfilling its pledge of financial support and construction on major development projects like the China-Laos and China-Thailand railways¹⁸. For instance, the China-Laos Railway, a key infrastructure project jointly developed by China and Laos, serves as a model for high-quality construction in Southeast Asia¹⁹. The project's total cost is US\$6 billion. In December 2021, Laos inaugurated the first completed section, the 414-kilometer electrified Boten-Vientiane Railway, which connects the Laotian capital, Vientiane, to the Laos-China border town of Boten²⁰.

However, a major complaint of the MLC from Mekong countries is the lack of information transparency regarding the dams. Water release schedules are often not shared with countries downstream, which makes it very difficult to plan agriculture effectively as this may lead to drought and flooding.

With this in mind, one of the ways that the MLC could be improved upon is to promote transparency and open communication regarding the water release schedule, perhaps with the Mekong countries cooperating with other partners to ensure transparency and information sharing. The security of millions in the region depends on this river, and as such, the Mekong-China relationship is one of utmost importance.

The strategic alignment of Mekong nations with the MLC engenders inherent geopolitical concerns. An over-reliance on Chinese investment exposes these states to the potential for undue influence in the realm of political or diplomatic decision-making.

¹⁵ Xue Gong. The Mekong Region Is a Test of China's Global Development and Security Model. *Carnegie Endowment for International Peace*, Dec 1, 2023. URL: <https://carnegieindia.org/research/2023/12/the-mekong-region-is-a-test-of-chinas-global-development-and-security-model?lang=en> (accessed: Jun 1, 2024).

¹⁶ Chanintira na Thalang, Attakrit Patchimnan. Rethinking ACMECS amidst Changing Regionalism in Southeast Asia. *Heinrich Böll Stiftung*, May 27, 2023. URL: <https://th.boell.org/en/2023/05/27/rethinking-acmeecs-regionalism-southeast-asia> (accessed: Jun 1, 2024).

¹⁷ Lancang-Mekong Cooperation entering new growth phase: Chinese envoy. *Xinhua*, Mar 23, 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-03/23/c_137061039.htm (accessed: Jun 1, 2024).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ China-Laos Railway brings booming tourism, building up momentum of consumption: Foreign Ministry. *Global Times*, Apr 15, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202404/1310605.shtml> (accessed: Jun 2, 2024).

²⁰ Lancang-Mekong Cooperation...

Mekong-Republic of Korea Cooperation (Mekong-ROK)

In 2010, the Republic of Korea (ROK) hosted the first Mekong-ROK Foreign Minister meeting, announcing the Han River Declaration to establish a comprehensive partnership between the two regions. The ROK takes the Mekong subregion seriously due to its strategic importance, including (1) the vast economy spread across the Southern region, (2) a young and dynamic population, (3) a foreign direct investment (FDI) focused consumer market, and continuously growing middle-class population, making the region a significant economic hub [Ahn 2019: 81–99].

Since 2013, ROK funded more than US\$25.76 million to Mekong countries for this development²¹. This appears to be a stand-out partnership, with a 5-year plan of action which outlines the specific goals of the Mekong-ROK cooperation. Improvements to this cooperation may not be necessary, and this example offers a good guide for what other countries may hope to achieve with the region.

The ROK and Cambodia collaborate on a water management project in Svay Rieng province under the Mekong-ROK Cooperation. The \$100 million ‘Prek Neal Basin Water Supply and Flood Reduction Measures Project, Phase 1’ has a completed feasibility study reviewed in November 2020²². The project aims to address both flooding and droughts while providing water for households, industries, and irrigation. Construction is expected to begin in 2025, benefiting over 5,360 households across three districts and one town, and covering an area of roughly 26,950 hectares²³.

Both geostrategic reasons and South Korea's larger Indo-Pacific vision are the driving forces for the Mekong-ROK partnership. This might be seen as a two-pronged strategy: maintaining economic links and stability in the area while simultaneously counterbalancing the influence of China. This middle power state attempts to grab the Mekong countries' attention by investing in infrastructure and development, which ensures its presence in the region.

Where is Russia in the Mekong Region?

Given Russia's historical ties with the CLMV countries (Cambodia, Laos, Myanmar, and Vietnam), its close relations with Thailand, its strategic partnership with Myanmar, and its unique “unlimited” relationship with China, Russia is well-positioned to play a significant role in the Mekong subregion. This confluence of factors opens doors for Russia to contribute meaningfully to the region's development. The Mekong region has a lot of room for economic growth, and Russia can be a big help. Simply put, Russia has the means and the audience to be a considerable factor in the Mekong region.

Firstly, the Mekong region offers vast economic potential. Russia's experience with building dams and getting mining resources could be useful for developing infrastructure projects in the

²¹ 8th Call for Mekong-Korea Cooperation Fund (MKCF) Projects. *Ministry of Foreign Affairs of the ROK*, Mar 25, 2024. URL: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5676/view.do?seq=322486 (accessed: Jun 5, 2024).

²² Bor Pich Zelin. Study of \$100M Svay Rieng irrigation project complete. *The Phnom Penh Post*, Nov 24, 2023. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national/study-of-100m-svay-rieng-irrigation-project-complete> (accessed: Jun 6, 2024).

²³ Ibid.

Mekong. This would not only mean good business deals for Russian companies but also give Mekong countries the modern power and resource management they need.

Secondly, the current geopolitical landscape necessitates the diversification of partnerships. Mekong countries can foster a more balanced and multipolar environment by including Russia in the regional dynamic alongside their strong connections with China and Western countries. This diversification has the potential to increase their bargaining power in negotiations and provide access to a wider range of knowledge and technology.

Thirdly, the potential for synergistic scientific collaboration is substantial. Russia possesses a well-established scientific heritage, including in agricultural science and climatology. Knowledge and expertise exchange in these fields could demonstrably improve the Mekong region's agricultural sector, leading to enhanced food security and bolstering its capacity to adapt to the existential threat posed by climate change.

Therefore, the possibility of establishing Mekong-Russia Cooperation (MRUC) should be seen as a potential for the region. The initiative will offer an opportunity to diversify partnerships and access new areas of expertise. By fostering knowledge exchange and collaboration on sustainable development projects, the MRUC has the potential to bolster food security, improve resource management, and equip the Mekong countries to tackle the challenges of climate change. Significantly, open communication and a focus on areas of mutual interest will be crucial for building trust and ensuring the MRUC flourishes as a valuable addition to the Mekong cooperative framework.

Mekong Countries Diplomacy

The Mekong region has crucially benefited from cooperation frameworks established with both regional and major powers, but navigating the divergent interests of these stakeholders presents a significant challenge. Mekong countries must skilfully and diplomatically engage with these stakeholders to ensure that their interests are protected and advanced in the face of competing agendas.

Mekong countries should seek to strengthen the MRC by enhancing its regulatory powers and promoting greater cooperation among member states to address issues such as water resource management, hydropower development, and environmental protection. A strong regional consensus is crucial when negotiating with major powers or advocating for regional interests on the international stage. Moreover, the initiative should align perfectly with the 'ASEAN Outlook on the Indo-Pacific', which emphasizes peaceful collaboration over competition in the region [Koga 2022: 34].

To avoid major powers turning Mekong development into a competition for influence, Mekong countries need to actively participate in ASEAN-led mechanisms to promote regional stability, economic integration, and collective security. They should leverage ASEAN's diplomatic channels to address transboundary challenges, such as water resource management, environmental degradation, and cross-border crime.

Conclusion

Despite the undeniable progress and goodwill fostered by various Mekong cooperation frameworks, the Mekong countries still face a significant challenge – navigating the complex geopolitical landscape. However, this balancing act can be precarious. Mekong countries desire a more cooperative relationship with China, particularly when it comes to information sharing and

responsible water management practices. Ultimately, they seek a future where the Mekong River serves as a bridge for regional cooperation and shared prosperity rather than as a point of contention.

The Mekong Cooperation Framework presents a complex web of partnerships between the Mekong countries and various external actors. While frameworks like the MGC excel in fostering soft power relations, they have limited impact on the core goals of the MCF, such as infrastructure development and water resource management. Conversely, frameworks like the Mekong-ROK cooperation provide a strong model for effective cooperation with clear goals and dedicated funding.

A recurring geopolitical theme is the balancing act by Mekong countries between the influence of China and other regional powers like the United States and Japan. Frameworks like the LMI and FLM appear to be strategies to counter China's influence. China's MLC framework, while comprehensive, raises concerns about water transparency and control. The MRC could be strengthened by China's full membership, promoting information sharing and ensuring the sustainable management of the river as a vital resource.

Lastly, there is also a critical step for ASEAN member states to recognize the Mekong region and the South China Sea as interconnected aspects of regional security and interests. This unified approach is essential to prevent the erosion of ASEAN's strategic influence and ensure that external powers do not dominate decision-making processes that impact the entire region's future.

Abbreviation

ACMECS	–	Ayeyarwady-Chao Phraya-Mekong Economic Cooperation Strategy
ADB	–	Asian Development Bank
ASEAN	–	Association of Southeast Asian Nations
BRI	–	Belt and Road Initiative
CLV	–	Cambodia-Laos-Vietnam
CLV-DT	–	Cambodia-Laos-Vietnam Development Triangle
CLVM	–	Cambodia-Laos-Vietnam-Myanmar
EU	–	European Union
EWEC	–	East-West Economic Corridor
FDI	–	Foreign Direct Investment
FLM	–	Friends of the Lower Mekong
GMS	–	Greater Mekong Subregion
JUMPP	–	Japan-US-Mekong Power Partnership
LMB	–	Lower Mekong Basin countries
LMI	–	Lower Mekong Initiative
MCF	–	Mekong Cooperation Frameworks
Mekong-ROK	–	Mekong-Republic of Korea Cooperation
MGC	–	Mekong-Ganga Cooperation
MJC	–	Mekong-Japan Cooperation
MLC	–	Mekong-Lancang Cooperation
MLCSF	–	Mekong-Lancang Cooperation Special Fund
MRC	–	Mekong River Commission
MRUC	–	Mekong-Russia Cooperation
NSEC	–	North-South Economic Corridor

ROK	–	Republic of Korea
SEC	–	Southern Economic Corridor
SMEs	–	Small and Medium-sized Enterprises
US	–	Unites States
USMP	–	US-Mekong Partnership
WB	–	World Bank

REFERENCES

- Ahn S.H. (2019). Anatomy of the Republic of Korea's Niche Strategic Engagement in the Greater Mekong Sub-region (GMS): ROK's Tailor-Made Strategy and its Security Policy Implication. *Korean Journal of Policy Studies*, 34 (3): 97–121.
- Armstrong S.C. (2015). Water is for Fighting: Transnational Legal Disputes in the Mekong River Basin. *Vermont Journal of Environmental Law*, 17: 1–26.
- Baran E., Borin U. (2012). The importance of the fish resource in the Mekong River and examples of best practices. In: P. Gough (ed.). *From sea to source; International guidance for the restoration of fish migration highways*: 136–141. Netherlands: Regional Water Authority.
- Caffe L.I. (2023). The Mekong River: Regional Planning, Sustainable Development, and Transboundary Cooperation in Southeast Asia. *Cornell International Affairs Review*, 16 (2): 136–135.
- Charoensri N. (2022). Changing Regional Dynamics in the Greater Mekong Subregion: The Rivalry between Japan, China and the US and the Impacts to Regional Connectivity. *Thammasat Review*, 25 (2): 26–45.
- Darren P., Nitsch M. (2005). Defining Interests: The Mekong River Commission. *The Journal of International Policy Solutions*, 2 (1): 1–25.
- Duong N.A., Hang D.T., Thanh V.T. (2020). Mekong Subregion: Development and cooperation status. In: *Subregional development strategy in ASEAN after COVID-19: Inclusiveness and Sustainability in the Mekong subregion (Mekong 2030)*: BP-1–23.
- Feng W., Lei Z., Zhou Z. (2022). Mekong River Basin International Cooperation: The Organizational and Geopolitical Mobilizations. Proceedings of the 2021 International Conference on Public Art and Human Development (ICPAHD 2021). *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 638: 323–328.
- Hussain N. (2024). Mekong-Ganga Cooperation: Prospects for Synergies in Sub-regional Cooperation. *Mekong-Ganga Policy Brief*, 13: 1–3.
- Jaknanihan A.A. (2022). Minilateralism and Great Power Competition during the COVID-19 Pandemic: A Case Study of Mekong Region. *Journal of Integrative International Relations*, 7 (1): 1–20.
- Koga K. (2022). The Emerging Power Play in the Mekong Subregion: a Japanese Perspective. *Asia Policy*, 17 (2): 28–34. DOI 10.1353/asp.2022.0023
- Le H.B., To M.T. (2020). Why the Mekong Matters to ASEAN: A Perspective from Vietnam. *ISEAS Perspective*, 77: 1–7.
- Leng T. (2020). Connectivity Initiatives in the Mekong Region: Too Many or Too Little. *Responding to the Geopolitics of Connectivity*: 101–110. Konrad-Adenauer-Stiftung.
- Lim T.S. (2009). China's Active Role in the Greater Mekong Sub-region: Challenge to construct a “win-win” relationship. *East Asian Policy*, 1 (1): 38–49.
- Makim A. (2002). *The changing Face of Mekong Resource Politics in the Post-Cold War era: re-negotiating arrangements for water resource management in the Lower Mekong River Basin (1991–1995)*. Australian Mekong Resource Centre, University of Sydney.
- Permata I.M. (2023). ASEAN Amid Mekong's Overlap Institutions: Visible or Invisible? *Intermestic: Journal of International Studies*, 8 (1): 42–56.

- Phan X.D., Nair K.R. (2022). Strengthening India's Digital Connectivity with the Lower Mekong Countries. *Mekong-Ganga Policy Brief*, 11: 1–2.
- Ratner B.D. (2003). The Politics of Regional Governance in the Mekong River Basin. *Global Change, Peace & Security*, 15 (1): 59–76.
- Raymond G.V. (2021). From Neoliberalism to Geoeconomics: The Greater Mekong Subregion and the Archaeology of the Belt and Road Initiative in Mainland Southeast Asia. *Made in China*, 6 (2): 152–157. DOI 10.22459/MIC.06.02.2021.18
- Singh S. (2022). Mekong-Ganga Cooperation: Interests, Initiatives, and Influence. *Asia Policy*, 17 (2): 43–49.
- Sok S., Meas S., Nguonphan P. (2023). The Mekong regional integration: What roles does the Mekong River Commission play? In: C. Ploberger (ed.). *River Basins and International Relations: Cooperation, Conflicts and Sub-Regional Approaches*: 80–103. Routledge.
- Sunchindah A. (2022). Asean and Mekong Development: Challenges and Divergence, Opportunities for Convergence and The Need for Further Concerted Action. *Journal of Greater Mekong Studies*, 6: 15–28.
- Vu T.M. (2014). Between system maker and privileges taker: the role of China in the Greater Mekong Sub-region. *Revista Brasileira de Política Internacional*, 57: 157–173.
- Yi S.M. (2011). The GMS East-West Corridor and Its Impact on Regional Development. *Yadanabon University Research Journal*, 3 (1): 1–22.

Поступила в редакцию: 27.08.2024

Принята к публикации: 16.09.2024

Received: Aug 27, 2024

Accepted: Sep 16, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-21-32

Эволюция подходов к оборонной политике в Японии в послевоенный период

Плаксин Александр Дмитриевич¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. Статья посвящена анализу роли преемственности в развитии оборонной сферы Японии на современном этапе. В рамках исследования рассмотрены ключевые шаги японского руководства на пути к укреплению национальной политики безопасности на фоне тенденции к постепенному переходу от реализации мер оборонительного характера к формированию базы для ведения наступательных действий. Также в работе сделан акцент на важности роли Вашингтона в принятии решения Токио о необходимости существенного наращивания военной мощи Японии. Особое внимание уделено современному оборонному курсу администрации Кисида Фумио в условиях растущих региональных угроз со стороны КНР и КНДР. Отмечены попытки проведения гибридной политики, предполагающей балансирование между продвижением мер по укреплению оборонной сферы и соответствием антивоенным настроениям, преобладающим среди японского населения.

Ключевые слова: Япония, Кисида Фумио, Азиатско-Тихоокеанский регион, американо-японский союз, политика безопасности.

Автор: Плаксин Александр Дмитриевич, младший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0004-1601-3786. E-mail: pl.aleksander25@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Для цитирования: Плаксин А.Д. Эволюция подходов к оборонной политике в Японии в послевоенный период // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 21–32. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-21-32

Evolution of approaches to defense policy in Japan in the post-war period

Plaksin Aleksandr D.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the role of continuity in the development of Japan's defense sector at the present stage. The study examines the key steps of the Japanese leadership towards strengthening of national security policy against the backdrop of a tendency to gradual transition from the implementation of defensive measures to the formation of a base for offensive operations. The work also emphasizes Washington's serious influence on Tokyo's decision to significantly increase Japan's military power. Particular attention is paid to the current defense course of the Kishida Fumio administration in the context of growing regional threats from China and North Korea. Attempts to pursue a hybrid policy are noted, which involves balancing between promoting measures to strengthen the defense sector and confirming with the anti-war sentiments prevailing among the Japanese population.

Keywords: Japan, Kishida Fumio, Asia-Pacific region, American-Japanese alliance, security policy.

Authors: Plaksin Aleksandr D., Junior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0004-1601-3786. E-mail: pl.aleksander25@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 “Japan in the Asia-Pacific region: politics, security, economics”).

For citation: Plaksin A.D. Evolyutsiya podkhodov k oboronnoy politike v Yaponii v poslevoyennyy period [Evolution of approaches to defense policy in Japan in the post-war period]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 21–32. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-21-32

Введение

Наблюдаемый в последние годы кризис системы международной безопасности стал причиной пересмотра ведущими государствами мира своей военной стратегии. Постепенно становится всё более очевидно, что «западные демократии», продолжая двигаться в фарватере политики США, сделали ставку на конфронтационное развитие отношений со своими оппонентами практически на всех географических направлениях. Однако если в Европе, на Ближнем Востоке и отчасти на африканском континенте подпитываемые Западом конфликты уже вошли в свою горячую фазу, то в АТР напряжённость в межгосударственных отношениях всё ещё продолжает неуклонно нарастать.

В свете прогнозирования дальнейшего развития ситуации в Восточной Азии всё более значимой становится роль Японии как основного проводника западного миропорядка в регионе. Особую актуальность приобретают действия японского руководства по укреплению оборонной мощи страны на фоне возрастающих угроз региональной безопасности со стороны КНР и КНДР. Также стоит отметить принципиальное значение американской поддержки взятого Ф. Кисидой курса на укрепление обороноспособности Японии как важного фактора формирования политики безопасности Токио.

В свою очередь, обратной стороной имплементации решений по наращиванию военной мощи Японии стали негативные внутривнутриполитические последствия для самих японских властей. Прежде всего, речь идёт о постепенном снижении уровня общественной поддержки как самого премьер-министра Кисиды, так и возглавляемой им Либерально-демократической партии (ЛДП). Главным образом у японцев вызывает беспокойство перспектива быть втянутыми в чужой военный конфликт, кроме того, разочарование среди населения вызывают снижающиеся последние семь лет экономические, социальные и демографические показатели страны на фоне вливания всё большего количества денег в оборонную сферу Японии.

В целях исследования истоков разворачивающихся событий в данной статье был проведён анализ связи между подходами Токио к реализации политики безопасности в послевоенные годы и современной стратегией администрации Ф. Кисиды по развитию оборонной сферы Японии. Кроме того, в свете крайней политизированности вопросов национальной безопасности в статье рассматривается эволюция отношения оппозиционных партий к взглядам консервативных сил на методы обеспечения безопасности Японии. Анализ текущей внутривнутриполитической ситуации придаёт работе дополнительную практическую значимость, так как способствует формированию подходов для развития внешнеполитических отношений России и Японии.

Отражение послевоенных подходов Токио к обеспечению национальной безопасности в оборонной стратегии Ф. Кисиды

Первые послевоенные годы внутривнутриполитической жизни Японии ознаменовались безоговорочным доминированием идей пацифизма. В то же время сторонники возрождения милитаристских взглядов в вопросах формирования оборонной стратегии Токио, напротив, представляли собой неоспоримое меньшинство. Укреплению пацифистских настроений среди японского населения в значительной степени способствовала позиция руководства страны, акцентировавшего внимание прежде всего на развитии гражданского сектора экономики, стремясь при этом делегировать вопросы обеспечения безопасности Вашингтону [Нелидов 2018: 66]. Такой подход Токио активно поддерживался и самими США, проводившими курс на демилитаризацию оккупированной Японии. Одним из наиболее значимых результатов продвижения обновлённой идеологии в народные массы стала поддержка 70 % японского населения так называемой «пацифистской» Конституции 1947 г. [Natakeyama 2021: 30]. Таким образом, совокупность целого ряда факторов позволила сформировать в сознании японцев тренд на безальтернативность антивоенного пути Японии, что впоследствии стало одной из главных национальных идей, и по сей день спланивающих японское общество.

Вместе с тем мысли о пересмотре военного статуса страны всё ещё теплились в умах отдельной части японского истеблишмента. Именно в период с 1945 по 1955 гг., на фоне всеобщей консолидации мнений об исключении войны как средства достижения каких-либо целей, в рамках кулуарной политической борьбы начинают формироваться альтернативные подходы к выстраиванию будущей системы безопасности Японии.

Одним из результатов такого идеологического противостояния стало формирование идеи двойной интерпретации пацифистских устремлений, закреплённых в 9-й статье

Конституции. Содержание статьи зафиксировало бессрочный отказ от войны или от угрозы силой как суверенного права нации для разрешения международных споров, тем самым упразднив сухопутные, морские и воздушные силы Японии¹. В то же время отсутствие в основополагающем документе пункта об обеспечении национальной безопасности, а также связанных с ней мероприятий в случае нападения на Японию, стало ключом к более гибкому толкованию «неудобной» статьи для сторонников ужесточения японской оборонной политики.

Получив широкое распространение в результате прихода к власти Либерально-демократической партии в 1955 г., к настоящему времени на японской политической арене стал доминирующим более радикальный консервативный взгляд на трактовку Конституции. Во многом достигнутый эффект межпартийного сплочения вокруг идеи необходимости модернизации оборонного сектора Японии оказался результатом существенно возросших военных угроз со стороны КНР и КНДР, а также рисков распространения кризиса европейской системы безопасности в АТР. Тем не менее формируемый Кисидой нарратив, связанный с необходимостью развития национальной оборонной стратегии, всё ещё продолжает восприниматься как антиконституционный среди значительной части левых политических кругов Японии.

Не менее значимым фактором, способствующим радикализации оборонного курса администрации Ф. Кисиды, стала поддержка Вашингтоном идеи существенного наращивания японской военной мощи. Следует отметить, что для Токио одобрительная позиция США по отношению к методам обеспечения национальной безопасности, применяемым японским руководством, имеет особое значение, что во многом обусловлено послевоенным развитием Японии. Данная особенность прежде всего связана с проамериканскими политическими взглядами целого ряда представителей ЛДП, руководивших Японией в течение значительного периода времени, начиная с 1955 г. Таким образом, в результате систематического углубления двусторонних связей, происходившего на протяжении более полувека, американо-японский союз приобрёл статус краеугольного камня политики безопасности Японии, что отдельно было подчёркнуто Кисидой в его речи по случаю вступления в должность премьер-министра в октябре 2021 г.²

Кроме того, важной частью политики безопасности Кисиды продолжает оставаться совершенствование Сил самообороны Японии (ССЯ), создание которых в 1954 г. также активно поддерживалось США. Процесс совершенствования законодательных механизмов по увеличению боеспособности, а также по расширению сфер применения ССЯ можно наблюдать как в годы Холодной войны, так и в постбиполярный период [Киреева, Нелидов 2018: 33]. Таким образом, ССЯ удалось пройти несколько этапов преобразований от резервного корпуса Национальной полиции, организованного в 1950 г. по указанию генерала США Д. Макартура со штатом 75 тыс. человек, преобразованного в 1952 г. в Корпус национальной безопасности, насчитывающего 110 тыс. человек, до современных регулярных Сил самообороны численностью порядка 247 тыс. чел. Также духу преемственности соответствует и намерение американо-японского альянса к марту 2025 г. создать

¹ The Constitution of Japan, 1947. *Prime Minister's Office of Japan*. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (accessed: Aug 20, 2024).

² Policy Speech by Prime Minister Kishida Fumio to the 205th Session of the Diet. *Prime Minister's Office of Japan*, Oct 8, 2021. URL: https://japan.kantei.go.jp/100_kishida/statement/202110/_00005.html (accessed: Jul 27, 2024).

командование совместных операций для контроля наземных, морских и воздушных подразделений ССЯ, озвученное в ходе саммита союзников, прошедшего в Белом доме 10 апреля 2024 г.

Однако, несмотря на всю важность функционирования альянса, стоит отметить и отрицательные моменты двустороннего взаимодействия, также являющиеся результатом послевоенного наследия. Так, состояние отчасти ограниченного суверенитета стало своеобразной платой Токио за развитие долгосрочных преференциальных отношений с Вашингтоном. В настоящее время Белый дом оправдывает свои попытки оказывать влияние на политические решения Токио, подчёркивая критичность текущего момента в истории международных отношений, тем самым вынуждая японские власти идти на определённые уступки в угоду соблюдения интересов своего главного союзника.

Очередным отголоском послевоенного порядка является и наличие американских военнослужащих, расквартированных на всей территории Японии. Оправданное в глазах мировой общественности присутствие 430 тыс. военных США в годы оккупации Японии [Takemaе 2002: 65] в постоккупационный период приобрело более благозвучную трактовку, превратившись в дополнительный компонент безопасности для партнёров США в АТР. К моменту избрания Ф. Кисиды на пост премьер-министра в 2021 г. на территории Японии находилось порядка 120 американских военных баз с контингентом в размере около 53,7 тыс. человек³, что и по сей день представляет собой наибольшую концентрацию американских войск, расквартированных за рубежом.

Трансформация оппозиционных взглядов на политику безопасности Токио

Серьёзным подспорьем для реализации планов Кисиды по модернизации оборонной сферы Японии стало постепенное сближение позиций ЛДП со значительной частью идеологических оппонентов по ряду традиционно спорных межпартийных вопросов. Прежде всего, это целесообразность укрепления политики безопасности Японии собственными силами, а также необходимость дальнейшего углубления военного сотрудничества с Вашингтоном.

Долгое время продвижение этих задач являлось прерогативой либерал-демократов, бесценно руководивших страной практически весь период Холодной войны, с момента образования одноимённой партии в 1955 г. Однако на фоне непримиримой идеологической борьбы середины XX века, развернувшейся между сторонниками ЛДП и Социалистической партии Японии (СПЯ), возможности правых сил для продвижения идей укрепления оборонного курса страны оставались ограниченными. Тем не менее достаточно высокие рейтинги ЛДП на протяжении длительного времени позволяли партии избегать необходимости создания межпартийной коалиции и справляться с поставленными задачами самостоятельно.

Между тем постепенное разобщение в рядах левых сил в конечном итоге привело к значительным переменам во внутривнутриполитической жизни Японии. Так, серьёзным ударом для дальнейшего функционирования Социалистической партии Японии стал подписанный

³ Hussein Mohammed, Haddad Mohammed. Infographic: US military presence around the world. *Al Jazeera*, Sep 10, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/10/infographic-us-military-presence-around-the-world-interactive> (accessed: Jul 27, 2024).

в 1960 г. американо-японский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности. Принятый документ в очередной раз подчеркнул особый статус двусторонних отношений, подтвердив намерение Вашингтона оказать помощь в случае нападения на Японию. В свою очередь, имевшая давние внутренние разногласия в вопросах взаимодействия с США СПЯ не сумела выработать единую позицию по данному документу. Вследствие этого отколовшимся правым крылом от СПЯ была образована Партия демократического социализма (ПДС).

Появление новой политической силы ознаменовало формирование партий среднего пути, выступавших с центристских позиций и старавшихся не склоняться к поддержке крайних групп в парламенте Японии. В 1964 г. ряды центристов пополнила партия Комэйто, а в 1978 г. – также отделившийся от СПЯ Социал-демократический союз.

Однако с течением времени позиции центристов становилась всё более гибкими в угоду политической конъюнктуре, а также для получения наибольшего количества мест в парламенте. Так, в программе 15 съезда Комэйто 1978 г. уже выдвигалась цель по гармонизации позиции с ЛДП в вопросах оборонной сферы, а на съезде ПДС 1984 г. руководство партии и вовсе объявило о желании создания коалиции с ЛДП [Стрельцов 2013: 295–297]. Таким образом, постулируемые функционерами от ЛДП в течение десятилетий тезисы о важности модернизации военных подходов Японии постепенно стали обрастать зачатками поддержки со стороны оппозиции.

Вместе с тем маятник политических взглядов центристской оппозиции качался в обе стороны. Очередным толчком в направлении левых сил для неё стал кризис руководства ЛДП начала 1990-х гг., связанный с возросшими экономическими проблемами в Японии, а также с внутрипартийными коррупционными скандалами. В результате к выборам в нижнюю палату парламента 1993 г. оппозиции удалось сколотить «семипартийную коалицию», в конечном итоге одержавшую победу над ЛДП.

Тем не менее поражение консерваторов так и не обозначило серьёзного разворота оборонной политики Японии. На лидирующих позициях коалиция смогла продержаться лишь 11 месяцев, в итоге распавшись по причине внутренних противоречий. Руководство социалиста Мураямы Томиити, вступившего в должность премьер-министра в 1994 г., напротив, ознаменовалось резкой сменой партийной риторики СПЯ, признавшей конституционность подходов консервативных сил.

Итогом коалиционной неразберихи, а также трансформации идеологических основ СПЯ стала потеря основной части партийного электората и, как следствие, роспуск в 1996 г. Её преемница, Социал-демократическая партия, уже не имела столь внушительной общественной поддержки и в конечном итоге не сумела сохранить руководящую роль, уступив её ЛДП.

В результате потери лидера левых сил в лице СПЯ центристские партии в очередной раз качнулись в сторону поддержки консерваторов, заявив о необходимости перехода к так называемому «пацифизму для создания мира», предусматривающему более активную роль Японии в обеспечении собственной безопасности. Такого взгляда, в частности, до сих пор придерживается партия Комэйто, являющаяся основным союзником ЛДП с 1999 г.

Отсутствие сильной оппозиции заполнила образовавшаяся в 1998 г. Демократическая партия Японии (ДПЯ), объединившая сторонников различных политических сил, позиционировавших себя в качестве основных оппонентов ЛДП. Тем не менее на деле ДПЯ

имела гораздо больше сходств с представителями правого крыла, чем её идеологические предшественники. Так, и ДПЯ, и ЛДП выступали за укрепление сил самообороны, однако если первая видела главной целью в сфере безопасности Японии участие в миротворческих операциях ООН, то для второй приоритетом являлось выполнение задач, поставленных в рамках американо-японского союза.

Схожие политические позиции прослеживались в действиях череды премьер-министров – демократов, руководивших Японией с 2009 по 2012 гг. В частности, Ё. Ноде, находившемуся у власти в период с 2011 по 2012 гг., за довольно короткий период правления удалось существенно нарастить возможности японского ОПК путём расширения номенклатуры экспорта продукции военного назначения дружественным странам. Антипацифистский шаг стал результатом смягчения ограничений «Трёх принципов экспорта вооружений», вынужденно принятых руководством ЛДП в качестве компромисса с СПЯ в 1967 г. Следующим этапом трансформации лимитирующего документа стала его замена на «Три принципа передачи оборонного оборудования и технологий», принятых в 2014 г. уже премьер-министром от ЛДП С. Абэ. Новый документ избавился от давно изживших себя постулатов биполярной системы, запрещавших поставки военного оборудования странам социалистического лагеря. Кроме того, в результате дополнений, внесённых администрацией Кисиды в 2023 г., стал возможен экспорт более широкому кругу стран не только отдельных деталей, но и готовой продукции, а также нелетального оружия⁴. А уже в марте 2024 г. Кисида заявил о готовности в будущем отправить странам-партнёрам истребители нового поколения, тем самым сделав первый шаг в сторону возможной передачи летального оружия⁵.

Именно Ё. Нода стал инициатором очередного пересмотра «Руководящих принципов японско-американского оборонного сотрудничества», воплощённого в жизнь С. Абэ в 2015 г. Так, главной особенностью принятого в 1978 г. фундаментального документа было детальное определение мер поддержки Японии со стороны США, в том числе в виде обеспечения потенциала ядерного сдерживания. В модификацию 1997 г. были добавлены новые положения, среди которых появился и раздел 3, определяющий критерии сотрудничества в мирное время. Пересмотренный в третий раз в 2015 г. документ провозгласил уже «глобальный характер» американо-японского союза⁶.

Однако основная проблема приходящей к власти системной оппозиции – внутрипартийные разногласия – не обошла стороной и ДПЯ. Так, следствием несогласованности действий партийных функционеров стало поражение демократов на выборах в нижнюю палату парламента 2012 г. и окончательный роспуск партии в 2016 г.

Очередной долгосрочный этап политического лидерства ЛДП, начавшийся в 2012 г. и продолжающийся до сих пор, ознаменовался серьёзными внешнеполитическими вызовами для Японии. В условиях возросших военных угроз со стороны КНР и КНДР, а также пошатнувшихся основ международной безопасности на фоне украинского кризиса взгляды

⁴ Three principles on transfer of defense equipment and technology. *Japan Ministry of Defense*, Dec 22, 2023. URL: <https://www.mod.go.jp/en/equipment/principles/index.html> (accessed: Aug 25, 2024).

⁵ Japan makes security policy switch without public discourse. *The Asahi Shimbun*, Mar 27, 2024. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15210772> (accessed: Aug 28, 2024).

⁶ The guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. *Japan Ministry of Defense*, Apr 27, 2015. URL: <https://www.mod.go.jp/en/j-us-alliance/guidelines/index.html> (accessed: Aug 29, 2024).

на необходимость усиления оборонных позиций страны стали приобретать всё большую популярность среди японских политических кругов.

На дебатах 10 июля 2022 г., приуроченных к национальным выборам в верхнюю палату парламента, среди большинства оппозиционных партий выявилась явная тенденция к поддержке углубления японо-американских отношений, а также созданию собственных оборонных возможностей, соответствующих веянию времени. Главным образом споры велись лишь о методах достижения поставленных целей.

Оппозиционный лидер, Конституционно-демократическая партия Японии, сменившая в 2017 г. на этом посту ДПЯ, подчеркнула важность политики, направленной на обеспечение надёжной национальной безопасности, а также на повышение уровня оборонного потенциала, но обозначила в качестве приоритета стремление к миру путём диалога. Японская инновационная партия обязалась в случае победы увеличить оборонный бюджет до 2 % ВВП, что впоследствии осуществила ЛДП. Демократическая партия для народа и вовсе заявила о поддержке идеи нанесения превентивных ударов по противнику в целях самообороны⁷.

Из 545 кандидатов, принявших участие в выборах 2022 г., 68 % выступили за скорейшее практическое укрепление обороноспособности Японии, превысив почти вдвое аналогичные показатели трёхлетней давности (37 %) ⁸. Без сомнения, данная статистика придаёт дополнительную уверенность Ф. Кисиде в правильности осуществляемого курса, тем самым давая простор японскому руководству для принятия всё более радикальных решений.

Основные аспекты политики Ф. Кисиды в сфере безопасности

Премьер-министра Японии Кисиду Фумио по праву можно назвать опытным политиком. Ещё в 1993 г. он впервые был избран в качестве депутата от ЛДП в Палату представителей, а за годы работы на государственной службе приобрёл действительно впечатляющий послужной список, занимая различные высокие посты в администрациях К. Обути, Ё. Мори, Дз. Коидзуми, Я. Фукуды и С. Абэ⁹.

К моменту своего избрания на высший руководящий пост в октябре 2021 г. Ф. Кисида имел репутацию умеренно-либерального политика. Тогда казалось, что, будучи продолжительное время лидером одной из влиятельнейших фракций ЛДП «Коти-кай», Кисида последует заветам её основателя, бывшего премьер-министра Х. Икэды, с именем которого принято связывать ускоренные темпы экономического роста послевоенной Японии.

В качестве ещё одного довода в пользу предполагавшейся преимущества фракционного курса мог бы послужить и тот факт, что все вышедшие из-под крыла фракции «Коти-кай» бывшие премьер-министры М. Охира, Дз. Судзуки, К. Миядзава, несмотря на практическую поддержку развития оборонных планов, в первую очередь подчёркивали важность именно экономического развития страны.

⁷ Security strategy should not rely on military power alone. *The Asahi Shimbun*, Jun 24, 2024. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14652484> (accessed: Aug 5, 2024).

⁸ Satomi Nen, Isobe Yoshitaka. Survey: 68 % of candidates favor bolstering Japan's defense. *The Asahi Shimbun*, Jun 24, 2024. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14652834> (accessed: Aug 28, 2024).

⁹ Biography of Fumio Kishida. *Prime Minister's Office of Japan*. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/meibo/daijin/kishida_e.html (accessed: Aug 21, 2024).

Таким образом, ряд косвенных признаков указывал на то, что экономическая повестка встанет во главу угла нового политического курса Токио. Подтверждением данных ожиданий отчасти стала и программная речь Кисиды, произнесённая на 205-й сессии парламента Японии 8 октября 2021 г. В ходе своего выступления премьер-министр более 20 раз упомянул слово «экономика», тем самым демонстрируя особую значимость данной сферы¹⁰.

Однако в 2024 г., спустя 3 года работы Ф. Кисиды на посту премьер-министра, можно констатировать тот факт, что приход к власти новой администрации скорее стал логическим и идеологическим продолжением политики бывшего премьер-министра С. Абэ, отметившегося принятием ряда резонансных решений в оборонной сфере, нежели более взвешенной внутрифракционной философии «Коти-кай». Сама фракция, по иронии судьбы, объявила о своём роспуске 23 января 2024 г. в связи с целой чередой коррупционных скандалов.

Отказ от исторического фракционного курса во многом стал следствием сложившейся кризисной внешнеполитической обстановки, побудившей японское руководство активизировать усилия по модернизации оборонной политики. Так, 16 декабря 2022 г. правительство Японии утвердило три обновлённых документа, касающихся национальной безопасности, с целью дальнейшего повышения её уровня. Следует отметить, что инициативы, содержащиеся в «Стратегии национальной безопасности»¹¹, «Стратегии национальной обороны»¹² и «Программе наращивания оборонного строительства»¹³, оказались в значительной степени революционными и отчасти противоречивыми, если говорить о возможности нанесения превентивных ударов по территории агрессора, однако они, несомненно, позволили усилить оборонный потенциал Токио [Matsuda 2023: 85–102].

Тем не менее, как это представляется, уровень общественного сознания Японии всё ещё имеет достаточно высокий порог сопротивляемости отходу от принципов пацифизма. Поэтому, дабы не столкнуться с кризисом легитимности принимаемых решений, Кисида вынужден избегать ассоциаций своего политического курса с попытками дальнейшей милитаризации Японии, что отчётливо можно заметить на уровне внутривнутриполитической риторики. Администрация Кисиды взяла на вооружение применяемый С. Абэ, в том числе и в официальных документах, термин «проактивный пацифизм», позволяющий интерпретировать спорные решения в сфере безопасности как превентивные меры самозащиты, не имеющие агрессивного посыла.

Очередным подтверждением данного тезиса стало обращение МИД Японии в редакцию журнала “Times” в связи с выходом выпуска в мае 2023 г., на обложке которого говорилось об отказе Кисиды от политики пацифизма в угоду превращения Японии в настоящую военную державу. В итоге заголовок электронной версии журнала был заменён

¹⁰ Policy Speech by Prime Minister Kishida Fumio to the 205th Session of the Diet. *Prime Minister's Office of Japan*, Oct 8, 2024. URL: https://japan.kantei.go.jp/100_kishida/statement/202110/_00005.html (accessed: Aug 25, 2024).

¹¹ National Security Strategy of Japan. *Cabinet Secretariat*, Dec, 2022. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/siryou/221216anzenhoshou/nss-e.pdf> (accessed: Aug 28, 2024).

¹² National Defense Strategy. *Japan Ministry of Defence*, Dec, 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/strategy/pdf/strategy_en.pdf (accessed: Aug 28, 2024).

¹³ Defense Buildup Program. *Japan Ministry of Defence*, Dec, 2022. URL: https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/guideline/plan/pdf/program_en.pdf (accessed: Aug 28, 2024).

на миролюбивую формулировку о намерениях Кисиды играть более активную роль на мировой арене¹⁴.

Вместе с тем подавляющее большинство публичных действий премьер-министра продолжают всё больше расходиться с его официальным образом пацифиста. Основой столь противоречивого поведения служит не только частичная поддержка оппозицией ревизионистских планов японского руководства, но и общая слабость политических оппонентов партии Кисиды. Даже на фоне рекордно низкого рейтинга ЛДП, на февраль 2024 г. составлявшего всего 31,5 %, консервативное крыло сохраняет огромное преимущество перед оппозиционными силами. Так, ближайшие конкуренты, Партия инноваций и Конституционно-демократическая партия, в ходе того же опроса получили лишь 9,4 % и 9 % соответственно¹⁵.

По плавно снижавшимся всю вторую половину 2023 г. рейтингам премьер-министра можно сделать вывод, что взятый курс на рекордное увеличение расходов в военной сфере в размере 43 трлн иен (≈\$313 млн) наткнулся на общественный скептицизм в отношении дальнейшего выполнения государством взятых на себя социальных обязательств. Опасения японцев подтвердило сделанное впервые за 12 лет объявление о снижении общих бюджетных расходов на 2024 и 2025 гг. Так, бюджет на 2024 финансовый год составил 112,07 трлн иен (≈\$787 млрд), что на 2 % ниже предыдущего. Кроме того, впервые за 17 лет Банком Японии предполагается повышение процентной ставки с 1,1 % до 1,9 %¹⁶.

Бывший премьер-министр Японии С. Абэ в аналогичных ситуациях предпочитал фокусироваться на экономических вопросах, отодвигая военную тематику временно на второй план. Однако уровень давления Вашингтона на Токио в рамках американо-японского союза настолько велик, что даже при рекордно низком рейтинге одобрения, составившем 24,5 % в феврале 2024 г., Кисида продолжает настаивать на необходимости увеличения финансовых вливаний в оборонную сферу. Отдельно стоит отметить и то, что данный процесс происходит на фоне национального разочарования по поводу государственного долга Японии, седьмой год подряд бьющего рекорды роста и составившего на конец марта 2024 г. 1,29 квадрилн иен (≈\$8,6 трлн), а также беспрецедентно низкого уровня рождаемости¹⁷.

С целью получения политических очков Кисида пошёл на реализацию ряда популистских мер, объявив о снижении подоходного налога в размере 40 000 иен (\$282) на человека с июня 2024 г.¹⁸. Кроме того, правительство заявило и о мерах, направленных на борьбу со снижением рождаемости. Также в сложившейся ситуации Кисида был вынужден отойти от намеченных планов по внесению изменений в пацифистскую конституцию Японии,

¹⁴ Japan protests headline of Time Magazine interview with Kishida. *The Japan news*, May 12, 2023. URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/politics/politics-government/20230512-109305/> (accessed: Aug 21, 2024).

¹⁵ Kishida Cabinet support rate falls to 2nd-lowest 24.5 % over scandal. *Kyodo News*, Dec 4, 2024. URL: <https://english.kyodonews.net/news/2024/02/8223663aa1d5-urgent-kishida-cabinets-support-rate-falls-to-245-kyodo-poll.html> (accessed: Aug 21, 2024).

¹⁶ Juntaro Arai. Japan to raise assumed rate for debt-servicing to 1.9 %. *Nikkei Asia*, Dec 12, 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Markets/Bonds/Japan-to-raise-assumed-rate-for-debt-servicing-to-1.9#:~:text=Tokyo%20%2D%20Japan%20is%20poised,exit%20its%20ultraloose%20monetary%20policy> (accessed: Aug 25, 2024).

¹⁷ Central Government Debt. *Ministry of Finance*, URL: <https://www.mof.go.jp/english/policy/jgbs/reference/gbb/e202403.html> (accessed: Aug 5, 2024).

¹⁸ Coalition OKs long list of tax cuts; no defense buildup tax hike. *The Asahi Shimbun*, Dec 15, 2023. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15084717> (accessed: Aug 7, 2024).

в первую очередь из-за сложности процедуры их принятия, требующей проведения национального референдума с результатом одобрения более 50 %. Продолжает сохраняться и ограничение в виде запрета на экспорт лицензионной продукции странам-участникам военного конфликта. В данном вопросе союзник по коалиции с ЛДП партия Комэйто старается сохранить свой пацифистски ориентированный образ. Тем не менее можно предположить, что рано или поздно и это решение японского руководства будет принято.

Заключение

Преимственность политического курса обеспечила прочную почву для реализации планов Ф. Кисиды по наращиванию оборонного потенциала Японии, намеченных к исполнению в среднесрочной перспективе. Прежде всего, основанием для их воплощения стала формировавшаяся десятилетиями юридическая база, закреплённая в целом ряде японских внутригосударственных документов, содержание которых с годами всё сильнее отдаляется от декларируемых Токио принципов пацифизма. Тем не менее важность 9-й статьи Конституции остаётся непоколебимой, а следовательно, и разговоры о полномасштабной милитаризации Японии во многом представляются преждевременными, хотя и определённые тенденции к движению в данную сторону просматриваются. Кроме того, серьёзным ограничителем оборонных подходов Кисиды является неприемлемость резких изменений в политике безопасности Токио для пацифистски настроенного большинства японского общества.

Однако давление со стороны Вашингтона наравне со стремлением Токио отличиться в глазах старшего партнёра всё же привели к определённой радикализации оборонного курса Кисиды. В свою очередь, отсутствие суверенности в принимаемых решениях нынешняя администрация отчасти маскирует необходимостью ответной реакции на целый ряд угроз, с которыми приходится сталкиваться современной Японии. Так, японские власти апеллируют к тесной взаимосвязи между кризисом европейской системы безопасности и будущим безопасностью в Восточной Азии, опасение вызывает и рост военной мощи КНР, и, как следствие, наращивание напряжённости вокруг Тайваня, без внимания не остаётся и военная активность Пхеньяна.

Реализация Токио мер оборонительного характера ознаменовалась постепенным формированием базы для ведения в том числе и наступательных действий. Несмотря на то, что подобные планы не декларируются администрацией Кисиды открыто, на такую возможность указывает целый ряд факторов, а именно: беспрецедентное увеличение оборонного бюджета, официальное закрепление возможности нанесения превентивных ударов, расширение военно-технического взаимодействия с дружественными Японией странами и т.д. Вместе с тем в японских политических кругах всё чаще озвучиваются и наиболее радикальные предложения по размещению на территории Японии ядерного оружия, однако они не имеют на данный момент существенной политической и общественной поддержки. Тем не менее, опираясь на динамику развития японской военной сферы, можно сделать вывод, что данные вопросы вполне могут стать темой будущих внутривнутриполитических споров наряду с проблемой изменения конституции Японии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Киреева А.А., Нелидов В.В. Прошлое и настоящее Сил самообороны Японии: роль в государстве, обществе и на международной арене // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 29–54.
- Нелидов В.В. Японо-американский Договор безопасности 1960 г. и внешнеполитический процесс в послевоенной Японии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2018. № 2 (12). С. 64–78. DOI 10.28995/2073-6339-2018-2-63-78
- Политическая система современной Японии / под ред. Стрельцова Д.В. М: Аспект-Пресс, 2013. 384 с.

REFERENCES

- Kireeva A.A., Nelidov V.V. (2018). Proshloye i nastoyashcheye Sil samooborony Yaponii: rol' v gosudarstve, obshchestve i na mezhdunarodnoy arene [The past and present of the Japan Self-Defense Forces: their role in the state, society and in the international arena]. *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*, 47: 29–54. (In Russian). DOI 10.24411/0235-8182-2018-10002
- Nelidov V.V. (2018). Yapono-amerikanskiy Dogovor bezopasnosti 1960 g. i vneshepoliticheskiy protsess v poslevoynenoy Yaponii [Japan-U.S. Security Treaty of 1960 and foreign policy process in postwar Japan]. *Vestnik RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye" [RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series]*, 2: 64–78. (In Russian). DOI 10.28995/2073-6339-2018-2-63-78
- Politicheskaya sistema sovremennoy Yaponii [The political system of modern Japan]* (2023) / ed. by Streltsov D.V. Moscow: Aspekt-Press, 384 p. (In Russian).
- * * *
- Hatakeyama Kyoko (2021). *Japan's Evolving Security Policy: Militarisation within a Pacifist Tradition*. Routledge, 30 p.
- Matsuda Takuya (2023). Japan's Emerging Security Strategy. *The Washington Quarterly*, 46 (1): 85–102. DOI 10.1080/0163660X.2023.2190218
- Takemae Eiji (2002). *Inside GHQ: The allied occupation of Japan and its legacy*. Continuum Intl Pub Group, 65 p.

Поступила в редакцию: 03.09.2024
Принята к публикации: 27.09.2024

Received: Sep 3, 2024
Accepted: Sep 27, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-33-46

Стратегия крупных держав в субрегионе Большого Меконга и возможности конкуренции с ними России: взгляд из Вьетнама

Ву Тхюи Чанг¹

¹ Институт европейских исследований Вьетнамской Академии общественных наук

Аннотация. Крупные державы проявляют всё больший интерес к субрегиону Большого Меконга (СБМ) из-за его геостратегического расположения. Они считают, что расширение их присутствия в этом регионе помогает достичь ряда национальных целей, в частности, усилить их влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом, а также в странах континентальной части Юго-Восточной Азии. Статья посвящена анализу подходов США и Китая к субрегиону Большого Меконга в условиях конкуренции между этими державами. Исследование показало, что у каждого государства существуют собственные подходы к формированию интеграционных механизмов для привлечения стран СБМ под своё влияние. Особое внимание в статье уделено оценке возможностей России. Отмечается, что в условиях давнего присутствия США и Китая в этом регионе России, имеющей множество интересов здесь, необходимо предпринять соответствующие шаги для утверждения своей роли и позиций.

Ключевые слова: субрегион Большого Меконга (СБМ), Россия, Китай, США, Вьетнам, конкуренция, участие, вовлечённость.

Автор: Ву Тхюи Чанг, к.и.н., директор Центра изучения России и СНГ, Институт европейских исследований Вьетнамской Академии общественных наук (адрес: Вьетнам, Ханой, район Донгда, ул. Тхайха, 176). ORCID: 0000-0002-1179-9052. E-mail: vuthuytrang@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ву Тхюи Ч. Стратегия крупных держав в субрегионе Большого Меконга и возможности конкуренции с ними России: взгляд из Вьетнама // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 33–46. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-33-46

The strategy of the major powers in the Greater Mekong Subregion and the possibilities of Russia's competition with them: a view from Vietnam

Vu Thuy Trang¹

¹ Institute for European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences

Abstract. The major powers are becoming more interested in the Greater Mekong Subregion (GMS) due to its strategic location. They believe that increasing their presence in the area helps to achieve a number

of national goals, particularly enhancing their influence in the Asia-Pacific region as a whole as well as in the countries of mainland Southeast Asia. The article examines the US and China's approaches to the Greater Mekong Subregion (GMS) in light of their rivalry. This analysis additionally demonstrates that every power has a unique way for creating integration mechanisms in order to draw the GMS nations under its influence. The paper also focuses on the evaluation of Russia's capabilities. The author points out that given China's and the United States' long-standing presence in the area, Russia, which has a number of interests there, must take the proper measures to establish its place and role in the region.

Keywords: Greater Mekong Subregion (GMS), Russia, China, USA, Vietnam, competition, involvement, participation.

Author: Vu Thuy Trang, PhD (History), Institute for European Studies of the Vietnam Academy of Social Sciences (address: Vietnam, Hanoi, Dongda District, Thaiha Street, 176). ORCID: 0000-0002-1179-9052. E-mail: vuthuytrang@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Vu Thuy Trang (2024). Strategiya krupnykh derzhav v subregione Bol'shogo Mekonga i vozmozhnosti konkurentsii s nimi Rossii: vzglyad iz V'yetnama [The strategy of the major powers in the Greater Mekong Subregion and the possibilities of Russia's competition with them: a view from Vietnam]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 33–46. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-33-46

Введение

Субрегион Большого Меконга (СБМ) включает в себя пять стран, входящих в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (Мьянму, Лаос, Таиланд, Камбоджу, Вьетнам), и две китайских провинции (Юньнань и Гуанси), расположенные вдоль реки Меконг. СБМ имеет общую площадь в 2,6 млн кв. км, граничит с Китаем и Индией, соединяет Индийский океан с Тихим океаном и расположен у входа в Малаккский пролив. Население субрегиона составляет 326 млн человек¹. Этот перспективный рынок характеризуется быстрыми темпами урбанизации и развития лёгкой промышленности, что делает страны СБМ важными звеньями в глобальной производственной цепочке поставок. Субрегион является местом пересечения оживлённых морских путей, соединяющих азиатский континент с Океанией в направлении Север-Юг и Индийский океан с Тихим в направлении Восток-Запад. В настоящее время СБМ занимает важную позицию во внешней политике крупных держав². Юго-Восточная Азия в целом и СБМ в частности считаются важными «буферными зонами» для проведения политики влияния и реализации собственной геополитической стратегии крупных стран.

Вместе с тем важно упомянуть и острые внутренние проблемы, стоящие перед СБМ, такие как изменение климата, загрязнение окружающей среды, засухи, наводнения и подъём уровня моря. Они представляют собой прямые угрозы водной и продовольственной безопасности стран, расположенных в нижнем течении реки Меконг. Кроме того, страны СБМ сталкиваются с транснациональной преступностью и торговлей людьми, что угрожает социальной стабильности и безопасности. Различия в политических институтах и в уровне

¹ Greater Mekong Subregion (GMS). *Asian Development Bank*, Sep 7, 2024. URL: <https://www.adb.org/what-we-do/topics/regional-cooperation/gms> (accessed: Sep 7, 2024).

² Bùi Thanh Tuấn. Giá trị địa chiến lược của tiểu vùng sông Mekong [The significance of the Mekong sub-region strategically]. *Tạp chí Cộng sản* [Communist Review], Aug 6, 2022. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/2018/825693/gia-tri-dia---chien-luoc-cua-tieu-vung-song-mekong.aspx> (accessed: Aug 6, 2022). (In Vietnamese).

экономического развития стран региона, также как и культурные и социальные различия, создают множество трудностей для сотрудничества внутри СБМ. Экономика стран региона, в основном небольших, сильно зависит от внешних факторов, связанных с сотрудничеством и инвестициями, и сопутствующие риски также относительно высоки. Страны СБМ в разной мере способны реагировать на угрозы и вызовы в сфере безопасности. Различия в интересах вызывают трудности в выработке единого взгляда стран субрегиона на его проблемы. Таким образом, СБМ имеет не только большой потенциал развития, но и испытывает множество трудностей.

Методология

В настоящей статье автор использует метод системного анализа, популярный в изучении международных отношений. Природа системы всегда движется и развивается за счёт воздействия «входных» факторов (финансовых, материальных, организационных, информационных и др.) и «выходных» результатов их использования. Этот метод помогает рассмотреть эффективность подхода США и Китая к региону через механизмы и ресурсы, применяемые двумя державами, и тем самым оценить возможность усиления присутствия России.

Обзор литературы

Большинство учёных имеют схожие взгляды на важность СБМ. Буй Тхань Туан³ и Фан Тхи Тхань Бинь⁴ считают СБМ важным геоэкономическим и геополитическим регионом, где пересекаются интересы многих держав мира, включая США и Китай. Обе страны уделяют особое внимание усилению влияния в субрегионе Меконга в контексте взаимной стратегической конкуренции и претензий на глобальное могущество [Trần Ngọc Dũng 2023].

По оценке Л. Гуаншэна, субрегион Меконга имеет важное значение в периферийной внешней политике и стратегии регионального сотрудничества Китая [Lu Guangsheng 2016: 4–6]. По мере подъёма Китая в новом столетии, расширение экономической деятельности в СБМ в рамках инициативы «Один пояс, один путь» стало приоритетом Пекина. Как утверждает Джен-Джо Сонг, Китай использует экономический коридор СБМ в качестве трамплина для облегчения интеграции с экономиками Юго-Восточной Азии [Jen-Jaw Song 2016]. Для увеличения зависимости экономики региона от Китая, по мнению Ниланджана Баника, китайские компании активно инвестируют в страны СБМ, снижая внутренние затраты на ресурсы и избегая при этом протекционистских мер в США и ЕС [Nilanjan Banik 2011: 1035].

³ Bùi Thanh Tuấn. Giá trị địa chiến lược của tiểu vùng sông Mekong [The significance of the Mekong sub-region strategically]. *Tạp chí Cộng sản* [Communist Review], Aug 6, 2022. URL: <https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/2018/825693/gia-tri-dia---chien-luoc-cua-tieu-vung-song-mekong.aspx> (accessed: Aug 6, 2022). (In Vietnamese).

⁴ Phạm Thị Thanh Bình. Chiến lược của Trung Quốc và Nhật Bản trong khu vực tiểu vùng sông Mekong mở rộng và một số vấn đề đặt ra đối với Việt Nam [China and Japan's strategies in the Greater Mekong Subregion and some implications for Vietnam]. *Tạp chí Cộng sản* [Communist Review], Nov 19, 2021. URL: <https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/2018/824385/chien-luoc-cua-trung-quoc-va-nhat-ban-trong-khu-vuc-tieu-vung-song-mekong-mo-rong-va-mot-so-van-de-dat-ra-doi-voi-viet-nam.aspx> (accessed: Nov 19, 2021). (In Vietnamese).

Можно сказать, что Китай добился синергии, построив множество центров, соединяющих транспортные, коммуникационные и энергетические системы региона, тем самым способствуя его экономическому развитию. Вместе с тем, как отметил Чьонг Минь Ву, гидроэнергетические проекты Китая вызвали ряд негативных последствий для экосистемы региона, включая обеспечение источников воды [Truong Minh Vu 2008: 163]. В будущем, по мнению А. Бутко, в СБМ могут возникнуть острые конфликты, связанные с нехваткой воды [Бутко 2022: 48].

Себастьян Странджио в своём исследовании подтвердил, что США критикуют плотины китайских гидроэлектростанций на Меконге под предлогом беспокойства о возможных последствиях для стран, расположенных в нижнем течении реки⁵. США отводят СБМ важное место в Индо-Тихоокеанской стратегии⁶ и предпринимают шаги по усилению влияния в регионе. По словам Хоанг Тхи Ха, стратегическая цель США – повысить сопротивляемость стран Нижнего Меконга китайскому влиянию⁷.

В условиях усиления конкуренции за влияние между Китаем и США Россия, имеющая множество интересов в Юго-Восточной Азии в целом и в СБМ в частности, также анализирует возможные шаги по расширению своего участия. По мнению В. Смышляева, Россия может оказать техническую и экономическую поддержку СБМ, который сталкивается с различными рисками и проблемами, включая проблемы водных ресурсов. Участие России поможет обеспечить правовую основу для международного водопользования и разработку системы обмена гидрологической информацией и мониторинга⁸. Возможно, в ближайшее время России потребуется ещё больше активизировать своё участие в регионе, чтобы укрепить сотрудничество с проверенными партнёрами в Юго-Восточной Азии.

Участие Китая и США в СБМ

Участие в регионе Китая, расположенного выше по течению реки Меконг, в последнее время значительно расширилось. Для Китая СБМ занимает позицию «моста» для развития сотрудничества со странами АСЕАН в контексте конкуренции за влияние с США, Японией, Индией и Европейским Союзом (ЕС). КНР также хочет вовлечь страны региона в свою экономическую и политическую орбиту, чтобы усилить их зависимость от себя.

Китай определил следующие приоритеты сотрудничества в регионе: соединение коридоров между Юго-Западным Китаем (провинция Юньнань) и Индокитаем; соединение рынков этой части КНР и Юго-Восточной Азии; реализация совместных проектов, направленных на установление взаимовыгодного экономического сотрудничества; создание подходящей международной инвестиционной и торговой среды, а также построение

⁵ Strangio Sebastian. US Official Attacks China's 'Manipulation' of the Mekong. *The Diplomat*, Sep 4, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/us-official-attacks-chinas-manipulation-of-the-mekong> (accessed: Sep 4, 2020).

⁶ Lê Hải Bình. Các cơ chế hợp tác ở khu vực Mê Công và sự tham gia của Việt Nam [Cooperation mechanisms in the Mekong region and Vietnam's participation]. *Tap chí Cộng sản* [Communist Review], Jun 13, 2018. URL: https://tapchicongsan.org.vn/van_hoa_xa_hoi/-/2018/51196/cac-co-che-hop-tac-o-khu-vuc-me-cong-va-su-tham-gia-cua-viet-nam.aspx (accessed: Jun 13, 2018). (In Vietnamese).

⁷ Hoang Thi Ha. Is the US a Serious Competitor to China in the Lower Mekong? *ISEAS Perspective*, May 3, 2023. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2023-37-is-the-us-a-serious-competitor-to-china-in-the-lower-mekong-by-hoang-thi-ha/> (accessed: May 3, 2023).

⁸ Смышляев В. Российский ключ к Меконгу. *РСМД*, 27.07.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskiy-klyuch-k-mekongu/> (дата обращения: 27.07.2021).

стабильных отношений и долгосрочного сотрудничества со странами АСЕАН⁹. СБМ богат природными ресурсами, поэтому Китай стремится удовлетворить спрос на ресурсы и топливо для внутреннего производства. КНР стремится играть ключевую роль в сотрудничестве, чтобы подтвердить свою позицию державы, которая может решать важные проблемы региона и мира [Lu Guangsheng 2016: 4–6].

Для развития сотрудничества с СБМ Китай потратил 5 млн долл. на проект по улучшению морских маршрутов в районе верхнего Меконга, обязался потратить 20 млн юаней на проведение исследования о возможности строительства железнодорожной линии, соединяющей восточную часть Сингапура с Куньмином. Китай также инвестировал 7,2 млрд долл. в проект железной дороги, соединяющей Вьентьян и Куньмин, 30 млн долл. – в виде безвозмездной помощи Лаосу на сооружение 85 км шоссе в рамках проекта Куньмин-Бангкок [Trương Minh Vũ 2008], 500 млн долл. вложил в исследование и строительство автотрассы Пномпень-Локнинь [New 2009: 12]. Основная причина активных инвестиций Китая в инфраструктуру СБМ заключается в стремлении способствовать развитию провинций Юньнань и Гуанси, чтобы превратить их в центр пересечения автомобильных и железнодорожных маршрутов.

По мнению экспертов, реализация вышеперечисленных проектов транспортного и инфраструктурного строительства поможет Китаю расширить своё влияние на юг. Посредством экономического влияния Китай частично укрепляет свои политические позиции в регионе [Trần Ngọc Dũng 2023]. В 2015 г. Китай предоставил странам СБМ 5 млрд долл. на ликвидацию голода и сокращение бедности, около 1 млрд долл. выделил на проекты по улучшению инфраструктуры, более 10 млрд долл. вложил в Фонд развития АСЕАН и инвестировал около 11 млрд долл. в реализацию 26 масштабных проектов сотрудничества¹⁰. В 2016 г. зародилось сотрудничество Меконг-Ланьцан, которое считается типичным примером растущего влияния Китая в регионе. 23 марта 2016 г. лидеры Китая и стран СБМ подписали Совместную декларацию о сотрудничестве Меконг-Ланьцан, в которой обозначены 78 инфраструктурных проектов. Приоритетные направления сотрудничества включают управление водными ресурсами, сокращение региональной бедности, приграничное экономическое сотрудничество и расширение транспортной сети [Brilingaite 2017: 15–16].

Китай инвестировал около 10 млрд долл. в транспортные проекты и обязался внести 300 млн долл. в Специальный фонд сотрудничества Меконг-Ланьцан в течение 5 лет, в том числе в форме льготных кредитов. Китай предоставил кредиты в размере 5 млрд долл. на строительство инфраструктуры и сотрудничество в развитии производственных мощностей.

⁹ Phạm Thị Thanh Bình. Chiến lược của Trung Quốc và Nhật Bản trong khu vực tiểu vùng sông Mekong mở rộng và một số vấn đề đặt ra đối với Việt Nam [China and Japan's strategies in the Greater Mekong Subregion and some implications for Vietnam]. *Tạp chí Cộng sản* [Communist Review], Nov 29, 2021. URL: <https://www.tapchiconsan.org.vn/web/guest/the-gioi-van-de-su-kien/-/2018/824385/chien-luoc-cua-trung-quoc-va-nhat-ban-trong-khu-vuc-tieu-vung-song-mekong-mo-rong-va-mot-so-van-de-dat-ra-doi-voi-viet-nam.aspx> (accessed: Nov 29, 2021). (In Vietnamese).

¹⁰ Năm tăng cường kết nối trong Tiểu vùng Mekong [A year of improving the Mekong Subregion's connection]. *The Embassy of Socialist Republic Vietnam in Praha*, Sep 5, 2024. URL: <https://vnembassy-praha.mofa.gov.vn/vi-vn/About%20Vietnam/General%20Information/Economic/Trang/GMS-5-enhanced-connectivity-in-the-Mekong-Sub-region.aspx?p=14> (accessed: Sep 5, 2024). (In Vietnamese).

С помощью этих ресурсов проект Меконг-Ланьцан смог поддержать 45 субъектов, 13 конкретных инициатив и обеспечить финансирование около 90 проектов для стран СБМ¹¹.

Китай является ведущим инвестором в Лаосе и Камбодже, а также крупным торговым партнёром всех стран СБМ. В 2022 г. товарооборот между Китаем и Камбоджей, Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом достиг более 416 млрд долл., увеличившись на 5 % по сравнению с 2021 г.¹². В 2023 г. общий товарооборот Китая со странами СБМ снизился и составил 386,31 млрд долл. (в том числе с Вьетнамом – 171,2 млрд долл.¹³, с Лаосом – 7,09 млрд.¹⁴, с Таиландом – 174 млрд.¹⁵, с Мьянмой – 20,95 млрд.¹⁶, с Камбоджей – 12,26 млрд долл.¹⁷). Китай постепенно вовлекает страны СБМ в орбиту инициативы «Один пояс, один путь», тем самым усиливая их экономическую зависимость и одновременно формируя рынок поставок сырья и материалов для внутреннего производства.

Сотрудничество Меконг-Ланьцан продемонстрировало стремление Китая создать новое игровое поле, на котором страна будет иметь более значительное влияние в регионе СБМ. Строительство плотин на реке Меконг свидетельствует о стремлении Пекина контролировать южных соседей. По словам Брайана Эйлера, директора программы Юго-Восточной Азии Исследовательского центра Стимсона (США), в верховьях реки Меконг в Китае расположены 11 плотин гидроэлектростанций, хранящих 47 млрд куб. м воды. В сезон дождей районы с наибольшей концентрацией воды в Меконге находятся в Лаосе и центральном нагорье Вьетнама, а на долю Китая приходится лишь около 7 % стока. Между тем, в засушливый сезон, когда в нижнем течении Меконга нет дождей, большая часть воды поступает с ледников Гималаев и протекает через Китай. Таким образом, на долю Китая приходится 40 % водостока реки в нижнем течении. Чем ближе плотины гидроэлектростанций располагаются к источнику воды, тем сильнее оказывается их воздействие ниже по течению, что усугубляет засухи¹⁸. Это облегчает Китаю давление на страны СБМ, которым остаётся либо принять его лидерство, либо испытывать

¹¹ Lã Thị Thu Hà. Cạnh tranh ảnh hưởng Mỹ – Trung Quốc tại Tiểu vùng sông Mekong và một số đề xuất chính sách đối với Việt Nam [US-China rivalry for sway in the Mekong Subregion and a few policy recommendations for Vietnam]. *Nghiencuuchienluoc.org*, Oct 16, 2022. URL: <https://nghiencuuchienluoc.org/canh-tranh-anh-huong-my-trung-quoc-tai-tieu-vung-song-mekong-va-mot-so-de-xuat-chinh-sach-doi-voi-viet-nam/> (accessed: Oct 16, 2022). (In Vietnamese).

¹² Kim ngạch thương mại giữa Trung Quốc và các nước vùng Mekong năm 2022 tăng trưởng mạnh [Trade between China and the Mekong region expanded significantly in 2022]. *Vov.vn*, Mar 24, 2024. URL: <https://vovworld.vn/vi-VN/kinh-te/kim-ngach-thuong-mai-giua-trung-quoc-va-cac-nuoc-vung-mekong-nam-2022-tang-truong-manh-1185761.vov> (accessed: Mar 24, 2024). (In Vietnamese).

¹³ Lương Thanh Hải. Tình hình hợp tác kinh tế giữa Việt Nam và Trung Quốc hiện nay [Current economic cooperation between China and Vietnam]. *Vioit.org.vn*, May 5, 2024. URL: <https://vioit.org.vn/vn/chien-luoc-chinh-sach/tinh-hinh-hop-tac-kinh-te-giua-viet-nam---trung-quoc-hien-nay-5877.4050.html> (accessed: May 5, 2024). (In Vietnamese).

¹⁴ China on track to become Laos' top trading partner. *Vientiane Times*, Feb 23, 2024. URL: https://www.vientianetimes.org.la/freefreeneews/freecontent_39_China_y24.php (accessed: Feb 23, 2024).

¹⁵ Thailand's trade deficit with China reaches record high. *The Nation*, Jan 31, 2024. <https://www.nationthailand.com/thailand/economy/40035154> (accessed: Jan 31, 2024).

¹⁶ According to the United Nations COMTRADE database on international trade. *Trading Economics*, Sep 5, 2024. URL: <https://tradingeconomics.com/china/imports/myanmar> (accessed: Sep 5, 2024).

¹⁷ China trade up almost 30 % Jan-Feb. *The Phnompenh Post*, Mar 20, 2024. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/cambodia-china-trade-up-almost-30-jan-feb> (accessed: Mar 20, 2024).

¹⁸ Việt Anh. Chuyên gia Mỹ: "Trung Quốc có thể giữ 50 % nước Mekong vào mùa khô" [US expert: "China can retain 50 % of Mekong water in the dry season"]. *Vnexpress.vn*, Feb 28, 2020. URL: <https://vnexpress.net/chuyen-gia-my-trung-quoc-co-the-giu-50-nuoc-mekong-vao-mua-kho-4059158.html> (accessed: Feb 28, 2020). (In Vietnamese).

экономические и экологические риски. По мнению учёного Ричарда Берштейна, контроль над течением реки Меконг является главным орудием Пекина для достижения гегемонии в регионе¹⁹.

Для США СБМ имеет стратегическое значение. Цель США — укрепить возможности стран вдоль Нижнего Меконга противостоять китайскому влиянию путём поддержки «автономии, экономической независимости, создания надлежащего управления и устойчивой стабильности» этих стран²⁰. США ценят сотрудничество со странами СБМ в контексте китайско-американской конкуренции, а также своей политики разворота и ребалансировки в Азии.

Приветствуя участие США в СБМ, администрация Обамы запустила Инициативу Нижнего Меконга, направленную на развитие сотрудничества с Камбоджей, Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом. Встреча министров иностранных дел этих стран проводится ежегодно и фокусируется на шести областях сотрудничества: сельское хозяйство и продовольственная безопасность, связь, образование, энергетическая безопасность, окружающая среда, водные ресурсы, здравоохранение. В рамках этой инициативы с 2009-го по 2020 г. Соединённые Штаты предоставили более 3,5 млрд долл. помощи в целях развития для двусторонних и региональных инициатив²¹. В 2012 г. США обязались выделить более 1 млн долл. на исследования по управлению водными ресурсами и развитию реки Меконг и 2 млн долл. на поддержку рыбаков в этом районе²². Эксперты считают, что США сосредоточены в СБМ на решении основных проблем, с которыми его население сталкивается в трансграничной среде и обеспечении устойчивого развития [Trần Ngọc Dũng 2023: 7].

В 2011 г. США также запустили инициативу «Друзья Нижнего Меконга» для содействия политическому сотрудничеству между странами региона и другими международными представительствами, такими как Австралия, Европейский Союз, Япония, Новая Зеландия, Южная Корея, Азиатский банк развития и Всемирный банк. Стратегические интересы США в СБМ возросли при администрации Д. Трампа (2017–2021 гг.). 2020 г. стал поворотным для влияния США в субрегионе, поскольку высокопоставленные американские дипломаты выступили с критикой поведения Китая в верховьях реки, а Инициатива по нижнему течению Меконга была повышена до уровня «Партнёрство Меконг-США» (Mekong-US Partnership). Это партнёрство, похоже, является конкурентом механизма сотрудничества Меконг-Ланьцан, возглавляемого Китаем.

Администрация Дж. Байдена сохранила влияние США в СБМ посредством партнёрства Меконг-США и расширила сотрудничество с другими партнёрами. В 2021 г. для партнёрства Меконг-США был принят трёхлетний план действий (2021–2023). Кроме того, был введён

¹⁹ Aidan Kato. Weaponizing Water: How China Controls the Mekong. *Davis Political Review*, Mar 9, 2022. URL: <https://www.davispoliticalreview.com/article/weaponizing-water-how-china-controls-the-mekong> (accessed: Mar 9, 2022).

²⁰ Hoang Thi Ha. Is the US a Serious Competitor to China in the Lower Mekong? *ISEAS Perspective*, May 3, 2023. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2023-37-is-the-us-a-serious-competitor-to-china-in-the-lower-mekong-by-hoang-thi-ha/> (accessed: May 3, 2023).

²¹ Joint Statement on the Japan United States Mekong Power Partnership. *Usembassy.gov*, Aug 2, 2019. URL: <https://mm.usembassy.gov/joint-statement-on-the-japan-united-states-mekong-power-partnership-jumpp/> (accessed: Aug 2, 2019).

²² Statement on the fifth Lower Mekong Initiative Ministerial Meeting. *US Department of State*, Jul 13, 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/07/194959.htm> (accessed: Jul 13, 2012).

термин «Свободный и открытый Меконг»²³, входящий в общую Индо-Тихоокеанскую стратегию.

Экологические и геополитические вызовы, стоящие перед странами СБМ, дают Вашингтону возможность противостоять влиянию Китая. Официальные лица США, в том числе госсекретарь Майк Помпео, раскритиковали строительство Китаем плотин на Меконге и непрозрачность в использовании речной воды²⁴. США вместе с континентальными странами ЮВА требуют от Китая большей прозрачности в планах сброса воды, чтобы заблаговременно предупреждать фермеров и рыбаков ниже по течению о наводнениях или засухах. Для достижения этой цели США предложили Инициативу по данным о водных ресурсах Меконга на 10-й конференции министров иностранных дел стран-участниц Инициативы Нижнего Меконга (в августе 2017 г.) и провели мониторинг плотин на Меконге в декабре 2020 г.²⁵.

За более чем 10 лет реализации Программы действий по Нижнему Меконгу США напрямую инвестировали в регион 120 млн долл. Из предоставленных США с 2009-го по 2020 г. почти 3,5 млрд долл. на поддержку СБМ²⁶, 1,2 млрд было выделено на программы здравоохранения, 734 млн – на экономическое развитие, 616 млн – на поддержание мира и региональной безопасности, 527 млн – на защиту прав человека, 175 млн – на образование и социальные вопросы и 165 млн долл. – на помощь при стихийных бедствиях²⁷.

Итак, подходы США и КНР к СБМ значительно отличаются. Стратегия Китая состоит в том, чтобы включить континентальные страны ЮВА в свою орбиту, а США, согласно их заявлениям, пытаются поддержать сотрудничество между странами СБМ и укрепить их экономическую автономию и независимость²⁸, повысить сопротивляемость стран Нижнего Меконга китайскому влиянию. Вместе с тем, по сравнению с влиянием Китая участие США в СБМ всё ещё незначительно. СБМ считается «задним двором» (“backyard”) Китая, очень важным для проводимой им внешней политики и дипломатии соседства. США же строят свою стратегию в этом субрегионе с опорой на ключевых союзников, вовлекаясь лишь в определённой степени, но не глубоко, поскольку решают свои задачи путём укрепления альянсов и партнёрств с такими странами, как Австралия, Индия и Япония.

США также не могут сравниться с Китаем по показателям экономического сотрудничества в регионе. Китай имеет прочные экономические связи со странами СБМ в таких областях, как торговля, туризм, инвестиции, помощь в целях развития

²³ Secretary Blinken’s Participation in the East Asia Summit Foreign Ministers Meeting. *US Mission to ASEAN*, Aug 5, 2021. URL: <https://asean.usmission.gov/secretary-blinkens-participation-in-the-east-asia-summit-foreign-ministers-meeting/> (accessed: Aug 5, 2021).

²⁴ Strangio Sebastian. US Official Attacks China’s ‘Manipulation’ of the Mekong. *The Diplomat*, Sep 4, 2020. URL: <https://thediplomat.com/2020/09/us-official-attacks-chinas-manipulation-of-the-mekong> (accessed: Sep 4, 2020).

²⁵ Lã Thị Thu Hà. Cảnh tranh ảnh hưởng Mỹ – Trung Quốc tại Tiểu vùng sông Mekong và một số đề xuất chính sách đối với Việt Nam [US-China rivalry for sway in the Mekong Subregion and a few policy recommendations for Vietnam]. *Nghiencuuchienluoc.org*, Oct 16, 2022. URL: <https://nghiencuuchienluoc.org/canh-tranh-anh-huong-my-trung-quoc-tai-tieu-vung-song-mekong-va-mot-so-de-xuat-chinh-sach-doi-voi-viet-nam/> (accessed: Oct 16, 2022). (In Vietnamese).

²⁶ Strengthening the US – Mekong Partnership. *US Mission to ASEAN*, Aug 2, 2019. URL: <https://asean.usmission.gov/strengthening-the-u-s-mekong-partnership/> (accessed: Aug 2, 2019).

²⁷ Launch of the Mekong – US Partnership: Expanding US engagement with the Mekong Region. *US Mission to ASEAN*, Sep 15, 2020. URL: <https://asean.usmission.gov/launch-of-the-mekong-u-s-partnership-expanding-u-s-engagement-with-the-mekong-region/> (accessed: Sep 15, 2020).

²⁸ Mekong-US Partnership. *Usaid.gov*, Sep 7, 2024. URL: <https://www.usaid.gov/asia-regional/lower-mekong-initiative-lmi> (accessed: Sep 7, 2024).

и финансирование инфраструктуры, и является крупнейшим торговым партнёром всех стран субрегиона. Между тем США не оставили большого экономического следа в Лаосе и Мьянме. США представляют крупнейший экспортный рынок для Вьетнама, Таиланда и Камбоджи, но и здесь Китай приближается к лидерству. Хотя США являются крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций в ЮВА, эти инвестиции в основном сосредоточены в морской части региона, особенно в Сингапуре. Кроме того, все страны СБМ являются членами Зоны свободной торговли АСЕАН-Китай (АСФТА) и Регионального всеобъемлющего экономического партнёрства (RCEP), в то время как США отсутствуют в этих форматах, включая азиатские многосторонние соглашения о свободной торговле.

Необходимость присутствия России в СБМ

Малые и средние страны уже давно ищут внешние силы для укрепления сотрудничества в области экономики и безопасности, чтобы ограничить монопольное доминирование одной державы. В контексте расширения деятельности США и Китая в регионе, направленной на усиление их влияния, Россия в качестве страны, обладающей своими интересами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеет много возможностей для участия в СБМ, что обусловлено следующими причинами.

Азиатско-Тихоокеанский регион в целом и Юго-Восточная Азия в частности входят в ряд приоритетов России. В последнее время Россия настойчиво проводила последовательную политику по укреплению отношений со странами этого региона, расширяя диалоговое партнёрство и сотрудничество со странами АСЕАН по широкому спектру направлений. В частности, РФ предлагает взаимодействовать в области политики и безопасности, экономики, в социально-культурной сфере, объединять усилия в целях развития, продвигать партнёрство в интересах большей взаимной выгоды и процветания²⁹. Таким образом, страны СБМ, безусловно, играют важную роль в стратегических расчётах России.

У России традиционно хорошие отношения со всеми странами СБМ. Россия установила всестороннее стратегическое партнёрство с Вьетнамом (2012 г.) и Лаосом (2011 г.), имеет дружественные связи с Таиландом, Мьянмой, Камбоджей. Вьетнам, Лаос и Мьянма являются ведущими партнёрами России в регионе, и эти отношения ценятся всё выше. РФ предоставляет современную авиационную технику и вооружение, участвует в подготовке тысяч офицеров и готовит инженеров ядерной программы для Мьянмы³⁰. Что касается Камбоджи, то эта страна имеет схожие с Россией взгляды по международным вопросам, активно поддерживая позицию РФ в последние годы. Например, в 2016 г. Камбоджа стала единственной страной из десяти государств-членов АСЕАН, проголосовавших в ГА ООН против украинского проекта резолюции «О положении в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе» (всего против проголосовали 23 страны), в 2017 и 2018 гг. она также поддержала Россию по данному вопросу; в 2018 г. Камбоджа вместе с ещё 18 странами выступила против одиозного

²⁹ Комплексный план действий по реализации стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы). *Администрация президента России*, 28.10.2021. URL: <http://special.kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 28.10.2021).

³⁰ Россия решила демонстративно сблизиться с Мьянмой. *Независимая газета*, 16.03.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-03-16/1_8682_myanmar.html (дата обращения: 16.03.2023).

украинского проекта 73-й сессии ГА ООН, обвиняющего российскую сторону в милитаризации Крыма, Чёрного и Азовского морей³¹. Таиланд всегда поддерживал хорошие отношения с Российской Федерацией. Таким образом, нет никаких препятствий для стремления России усилить своё влияние в странах СБМ.

Россия обладает необходимыми ресурсами для присутствия в регионе. В условиях роста дипломатической напряжённости с западным миром, влияние и авторитет России всё больше укрепляются в таких регионах, как Ближний Восток, Африка, Центральная Азия и т.д. Являясь членом Совета Безопасности ООН и ведущей ядерной сверхдержавой, Россия рассматривается как важный фактор, способствующий обеспечению стабильности в мире. С экономической точки зрения, в условиях санкций Россия изменила приоритеты для достижения своих целей. Российская экономика в 2022 г. впадала в рецессию, но к концу 2023 г. полностью восстановилась (темпы экономического роста достигли 3,6 %, ВВП увеличился на 4,6 %³², валютные резервы достигли 600 млрд долл.³³). К 2023 г., по оценкам Всемирного банка, Россия вошла в пятерку крупнейших экономик мира по покупательной способности (наряду с Китаем, США, Индией и Японией). Во многом это связано с правильной корректировкой экономической политики правительства России. Последствия специальной военной операции на Украине как будто не влияют на экономическое развитие страны.

Западные страны пытались ограничить доступ России к международным рынкам, но в ответ были найдены альтернативные рынки импорта в соответствии с внутренним спросом, расширен экспорт в другие страны и обеспечена непрерывность поставок ключевых товаров. Россия перестроила свою цепочку поставок в сторону Азии, что способствовало увеличению доли рынков Китая, Индии, Турции и стран СНГ во внешней торговле. Наряду с этим, экспорт энергоносителей был перемещён на новые рынки в попытках обеспечить стабильность генерирования иностранной валюты, способствующей российскому экономическому росту.

Хотя подход России к вышеуказанным рынкам был относительно успешным, она пока не уделяет особого внимания рынкам стран Юго-Восточной Азии и, в частности, СБМ. В последние годы торговая доля стран СБМ во внешней торговле России остаётся скромной. С 2017 до 2021 г. товарооборот между Россией и Лаосом достиг около 27,5 млн долл.³⁴, с Камбоджей в 2022 г. составил около 49,3 млн долл.³⁵, с Таиландом в 2023 г. достиг около 1,5 млрд долл., снизившись на 17 % по сравнению с 2022 г.³⁶. Экономическое сотрудничество с Вьетнамом – одним из основных векторов российской политики «поворота на Восток» – пока не соответствует уровню «всеобъемлющего стратегического партнёрства».

³¹ Посол России: российско-камбоджийские отношения имеют большие перспективы. *TASS*, 05.06.2020. URL: <https://tass.ru/politika/8656925> (дата обращения: 05.06.2020).

³² Путин сообщил о росте ВВП на 4,6 % и стабильной ситуации в экономике РФ. *Известия*, 26.08.2024. URL: <https://iz.ru/1748678/2024-08-26/putin-soobshchil-o-rostе-vvp-na-46-i-stabilnoi-situacii-v-ekonomike-rf> (дата обращения: 26.08.2024).

³³ Международные резервы Российской Федерации. *Банк России*, 28.08.2024 URL: https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: 28.08.2024).

³⁴ The annual imports and exports value of Laos in 2023. *Lao DPR Trade Portal*, Sep 2, 2024. URL: <https://www.laotradeportal.gov.la/en-gb/site/display/2790> (accessed: Sep 2, 2024).

³⁵ Cambodia and Russia. *The observatory of economic complexity*, Sep 5, 2024. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/khm/partner/rus> (accessed: Sep 5, 2024).

³⁶ Trade between Russia and Thailand down by 17 % yoy in 2023. *TASS*, Feb 10, 2024. URL: <https://tass.com/economy/1744501> (accessed: Feb 10, 2024).

Подписание соглашения о свободной торговле между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), как ожидалось, могло принести положительный сдвиг в экономических отношениях России и Вьетнама, но больших изменений не произошло. В 2021 г. товарооборот между странами достиг 5,5 млрд долл., увеличившись почти на 90 % по сравнению с 2016 г., однако с 2022 г. двусторонняя торговля начала падать из-за геополитических колебаний в постсоветском пространстве и в 2023 г. составила только 3,63 млрд долл. За первые пять месяцев 2024 г. взаимный товарооборот составил 1,96 млрд долл., увеличившись на 51,4 % относительно того же периода 2023 г.³⁷

Создаётся впечатление, что Россия пока не знает, как использовать хорошие отношения со странами СБМ, чтобы активизировать своё присутствие в регионе. Со стороны стран СБМ нет причин противостоять российским предложениям о механизмах регионального сотрудничества. Стратегия России в Африке, например, оказывается успешной. Вопрос в том, должен ли подход к российскому влиянию в СБМ быть таким же? Полностью ли Россия оценила потенциал стран региона? Каковы возможности для вывода сотрудничества со странами СБМ на новый качественный уровень и расширения российского влияния в контексте соперничества других держав в регионе в будущем?

Некоторые рекомендации для России

Для более глубокой российской интеграции в регион СБМ необходимо найти подходящее направление приложения усилий. Во-первых, при поддержке правительств – членов СБМ Россия может осуществлять сотрудничество по принципу «снизу-вверх», в первую очередь, с местными органами власти по течению реки Меконг. Для этого следовало бы предложить участникам конкретный формат взаимодействия, такой как «Диалог Россия-Меконг».

России важно расширять диалог со странами СБМ по ключевым стратегическим направлениям. В ближайшем будущем, когда будет введена в эксплуатацию железная дорога Лаос-Китай, с учётом роста торговли между Россией и Китаем, доступ к рынкам России и Лаоса будет иметь меньше препятствий³⁸. Ожидается, что это приведёт к увеличению торговли между двумя странами.

Повышению эффективности экономического сотрудничества с Камбоджей могло бы помочь расширение сфер сотрудничества за пределы обычных направлений, т.е. активизация туризма, передача технологий, развитие инфраструктуры.

В последнее время российской стороной принимаются эффективные меры по укреплению сотрудничества с Таиландом. Возобновление прямых авиарейсов в Бангкок, продвижение импорта автомобилей и продуктов питания из Таиланда, экспорт российской сырой нефти и удобрений в эту страну облегчило России поиск альтернативных рынков. Целесообразно продолжать подобные инициативы РФ для расширения сотрудничества.

³⁷ Tăng cường xúc tiến thương mại vào thị trường Nga [Strengthening trade promotion into the Russian market]. *Baohinhphu.vn*, Jun 19, 2024. URL: <https://baohinhphu.vn/tang-cuong-xuc-tien-thuong-mai-vao-thi-truong-nga-102240619173021198.htm> (accessed: Jun 19, 2024). (In Vietnamese).

³⁸ Laos, Russia Bilateral Trade Sees Hope for Growth Despite Current Dip. *The Laotian Times*, Nov 15, 2023. URL: <https://laotiantimes.com/2023/11/15/laos-russia-bilateral-trade-sees-hope-for-growth-despite-current-dip/> (accessed: Nov 15, 2023).

Сотрудничеству России с Мьянмой способствовало бы участие в разрешении энергетического кризиса в стране путём поставки российских нефтепродуктов и разработки совместно с её энергетическими компаниями запасов углеводородных ресурсов, развитию возобновляемых источников энергии, включая ветро- и гидроэнергетику, а также атомную промышленность.

Для Вьетнама необходимо верифицировать основные экономические соглашения, преодолеть барьеры, препятствующие их реализации; рассмотреть возникающие вопросы в реализации соглашения о свободной торговле с ЕАЭС. Пришло время продвигать новые области сотрудничества, такие как чистая энергия, возобновляемые источники энергии, высокие технологии, искусственный интеллект, «умные города», лекарственные материалы, «зелёное сельское хозяйство». Сторонам важно оценить возможности использования национальных валют во взаимной торговле; укрепить доверие между предпринимателями; исследовать меры по поддержке экспорта в условиях эмбарго; возобновить прямые авиарейсы; найти возможности для участия Вьетнама в крупных и стратегических экономических проектах России.

Россия может участвовать в решении региональных задач, например, в построении механизмов защиты окружающей среды и экологии, которые остро актуальны для стран СБМ. Это касается, в частности, построения механизма защиты водных ресурсов. В этой области интересно предложение российского эксперта создать с участием России правовую основу для международного водопользования и разработать систему обмена гидрологической информацией и мониторинга. Россия могла бы пригласить региональных участников к диалогу для определения соответствующих долгосрочных и среднесрочных целей³⁹.

Россия может использовать свои преимущества для содействия региональному развитию, внося вклад в улучшение качества образования и здравоохранения, инвестируя в сельское хозяйство и возобновляемые источники энергии, способствуя улучшению качества жизни людей в бассейне реки Меконг.

Очень востребовано участие России в строительстве резервуаров с пресной водой для снабжения населения в засушливый сезон. Это касается и энергетического сектора, где перспективно вовлечение стран региона в проекты по выработке зелёной энергии – ветряной или солнечной. Так, возможности развития ветроэнергетики во Вьетнаме давно привлекали внимание российского бизнеса. В 2021 г. компании «Зарубежнефть» и DEME Concessions Wind (Бельгия) создали совместное предприятие для строительства первой ветроэлектростанции мощностью 1000 МВт. Компания «НоваВинд» при госкорпорации Rosatom и компания An Xuan Energy подписали соглашение о сооружении ветроэлектростанции мощностью 128 МВт в провинции Шонла. По заявлению представителя «НоваВинд», Юго-Восточная Азия в целом и Вьетнам в частности являются одним из приоритетных рынков сбыта «Росатома»⁴⁰ [Vu Lam 2023].

³⁹ Смышляев В. Российский ключ к Меконгу. *PCMД*, 27.07.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskiy-klyuch-k-mekongu/> (дата обращения: 27.07.2021).

⁴⁰ Vu Lam. Tài nguyên đất giá của Việt Nam hấp dẫn cả Nga và Mỹ: 'Ông lớn' hạt nhân tiến vào, loạt dự án tỷ đô gõ cửa [Vietnam's abundant resources draw interest from both the US and Russia. A number of billion-dollar projects "knock on the door" when nuclear powers enter the picture]. *Cafef.vn*, Oct 17, 2023. URL: <https://cafef.vn/tai-nguyen-dat-gia-cua-viet-nam-hap-dan-ca-nga-va-my-ong-lon-hat-nhan-tien-vao-loat-du-an-ty-do-go-cua-188231017075124136.chn> (accessed: Oct 17, 2023). (In Vietnamese).

Заключение

По итогам данного исследования можно прийти к следующим выводам.

1. СБМ действительно стал привлекательным в глазах мировых держав. У каждой великой державы есть свои собственные стратегии для региона, направленные на увеличение её участия и влияния.

2. Китай придерживается прагматичного подхода к региону. Исходя из своих национальных интересов и превосходящего влияния по сравнению с другими игроками, он активно использует ресурсы и «мягкую силу» для продвижения инициатив с целью сохранения ведущей роли в интеграционных процессах региона.

3. США реализуют инициативы, отвечающие их собственным интересам, таким как тесное взаимодействие со странами СБМ для расширения сети взаимоотношений, с целью ограничения гегемонии Китая в регионе.

4. Россия сталкивается со многими трудностями на пути к утверждению своей роли мировой державы, особенно в условиях санкций, введённых США и странами Запада, но Восточная Азия и СБМ в частности остаются важными направлениями российской политики.

Имея множество интересов в регионе, Россия может способствовать своему присутствию в существующих механизмах или предлагать новые инициативы по расширению сотрудничества. Такая оценка обусловлена тем, что страна уже обладает большим экономическим потенциалом и влиянием на страны региона.

Россия имеет традиционно хорошие отношения со всеми странами СБМ и обладает огромным потенциалом в области науки, технологий, военной техники и природными ресурсами. Её позиция становится ещё более значимой в условиях усиления конкуренции между Китаем и США, а страны региона по-прежнему стремятся к балансу в отношениях с крупными державами, поэтому активное участие России будет ими поддержано. РФ необходимо предпринять соответствующие шаги, чтобы воспользоваться своими преимуществами.

Однако в настоящее время рассредоточение российских ресурсов, похоже, влияет на процесс интеграции в регион. Россия направляет своё внимание на те регионы, где видит больше собственных интересов: постсоветское пространство или Ближний Восток. Специальная военная операция на Украине и вызванные ею последствия затрудняют взаимодействие с СБМ. Здесь требуется новый подход, иначе другие державы оставят Россию далеко позади в гонке за получением выгод в регионе. В итоге, успех политики в регионе СБМ будет отражать результат российской политики «поворота на Восток» в новом столетии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бутко А.А. Развитие трансграничного речного сотрудничества в Субрегионе Большого Меконга // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2022. № 4 (57). С. 46–57. DOI 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-046-057

REFERENCES

Butko A.A. (2022). Razvitiye transgranichnogo rechnogo sotrutnhichestva v Subregione Bol'shogo Mekonga [Development of transboundary river cooperation in the Greater Mekong Subregion]. *YuVA: aktual'nyye problemy razvitiya* [Southeast Asia: current development issues], 4 (57): 46–57. (In Russian). DOI 10.31696/2072-8271-2022-4-4-57-046-057

* * *

- Brilingaite V. (2017). *China's transboundary river governance: the case of the Lancang-Mekong River*. Master's Programme in Asian Studies. Centre for East and South-East Asian Studies, Lund University.
- Frater E. (2012). Vai trò của Hoa Kỳ trong vấn đề bảo vệ môi trường tại tiểu vùng sông Mekong [The US's Contribution to the Environmental Protection of the Mekong Subregion]. *Châu Mỹ ngày nay [Americas Today Journal]*, 7: 81–96. (In Vietnamese).
- Jen-Jaw Song (2016). The Political Economy of the GMS Development Between China and Southeast Asian Countries: Geo-Economy and Strategy Nexus. *Chinese Economy*, 49 (6): 442–455.
- Hew D. (2009). Study to realign the AMDBC with the ASEAN economic community. *Final Report*, 2.
- Lu Guangsheng (2016). China seeks to improve Mekong sub-regional cooperation: causes and policies. *Policy report*. RSIS.
- Nilanjan Banik (2011). China's new-found love: The GMS. *Journal of World Trade*, 45 (5): 1035–1055.
- Trần Ngọc Dũng (2022). Cạnh tranh ảnh hưởng của Trung Quốc và Mỹ ở Tiểu vùng sông Mekong trong hai thập niên đầu thế kỷ XXI [The China – US Competition for Influence in the Mekong Sub-region in the First Two Decades of the 21st Century]. *Nghiên cứu Đông Bắc Á [Vietnam Review of Northeast Asian Studies]*, 4: 3–12. (In Vietnamese).
- Trương Minh Vũ (2014). Between system maker and privileges taker: the role of China in the Greater Mekong Sub-region. *Revista Brasileira de Política Internacional*, 57: 157–173. DOI 10.1590/0034-7329201400210

Поступила в редакцию:	14.09.2024	Received:	Sep 14, 2024
Принята к публикации:	03.10.2024	Accepted:	Oct 3, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-47-62

Перспективы сотрудничества между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)

Новикова Екатерина Сергеевна¹,
Нгуен Фу Хыу¹

¹ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация. Целью данной работы является изучение сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Вьетнамом с акцентом на его значимость для ЕАЭС в АСЕАН. Текущее положение дел рассматривается с точки зрения связей Вьетнама с ЕАЭС, в который входят Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения. Основой исследования стало изучение динамики товарооборота Вьетнама с каждой из этих стран, включая импорт и экспорт товаров, структуру их категорий, объём инвестиций и количество инвестиционных проектов в каждой стране. Анализ Соглашения о свободной торговле (ССТ) между Вьетнамом и ЕАЭС является ещё одним направлением исследования, как и определение функции ССТ и его возможных перспектив. Предпринимается независимая попытка установить основные преимущества и недостатки Вьетнама для работы в рамках такого соглашения в сравнении с другими странами АСЕАН. Результаты исследования могут быть использованы для улучшения двусторонних отношений между Вьетнамом и странами ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, Вьетнам, АСЕАН, экономическое сотрудничество, соглашение о свободной торговле (ССТ), экспорт и импорт.

Авторы:

Новикова Екатерина Сергеевна, кандидат экономических наук, кафедра экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (адрес: 115054, Москва, Стремянный переулок, д. 36). ORCID: 0000-0003-2342-6939. E-mail: novikova.es@rea.ru

Нгуен Фу Хыу, студент Высшей школы экономики и бизнеса, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (адрес: 115054, Москва, Стремянный переулок, д. 36). ORCID: 0009-0004-2404-6932. E-mail: nguyenuphubp@gmail.com

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Новикова Е.С., Нгуен Ф.Х. Перспективы сотрудничества между Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 47–62. (На англ.). DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-47-62

Perspectives of the cooperation between Vietnam and the Eurasian Economic Union (EAEU)

Novikova Ekaterina S.¹,
Nguyen Phu Huu¹

¹ Plekhanov Russian University of Economics

Abstract. This paper's purpose is to examine the cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and Vietnam, with a focus on its significance for the EAEU in ASEAN. The present state of affairs is considered from the perspective of Vietnam's ties with the EAEU, which includes Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Armenia. The study is based on the dynamics of Vietnam's trade turnover with each of these countries, including import and export of goods, the structure of their categories, investment volume, and the number of investment projects in each country. The analysis of the Free Trade Agreement (FTA) between Vietnam and the EAEU is another focus of the article, as well as identifying the FTA's function and its possible prospects. An independent attempt is made to define Vietnam's primary benefits and obstacles when compared with other ASEAN members. The paper's findings can be applied to enhance bilateral relations between Vietnam and EAEU countries.

Keywords: EAEU, Vietnam, ASEAN, economic cooperation, free trade agreement (FTA), export and import.

Authors:

Novikova Ekaterina S., PhD (Economics), Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics (address: 36 Stremyanny Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2342-6939. E-mail: Novikova.ES@rea.ru

Nguyen Phu Huu, student High School of Economics and Business, Plekhanov Russian University of Economics (address: 36 Stremyanny Pereulok, Moscow, 115093, Russian Federation). ORCID: 0009-0004-2404-6932. E-mail: nguyenuhuphubp@gmail.com

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Novikova E.S., Nguyen Phu H. Perspektivy sotrudnichestva mezhdru V'etnamom i Evraziyskim ekonomicheskim soyuzom (EAES) [Perspectives of the cooperation between Vietnam and the Eurasian Economic Union (EAEU)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 47–62. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-47-62

Introduction

The formation and collaboration of various economic unions and regional integration have influenced the global economy during the past few decades. In an era of rapid globalization, regional economic organizations such as the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and EAEU have shown their importance on a global scale. They have a critical role in determining trade agreements, fostering cooperation across regional boundaries, and setting economic policy. ASEAN's geographical location and economic variety, together with the EAEU's resource-rich and industrially advanced member states, position them as significant players in global trade.

In Asia, Vietnam appears as a dynamic economy, actively integrating with the world market. Since implementing the “Đổi Mới” (renewal) policy in 1986, Vietnam has made great progress, overcoming economic crises and turning from a poor country into a middle-income developing

country. By the end of 2023, the poverty rate fell from almost 60 % in the early 1990s to 5.71 %. Vietnam's GDP growth increased by 5 % to 6 % on average for the last 10 years, and in 2023 it reached 430 billion USD, an increase of 5.05 % in comparison with 2022¹.

Vietnam's entry into international investment and trade networks was a major factor in the country's economic change. In order to promote long-term economic stability and sustainable growth, Vietnam has concentrated on attracting foreign direct investment (FDI) since the early 1990s, when it embraced more open economic policies and started fundamental reforms [Ikebe 2023]. Vietnam emerged as a major participant in international supply chains, especially in sectors like electronics and clothing, thanks to its welcoming policies and incentives for foreign companies. A young, reasonably priced labor population and the creation of special economic zones aided in the nation's transition into a manufacturing powerhouse by supporting this export-driven prosperity. However, because of the government's emphasis on economic diversification, Vietnam was able to move away from a single industry and became an important exporter in agriculture, especially of rice and seafood, as well as in the services and technology sectors².

According to IMF as of April 2024, the GDP per capita of Vietnam is 4.62 thousand USD, ranking sixth in ASEAN, behind other nations like Singapore (88.45 thousand USD), Brunei (35.11 thousand USD), Malaysia (13.31 thousand USD), Thailand. (7.81 thousand USD), and Indonesia (5.27 thousand USD)³. In the World Economic League Table (WELT), Vietnam is ranked as the 33rd economy in the world, and is predicted to have a big leap and become the top 24th by 2033⁴.

In terms of integration, Vietnam has actively participated in different economic groups and unions, including the WTO, WHO, UNICEF, ASEAN, etc. Since becoming a member of ASEAN in 1995, Vietnam has contributed forward cooperation for mutual benefits. As well as the US and Chinese markets, ASEAN is currently one of Vietnam's major commercial partners. Vietnam has officially assumed the rotating chair of ASEAN three times, including in 1998, 2010 and 2020. The whole value of commodities traded between Vietnam and the ASEAN region was 73 billion USD in 2023⁵.

FTA is one of the main tools that Vietnam has been using in order to strengthen the connection with other countries and unions. The country has so far been successful in negotiating and signing a large number of FTAs, 16 of which have already been ratified and put into effect⁶. Incorporation into international commerce is another main driver of Vietnam's economic growth. The nation increased its export potential by opening itself to a variety of markets through the

¹ Socio-economic situation in the fourth quarter and 2023. *General Statistics Office of Vietnam (GSO)*, Dec 29, 2023. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2024/02/socio-economic-situation-in-the-fourth-quarter-and-2023> (accessed: Jun 23, 2024).

² Agriculture, forestry, and fishing. *Britannica*, Oct 11, 2024. URL: <https://www.britannica.com/place/Vietnam/Agriculture-forestry-and-fishing> (accessed: Oct 14, 2024).

³ GDP per capita, current price. *International Monetary Fund (IMF)*, Jun 23, 2024. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/VNM/KHM/BRN/IDN/LAO/MYS/MMR/PHL/SGP/THA> (accessed: Jun 23, 2024).

⁴ World Economic League Table. *Centre for Economics and Business Research (Cebr)*, Dec 26, 2023. URL: <https://cebr.com/service/macroeconomic-forecasting/> (accessed: Jun 23, 2024).

⁵ Tổng kim ngạch thương mại giữa Việt Nam với các nước ASEAN [Total trade turnover between Vietnam and ASEAN countries]. Thông Tấn Xã Việt Nam [*Vietnam News Agency*], Aug 7, 2024. URL: <https://vnnet.vn/vi/graphic/kinh-te-4/interactive-tong-kim-ngach-thuong-mai-giua-viet-nam-voi-cac-nuoc-asean-7525769.html> (accessed: Jul 23, 2024). (In Vietnamese).

⁶ Tổng hợp các FTA của Việt Nam tính đến tháng 08/2023 [Summary of Vietnam's FTAs as of August 2023]. *WTO Center of Vietnam*, Aug 9, 2023. URL: <https://trungtamwto.vn/thong-ke/12065-tong-hop-cac-fta-cua-viet-nam-tinh-den-thang-11201> (accessed: Jun 23, 2024). (In Vietnamese).

adoption of FTAs and participation in international trade organizations. Strategic concentration on global trade ties facilitated Vietnam's economic transformation from failure to fast expansion, allowing it to become firmly integrated in international supply chains. Vietnam is currently the second-largest exporter of phones and associated components worldwide and the fifth-largest exporter of computers and electronic equipment⁷.

Vietnam was the first among ASEAN members to sign an FTA with the EAEU. On May 29, 2015, in Kazakhstan, the Vietnam-Eurasia Economic Union FTA was formally signed and came into force on October 5, 2016. This agreement was a turning moment in Vietnam's long march toward global economic integration, particularly with Russia and other EAEU members, and it helped to reinforce business ties amongst the signatories by eliminating trade tariffs.

The object of the research is the current cooperation between Vietnam and the EAEU under the influence of both positive and hindering factors. The authors aim to analyze the comprehensive cooperation from different perspectives, providing potential prospects for future development for both sides.

In order to achieve the targeted aims, the authors applied both qualitative and quantitative methods to understand the dynamics and characteristics of the cooperation. Data from different sources, including the General Statistics Office of Southeast Asian countries, ASEAN statistics, IMF, and other official documents are analyzed. In addition, earlier research on comparable topics is examined in order to compile a wide range of viewpoints on the same object.

Literature Review

Many researchers have paid attention to the development and the integration process of Vietnam into the global economy as a valuable case study. They examine the process of its reforms in different sectors, especially agriculture, and compare it with other Asian countries, clarifying the success of Vietnam's development as a model example [Thoburn 2013]. Vietnam was also used as a case study to investigate the correlation between financial development and the growth of economy [Nguyen, Anwar 2009]. They find out that the ratio of credit to GDP has a positive effect on the development of Vietnam's economy and suggest the direction to take a greater advantage of FDI stock. The role of the financial sector in the Vietnamese economy is also taken into consideration [Toan 2019]. Based on the data from 2005 to 2018, Toan concludes that both the development of the financial market, especially the real estate market, and foreign investment play a crucial role in the growth of the economy.

In terms of the cooperation in ASEAN, researchers look into the effort of Vietnam in the integration process and its diplomatic initiatives, as well as its potential to become the security leader [Le, Emmers 2021]. Others also study the relationship between Vietnam and ASEAN in human resource development (HRD) [Crocco et al. 2021]. The beneficial development of the Vietnamese economy is also demonstrated through the examination of key statistics, such as GDP, imports and exports, and comparisons with other ASEAN and ASEAN Economic Community (AEC) member nations [Le 2023]. Similarly, an analysis in 2021 examined the economies of Vietnam and other ASEAN countries to provide ideas that could be implemented to strengthen Vietnam's position in the AEC and the ASEAN community [Hong et al. 2021].

⁷ Breakthrough Opportunities for Electronics Industry. *Vietnam Business Forum*, Jul 9, 2024. URL: <https://vccinews.com/news/58346/breakthrough-opportunities-for-electronics-industry.html> (accessed: Aug 8, 2024).

In the contemporary political and economic landscape, ASEAN is regarded as a significant region, particularly in light of the ongoing conflict between the USA and the PRC [Butko 2022]. Cooperation between ASEAN and the EAEU has bright future potential [Korwatanasakul 2020]. The possibility of ASEAN and EAEU signing a comprehensive FTA is in light of future developments as well [Kheyfets 2018]. Other researchers have also looked into the role and effects of the FTA between Vietnam and the EAEU as a bridge for future cooperation between ASEAN and the EAEU [Fedorov 2018; Bui, Ha 2021; Maksakova, Gajić 2021]. The study on the integration of the EAEU under the effect of social, political and economic dynamics also discusses the importance of the FTA with Vietnam [Lissovolik et al. 2021]. It is stated that the FTA fosters collaboration between Russia and Vietnam to lay the groundwork for overcoming the obstacles of the present global situation [Novikova et al. 2024].

The cooperation between Vietnam and EAEU countries has also received much attention, especially between Vietnam and Russia. The countries have been connected since Ho Chi Minh, the first Vietnamese president, visited Russia about a century ago [Kobelev 2023]. Since then, Vietnam and Russia have had a cooperative connection for decades, which is valued and anticipated to continue in the near future [Vu 2019]. The positive aspects of the previous Vietnam-Soviet Union connection have been carried over into the current Vietnam-Russian Federation relationship [Le, Ngo 2022]. The countries have a comprehensive strategic partnership that is seen as close, promising, and full of prospects to further strengthen collaboration [Dinh 2022]. From the Soviet period, Belarus has been regarded as Vietnam's traditional partner. Currently, the two countries have encouraged collaboration in research and technology, laying the groundwork for further advancements [Nguyen et al. 2017]. Vietnamese diplomacy has actively carried out cultural initiatives in a variety of contexts throughout the years, fostering relationships with all nations, including the EAEU as well as the former Soviet Union [Nguyen 2020].

Various studies have underscored the role of Vietnam, not only within the ASEAN community, but also on a global scale. The EAEU's interest in cooperation with ASEAN countries as well as with Vietnam due to the economic compatibility has been fostered by the efforts from both sides, together with the creation of FTAs and different cooperation agreements.

FTA between Vietnam and the EAEU

As the first ASEAN country to establish the FTA with the EAEU, Vietnam has embraced the opportunities to expand the market for Vietnamese goods, thus boosting exports. As per the agreement, the tariff schedule includes 11,360 tariff lines. Among that, as soon as the FTA went into force, 6,718 tariff lines – or 59 % of the tariff – for Vietnam were removed from the EAEU market⁸. The agreed-upon path will remove tariffs on additional 2,876 tariff lines until 2025. Taxes on some of Vietnam's main exports have been lowered or eliminated (Table 1).

⁸ Tóm Lược Hiệp Định Thương mại Tự do Việt Nam - Liên minh Kinh tế Á Âu [Vietnam – Eurasian Economic Union Free Trade Agreement]. *WTO Center of Vietnam*, Oct 12, 2015. URL: <https://trungtamwto.vn/file/19157/tom-luoc-fta-vn--eaeu--update-13.12.19.pdf> (accessed: Aug 7, 2024). (In Vietnamese).

Table 1. EAEU's agreement to provide access to certain Vietnamese products.

Product	Tariff lines reduced (%)	Tariff lines completely eliminated (%)	Tariff lines eliminated immediately after effect (%)
Textiles	82	42 – Roadmap of 10 years	36
Footwear	77	73 – Roadmap of 5 years	
Handbags	100	100	Majority
Seafood	100	95 – Roadmap of 10 years	71
Wood Products	76	65 – Roadmap of 10 years	
Plastics	100	97	

Source: WTO Center of Vietnam. URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/12776-summary-of-Vietnam---eurasian-economic-union-fta> (accessed: Jun 25, 2024).

One of Vietnam's four main export commodities and one of the country's eleven billion-dollar exports is textiles. Vietnam exported textiles worth 40.3 billion USD in 2023, a 9 % decrease from 2022. However, Vietnam's textiles export earnings to the Russian Federation increased by 125 % in 2022 to reach a total of 490 million USD. Vietnam's textiles export to Russia surged by about six times between 2015 and 2023, from 84.81 million USD, compared to the pre-FTA eras.

Vietnam is also one of the major suppliers of seafood to the EAEU, particularly to the Russian market. Vietnam is Russia's third-largest tuna exporter, after China and Thailand. However, Vietnamese tuna is tax-free due to the VN-EAEU FTA deal, whereas Thailand and China must pay a 3.8 % tariff⁹. In 2023, tuna exports to Russia brought Vietnam 29 million USD. Vietnam is also the second-largest supplier of pangasius to the Russian market, thanks to tariff benefits. The country exported more than \$8 million worth of pangasius to Russia by the end of May 2024, a 35 % increase over the same time the previous year¹⁰.

On the other side, Vietnam has also committed to opening its market to goods from the EAEU, which would result in the immediate elimination of 53 % of tariffs and 35 % of all tariff lines annually, in accordance with the plan, through the end of 2026. Therefore, there have been greater prospects for certain EAEU items to compete in the Vietnamese market (Table 2).

Table 2. Vietnam’s agreement to provide access to certain EAEU products.

No.	Product	Commitment
1	Petroleum	Eliminate import tariffs by 2027
2	Steel	Immediate elimination: raw materials, certain welded steel pipes, non-welded steel pipes, hot-rolled steel, special steel and alloy steel for mechanical creation, etc.
		5 year roadmap: certain types of stainless steel, steel products, etc.

⁹ Xuất khẩu cá ngừ tăng trưởng "thần tốc" [Tuna exports grow "rapidly"]. *Đài Truyền hình Việt Nam [Vietnam Television Online (VTV)]*, Jun 26, 2024. URL: <https://vtv.vn/kinh-te/xuat-khau-ca-ngu-tang-truong-than-toc-2024062614542852.htm> (accessed: Jun 26, 2024). (In Vietnamese).

¹⁰ Xuất khẩu cá tra Việt Nam sang Nga sau 2 năm chiến sự [Exporting Vietnamese Pangasius to Russia after 2 years of conflict]. *Hiệp hội Chế biến và Xuất khẩu Thủy sản Việt Nam [Vietnam Association of Seafood Exporters and Producers (VASEP)]*, Jun 24, 2024. URL: <https://vasep.com.vn/san-pham-xuat-khau/ca-tra/xuat-nhap-khau/xuat-khau-ca-tra-viet-nam-sang-nga-sau-2-nam-chien-su-30824.html> (accessed: Jun 25, 2024). (In Vietnamese).

No.	Product	Commitment
		7–10 year roadmap: steel billets, hot-rolled steel, color-coated and metal-coated steel, construction steel, etc.
3	Fertilizers	Immediate elimination: DAP fertilizers, urea, and certain other types
		10 year roadmap: NPK fertilizers
		Exclusion: SA fertilizers
4	Alcohol and Beer	Eliminate import tariffs within 10 years for: beer, alcoholic beverages (vodka, other strong spirits), and wine
5	Machinery and Equipment	Immediate elimination: certain tools, optical equipment, high-tech industrial products, household goods, electronic products and components, etc.
		3 year roadmap: pulling machines, electric motors, etc.
		5 year roadmap: basic metal tools, batteries, etc.
		10 year roadmap: batteries, fans, transformers, etc.
6	Agricultural Products	Immediate elimination: beef, dairy products, flour
		3–5 year roadmap: meat, canned fish, and processed products
		5 year roadmap: chicken, pork

Source: WTO Center of Vietnam. URL: <https://wtocenter.vn/chuyen-de/12776-summary-of-Vietnam---eurasian-economic-union-fta> (accessed: Jun 26, 2024).

Among the above mentioned products, fertilizers are one of the main goods Vietnam imports from the EAEU. Vietnam's decision to remove tariffs on these goods has thereby benefited numerous nations. The two primary EAEU markets from which Vietnam imports fertilizers are Belarus and Russia. Vietnam imported fertilizer from Belarus for 32.7 million USD in 2022 and 7.47 million USD in 2023. By the end of 2023, fertilizer imports from Russia also dropped in value by 30 % in the comparison with 2022 to 108.6 million USD.

The agreement also helps both sides establish better conditions for companies in order to comply with the law and encourage expert coordination. Additionally, it facilitates a more transparent exchange of commodities between the parties. There are explicit rules regarding direct purchase and sale as well as the transfer of items. In order to streamline the access procedure, the parties also decided to construct a database for storing origin data and relevant papers.

Bilateral cooperation between Vietnam and the EAEU countries

Vietnam has established robust cooperation partnerships with Russia, Belarus and Kazakhstan inside the EAEU. These relations have been shaped by mutual historical links, economic interests and cooperative efforts towards complete collaboration. On the other hand, given the opportunities provided by the FTA, Armenia and Kyrgyzstan believe that their commercial and economic connections with Vietnam have not yet reached their full potential.

In 2023, two-way trade turnover of goods between Vietnam and the EAEU reached 4.45 billion USD, an increase of 1.11 % compared to 2022. Of which, exports reached 2.5 billion USD, an increase of 13.7 %, and imports reached more than 1.9 billion USD, a decrease of 11.04 %. Vietnam exports textiles, agricultural goods, phones and their components to the EAEU market.

Conversely, Vietnam imports goods including machinery, fertilizers, various types of coal, iron, steel etc.

Russia has been a traditional partner for Vietnam for several decades. The two nations have worked hard to advance cooperation in a variety of areas, including economy, science and technology, education and training, throughout the course of more than 70 years of diplomatic ties between Vietnam and Russia and more than ten years of the establishment of the “Comprehensive Strategic Partnership”. In 2021, the import and export between the countries reached 5.5 billion USD, this was the highest record for bilateral trade for over the past 10 years. In June 2024, a joint statement was issued to address the expansion of collaboration in several areas, including green energy and education, and the enhancement of the bilateral comprehensive strategic relationship.

The Vietnamese community in Russia and the Russian community in Vietnam have also contributed to the development of the two nations' partnership. The first Soviet specialists arrived in Vung Tau, Vietnam in the 1980s to work at the Joint Venture, which is now called Vietsovet. The “Russian village” began its start when thousands of specialists, workers and engineers arrived to assist Vietnam in the exploitation of its oil and gas resources¹¹. Over the years, over a thousand Russians have made this country their home, helping promote not only the image of Russia to the Vietnamese people but also cultural exchanges and economic collaboration. On the other hand, there are over 80,000 Vietnamese residents in Russia, making up a sizable population. They are now effective channels for knowledge, actively enticing Vietnamese firms and commercial hubs to make investments in Russia; they also serve as a link between Vietnamese partners and corporations in the host nation¹².

There's also an increasing amount of focus on Kazakhstan and Vietnam's economic cooperation partnership. Following the signing of the deal, Kazakhstan emerged as Vietnam's second-largest EAEU trading partner in recent years. In more than seven years since the agreement's signature, the two-way trade turnover in 2023 has increased by about 2.5 times as compared to its pre-FATF level in 2015. In the period from 2017 to 2022 the bilateral trade turnover experienced a growth of up to 28 % and definitely has a promising future (Table 3).

Table 3. Export and import between Vietnam and the EAEU countries (in million USD)

Country	Total trade turnover in 2022	Total trade turnover in 2023
Russia	3553	3633.8
Belarus	130	57.2
Armenia	62.6	345
Kazakhstan	648.8	401.1
Kyrgyzstan	3.0	7.89

Source: Vietnam Import-Export Report. URL: <https://wtocenter.vn/an-pham/24574-Vietnam-import--export-report-2023> (accessed: Jun 26, 2024).

¹¹ Có một nước Nga giữa lòng phố biển [There is Russia in the heart of the coastal city]. *Báo Thanh Tra* [Vietnam Times], Nov 27, 2020. URL: <https://thanhtra.com.vn/xa-hoi/doi-song/co-mot-nuoc-nga-giua-long-pho-bien-174779.html> (accessed: Oct 15, 2024). (In Vietnamese).

¹² Hội người Việt Nam tại Liên bang Nga – 20 năm hình thành và phát triển [The Association of Vietnamese people in the Russian Federation – 20 years of formation and development]. *Tạp chí Mặt trận* [Vietnam Fatherland Front], Apr 22, 2024. URL: <https://tapchimatran.vn/the-gioi/hoi-nguoi-viet-nam-tai-lien-bang-nga-20-nam-hinh-thanh-va-phat-trien-56848.html> (accessed: Oct 15, 2024). (In Vietnamese).

In comparison with 2015, before the FTA was signed and implemented, the amount of export and import between Vietnam and Russia increased by 64 % by the end of 2023, from 2.2 billion USD in 2015 to 3.6 billion, with Vietnam's export to Russia being 1.7 billion USD (increased by 20 %), and Vietnam's import – 1.88 billion (increased by 3 times). Vietnam's top export category, making about 28 % of its total export revenue to the Russian market, was textiles and apparel. Coffee goods came in the second place with 14 % of the total. On the other hand, 44.8 % of Vietnam's total import turnover from the Russian Federation is presented by coal.

Similarly, the volume of export and import between Vietnam and Kazakhstan increased significantly from 162.1 million USD in 2015 to 648.8 million USD in 2022 and 401.1 million USD in 2023. Meanwhile, the export of Vietnam to Kazakhstan also increased by 2.6 times from 153.04 million USD in 2015 to 391.04 million USD in 2023, while the import of Vietnam from Kazakhstan increased slightly from 9.04 million USD to 10.8 million USD.

Trade volume has fluctuated over time between Vietnam and Belarus. The entire value of Vietnamese commodities increased from 124.76 million USD in 2015 to 130 million USD in 2022. Trade between the two countries is said to have declined between 2021 and 2022 as a result of delivery and payment problems. Both parties recognize that despite their potential and advantageous conditions, they still have a lot of work to do in terms of economic and trade cooperation.

On the contrary, exports from Vietnam to Armenia increased dramatically, from 62.6 million USD in 2022 to 345 million USD in 2023. Of which, 84.4 % of the total export turnover is made up of phones and components. Vietnam exports machinery, equipment, tools, and replacement parts to this market at a percentage of 7 % and 6.9 %, respectively, for computers and electronic items and components.

Vietnam's commercial turnover with Kyrgyzstan in 2022 was 3 million USD, with total exports of just 2.4 million USD and total imports of 0.6 million USD. This represents a small level of activity in comparison with other countries in the EAEU. In 2023, Vietnam's imports rose to 1.22 million USD, up 103 %, while exports to Kyrgyzstan climbed dramatically to 6.67 million USD, up 177.85 %. Vietnam and Kyrgyzstan's total trade turnover is expected to reach 7.89 million USD, a notable 163 % rise over the previous year.

Due in large part to the removal of tariff barriers between Vietnam and the EAEU, trade of different commodities among the EAEU countries increased significantly in 2023 compared to 2015 (Table 4).

Table 4. Changes in trading of some Vietnamese goods with the EAEU countries (in USD)

Partner	Commodity	2015	2023
Belarus	Dairy products; birds' eggs; natural honey; edible products of animal origin, not elsewhere specified or included	74,625	4,870,306
	Pharmaceutical products	2,233,135	9,917,777
	Rubber and articles thereof	403,491	5,365,266
	Electrical machinery and equipment and parts thereof; sound recorders and reproducers; television image and sound recorders and reproducers, parts and accessories of such articles	3,462,072	8,198,876

Partner	Commodity	2015	2023
Kazakhstan	Fruit and nuts, edible; peel of citrus fruit or melons	1,036,502	8,382,411
	Preparations of vegetables, fruit, nuts or other parts of plants	937,730	6,229,270
	Apparel and clothing accessories; knitted or crocheted	11,228	1,957,654
	Apparel and clothing accessories; not knitted or crocheted	525,682	2,206,362
	Footwear; gaiters and the like; parts of such articles	36,328	4,573,659
	Aluminium and articles thereof	–	4,476,655
	Lead and articles thereof	–	5,195,115
	Electrical machinery and equipment and parts thereof; sound recorders and reproducers; television image and sound recorders and reproducers, parts and accessories of such articles	126,817,666	330,966,136
	Vehicles; other than railway or tramway rolling stock, and parts and accessories thereof	49,177	5,589,495
Russian Federation	Meat and edible meat offal	1,409,777	188,090,279
	Fish and crustaceans, molluscs and other aquatic invertebrates	114,561,046	241,343,870
	Fruit and nuts, edible; peel of citrus fruit or melons	25,381,423	64,515,941
	Cereals	19,726,909	74,598,684
	Mineral fuels, mineral oils and products of their distillation; bituminous substances; mineral waxes	241,186,864	869,284,057
	Organic chemicals	965,055	15,951,292
	Pharmaceutical products	4,811,947	44,546,239
	Plastics and articles thereof	21,734,272	127,726,385
	Rubber and articles thereof	30,028,428	206,384,536
	Apparel and clothing accessories; not knitted or crocheted	55,628,421	360,498,401
	Copper and articles thereof	838,892	24,329,016
	Ships, boats and floating structures	13,005,372	42,629,160

Source: ASEAN stats. URL: <https://data.aseanstats.org/> (accessed: Jun 27, 2024).

The Vietnam-EAEU FTA has been crucial in supporting commerce between Vietnam and EAEU member countries from 2015 to 2023, ever since it was put into effect more than eight years ago. This can be indicated by substantial rise in the interchange of different items. For instance, whereas trade in dairy goods increased from 74,625 USD in 2015 to 4.87 million USD in 2023, trade in pharmaceutical items between Belarus and Vietnam increased from 2.23 million USD to 9.92 million USD. Meat and edible offal exports surged to 188.09 million USD from 1.41 million USD, while mineral fuel shipments between Russia and Vietnam reached 869.28 million USD from 241.19 million USD. These significant growth rates in a variety of industries demonstrate how the

FTA works to lower trade barriers and fortify economic linkages, allowing Vietnam to increase the scope of its exports and its market share inside the EAEU.

The changing inflow of foreign direct investment (FDI) into Vietnam from the EAEU countries, especially after 2015, is a significant component of Vietnam's integration with the union (Table 5).

Table 5. FDI from the EAEU into Vietnam (accumulated – in million USD)

Country	2015	2023	Change rate (%)
Armenia	12.980	22.58	73.96
Belarus	16.200	32.25	99.09
Kazakhstan	–	0.56	–
Kyrgyzstan	1.10	–	–
Russia	1,093.408	983.98	–10.01
Total of the EAEU	1,123.69	1,039.38	–7.5

Source: Ministry of Planning and Investment of Vietnam. URL: <https://www.mpi.gov.vn/portal/Pages/Thong-tin-dau-tu-truc-tiep-nuoc-ngoai-1041.aspx> (accessed: Jun 27, 2024).

Thanks to its advantageous demographics – 62.2 % of its 100 million population is between the ages of 15 and 59¹³, geographical location, ASEAN membership, and tax-free travel to other Southeast Asian nations, Vietnam has emerged as the region attracting the greatest investment capital in Southeast Asia, particularly in high-tech industries. By the end of 2023, 144 countries and territories have invested 468.9 billion USD in 39,140 projects in Vietnam. Manufacturing and processing accounted for 60.36 % of these investments, followed by real estate (14.51 %) and the production and distribution of utilities (such as gas and electricity) (8.67 %).

Between 2015 and 2023, the aggregate registered investment capital (measured in millions of USD) that several EAEU nations contributed to Vietnam underwent significant fluctuations. Up to the end of the year, Armenian investment was comparatively consistent at USD 12.98 million. However, in 2023 it increased dramatically to USD 22.58 million (increased by 73.96 %), indicating a considerable jump in investor interest. From 2015 to 2023, Belarus’s investment in Vietnam also increased by 99.09 % to 32.25 million USD. Through 2021, there are little or no reported investments from Kazakhstan and Kyrgyzstan. The highest investment among the EAEU nations comes from Russia: between 2015 and 2023 it fluctuated, going from 1,093.408 million USD to 983.98 million USD.

Among the EAEU countries, Vietnam is the popular destination for tourists from Russia (Fig. 1).

¹³ Năm 2023, dân số Việt Nam đạt 100,3 triệu dân, tuổi thọ trung bình 73,7 tuổi [In 2023, Vietnam's population will reach 100.3 million people, with an average life expectancy of 73.7 years old]. *Tuoi tre VN*. URL: <https://tuoi tre.vn/nam-2023-dan-so-viet-nam-dat-100-3-trieu-dan-tuoi-tho-trung-binh-73-7-tuoi-20231230091202154.htm> (accessed: Jun 30, 2024). (In Vietnamese).

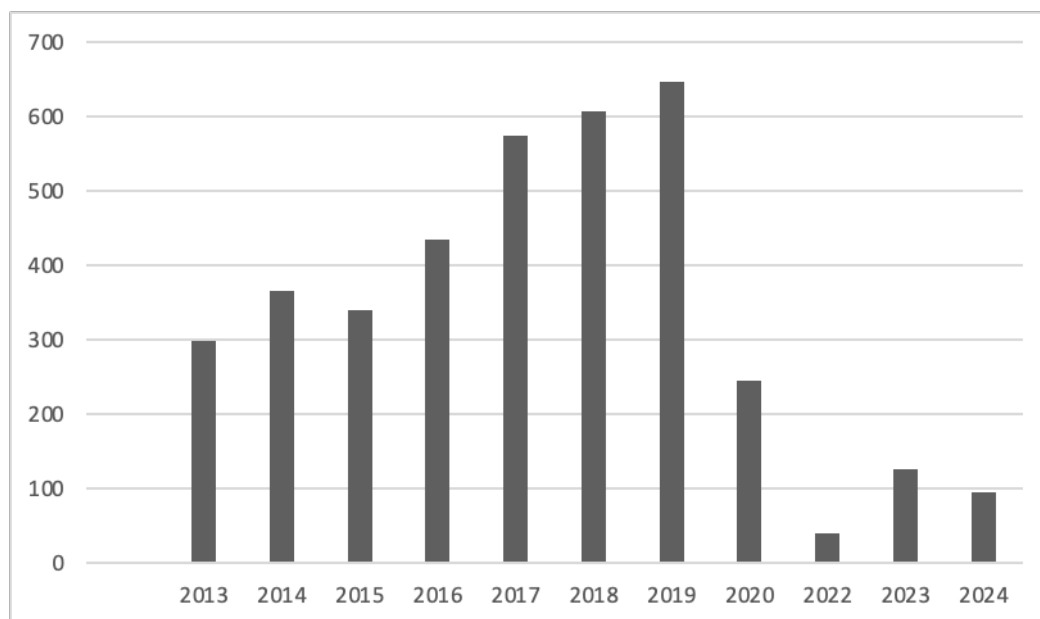

Fig. 1. The number of visitors from Russia to Vietnam (in thousand people)

Source: Vietnam National Tourism Bureau. URL: <https://thongke.tourism.vn/index.php/statistic/sub/6> (accessed: Jun 29, 2024). (In Vietnamese).

Prior to the COVID-19 outbreak, Vietnam has seen a fairly consistent increase in the number of visitors over time. Up until 2019, Vietnam attracted 646,524 Russian visitors per year. But following the pandemic, the number of tourists dropped precipitously, reaching just 39,921 in 2022 and 125,610 in 2023. In August 2023, Vietnam extended its visa-free duration for Russians from 15 to 45 days in an effort to draw more Russian visitors, improve their travel circumstances and foster the growth of the tourism sector¹⁴. Because of this, there were over 95,000 Russian tourists to Vietnam by the end of May 2024 – a 175 % increase over the same time in 2023. Vietnam expects this rate of increase to draw more Russian tourists to the country and revive bilateral tourism potential.

Prospects for the future cooperation between Vietnam and the EAEU

Only Vietnam and Singapore, two ASEAN members, have so far been able to successfully execute FTAs with the EAEU. Indonesia began the FTA negotiation with the EAEU in May 2022, and the third round of the discussion was held in December 2023¹⁵. As a result, there are a few advantages and disadvantages to trade and collaboration between Vietnam and the EAEU that should be taken into consideration, particularly when considering the impact of the FTA between Singapore and the EAEU.

Four years ahead of Singapore, in 2015, Vietnam and the EAEU concluded their FTA. Vietnam now may enjoy a competitive edge in niche areas thanks to its ability to build trade networks and commercial ties before Singapore. Additionally, by eliminating taxes on a wide range

¹⁴ Nghị quyết số 32/NQ-CP của Chính phủ [Resolution No. 32/NQ-CP of the Government]. *Cổng Thông tin điện tử Chính phủ* [Vietnam Government Portal], Mar 15, 2022. URL: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=205473> (accessed: Jun 29, 2024). (In Vietnamese).

¹⁵ EAEU and Indonesia held the third round of negotiations on free trade agreement. *EEC News*, Dec 15, 2023. URL: <https://eec.eaunion.org/en/news/eaes-i-indoneziya-proveli-tretyi-raund-peregovorov-po-coglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/> (accessed: Jun 29, 2024).

of products and services, tariff barriers in this FTA have greatly boosted bilateral commerce and expanded Vietnamese goods' access to markets. Vietnam's exports to the EAEU have significantly increased as a result of the FTA, particularly to Russia, which is one of its main EAEU markets.

Tariff reductions under the FTA boost Vietnam's agriculture sector, which plays a significant role in the country's economy. Due to their low costs, the EAEU nations are requesting more rice, coffee and seafood than ever before. Additionally, Vietnam's abundance of natural resources, particularly minerals, offers industry a reliable supply of raw materials, encouraging exports to the EAEU.

However, Vietnam's logistics and transportation network is still not as developed as Singapore's, despite recent advancements. This may result in more expensive shipping and longer delivery times, which would reduce business efficiency. Furthermore, with robust industries in finance, technology and services, Singapore has an edge over Vietnam in a number of areas. This allows it to take advantage of several trade possibilities with the EAEU and lessen its reliance on any one industry.

Compared to Singapore's more efficient procedures, Vietnam may experience difficulties with the business climate and transparency, which might deter foreign investment and make commerce more difficult. Singapore also benefits from a digital advantage that quickens trade between countries. Modern business dynamics need smooth digital and e-commerce activities, which are supported by digital infrastructure.

Vietnamese labor productivity is still quite low when compared to other Asian nations, particularly those in the ASEAN area, only equaling 11.4 % of Singapore's, 64.8 % of Thailand's, and 35.4 % of Malaysia's¹⁶. Therefore, Vietnam also needs to reassess its own policies on its industrial structure in order to achieve more economic and commercial success. Vietnam's overall economic efficiency and competitiveness remain lower than those of other ASEAN nations, even with noteworthy gains in worker productivity in recent years. Important export industries like textiles, apparel and footwear produce large volumes, but the paradox is that worker pay and corporate profits remain at low levels despite the fact that workers are sometimes forced to put in more hours. A large percentage of the labor force is still concentrated in agriculture, forestry and fisheries, industries with poor productivity because of the predominance of low-skilled, seasonal and insecure jobs. This imbalance in the labor force exacerbates the problem.

Overall, while there are still issues, regulation changes and increased competition may be difficult for some industries. Ensuring a sustainable and equitable distribution of the advantages of FTAs among all industries and regions is crucial. Continued collaboration between governments, businesses, and others will be decisive to maximizing the advantages of this agreement.

Vietnam continues to benefit greatly from its collaboration with the EAEU, especially when it comes to strengthening its connections with Russia. In the fields of science, technology and economy, both parties are actively attempting to strengthen their collaboration. Furthermore, it is critical to promote cooperation in fields including labor, culture, the arts, sports, youth education and training, with a particular focus on enhancing ties between Russia and Vietnam.

¹⁶ Vì sao năng suất lao động của Việt Nam mãi thua kém các nước trong khu vực? [Why is Vietnam's labor productivity still inferior to other countries in the region?]. *Báo Người Lao Động Điện Tử [Electronic Labor Newspaper]*, Nov 11, 2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/eaes-i-indoneziya-proveli-tretyi-raund-peregovorov-po-coglasheniyu-o-svobodnoy-torgovle/> (accessed: Oct 15, 2024). (In Vietnamese).

Conclusion

Research and analysis have shown that the FTA represents a turning point in the development of Vietnam's collaboration with the EAEU nations. It has significantly changed the dynamics of import and export, leading to a noticeable rise in the trade value of a variety of items. Vietnam's market penetration might be significantly impacted by the agreement, substantially strengthening economic integration. Vietnam's economy may develop as a result of more economic diversification and employment creation.

The EAEU members, on the other hand, enjoy access to a thriving consumer market that is ripe with potential for their goods and services. Moreover, Vietnam, a vibrant nation in the ASEAN, can serve as a conduit for the EAEU countries to reach the prospective ASEAN market.

Additionally, both parties, especially Vietnam, have been actively revising policies to enhance trade relations and attract foreign direct investment. The enduring partnership between Russia and Vietnam continues to evolve, with both countries working together to address challenges and find solutions to strengthen their cooperation. Their efforts aim to expand collaboration across multiple sectors and areas.

Comparably, Belarus and Vietnam's relationship is constantly on target, with a particular emphasis on strengthening their tight bond, which has stood the test of time. The two nations have established a strong legal foundation for advancing and bolstering their collaboration in a wide range of areas. Both nations believe that there is a great potential for the partnership to go even further.

Vietnam's second-biggest commercial partner in the Eurasian Economic Union is Kazakhstan. Vietnam, on the other hand, is Kazakhstan's second-biggest ASEAN commercial partner. Both nations want to strengthen their economic ties and cooperate with one another in order to increase market share and grow their economies.

Regarding the connection between Armenia and Vietnam, the parties are working to improve scientific and technological collaboration as well as economic and commerce in order to keep the relationship more fruitful. In a similar way, Kyrgyzstan and Vietnam are working to fortify their mutual aid, which helps to sustain and advance bilateral cooperation – particularly in commerce and economics – and benefits the citizens of both countries.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бутко А.А.* Вызовы и возможности развития АСЕАН в контексте американо-китайского противостояния // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 3. С. 21–30. DOI 10.24412/2686-7702-2022-3-21-30
- Кобелев Е.В.* Хо Ши Мин и Россия (К 100-летию первого прибытия Хо Ши Мина в нашу страну 30 июня 1923 года) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 3. С. 69–80. DOI 10.24412/2686-7702-2023-3-69-80
- Новикова Е.С., Нгуен Х.Ф., Ле Х.А.* Торговое сотрудничество Вьетнама и России в текущих условиях глобальной турбулентности // Вестник университета. 2024. № 4. С. 167–175. DOI 10.26425/1816-4277-2024-4-167-175
- Хейфец Б.А.* Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 107–120.

REFERENCES

- Butko A.A. (2022). Vyzovy i vozmozhnosti razvitiya ASEAN v kontekste amerikano-kitayskogo protivostoyaniya [Challenges and opportunities for the development of ASEAN in the context of the US–China confrontation]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 3: 21–30. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2022-3-21-30
- Kheyfets B.A. (2018). Perspektivy sozdaniya zony svobodnoy trgovli mezhdu EAES i ASEAN [Prospects for the creation of a free trade zone between the EAEU and ASEAN]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*, 5: 107–120. (In Russian).
- Kobelev E.V. (2023). Kho Shi Min i Rossiya (K 100-letiyu pervogo pribytiya Kho Shi Mina v nashu stranu 30 iyunya 1923 goda [Ho Chi Minh and Russia (On the 100th anniversary of Ho Chi Minh's first arrival to our country on June 30, 1923)]. *Vostochnaya Aziya: Fakty i Analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 3: 69–80. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2023-3-69-80
- Novikova E.S., Nguyen H.P., Le H.A. (2024). Torgovoye sotrudnichestvo V'yetnama i Rossii v tekushchikh usloviyakh global'noy turbulentnosti [Trading cooperation of Vietnam with Russia under the current global turbulence]. *Vestnik universiteta [Bulletin of the University]*, 4: 167–175. (In Russian). DOI 10.26425/1816-4277-2024-4-167-175
- * * *
- Anwar S., Nguyen L.P. (2009). Financial development and economic growth in Vietnam. *Journal of Economics and Finance*, 35 (2011): 348–360.
- Bui Q.T., Ha T.C. (2022). Impact of the Vietnam – EAEU FTA on the trade between Vietnam and Eurasian Economic Union. Proceedings of the 2021 International Conference on Research in Management & Technovation. *Annals of Computer Science and Information Systems*, 28: 91–98.
- Crocco O., Nguyen L.A., Tkachenko O. (2021). Vietnam and Regional Human Resource Development in ASEAN. *Human Resource Development in Vietnam*, 1: 97–117.
- Dinh L.H.G. (2022). Quan Hệ Đối Tác Chiến Lược Toàn Diện Việt Nam – Liên Bang Nga [Vietnam – Russian Federation Comprehensive Strategic Partnership]. *Tạp chí Nghiên cứu Châu Âu [European Research Journal]*. (In Vietnamese).
- Emmers R., Le H.T. (2020). Vietnam and the search for security leadership in ASEAN. *Asian Security*, 17 (1): 64–78.
- Fedorov N.V. (2018). New Policy towards Vietnam? State Administration of the Russian Federation and a Realization of the Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam. *Public Administration Issues*, special issue: 68–79. DOI 10.17323/1999-5431-2018-0-5-68-79
- Hong T.K.T., Nguyen T.A., Tran K.D. (2021). Improving economic position of Vietnam in ASEAN Economic Community (AEC) from the global integration perspectives. *Technium Romanian Journal of Applied Sciences and Technology*, 3 (7): 136–145. DOI 10.47577/technium.v3i7.4663
- Ikebe R. (2023). Foreign Direct Investment and the Industrialisation of Viet Nam. In: *Viet Nam 2045: Development Issues and Challenges*: 123–151.
- Korwatanasakul U. (2020). Revisiting Asian economic integration: challenges and prospects. *Journal of the Asia Pacific Economy*, 27 (2): 199–222. DOI 10.1080/13547860.2020.1840493
- Le T.K.O., Ngo S.T. (2022). Quan hệ đối tác chiến lược toàn diện Việt Nam - Liên bang Nga [The comprehensive strategic partnership between the Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation]. *Tạp chí Nghiên cứu Châu Âu [European Studies Review]*, 4 (259). (In Vietnamese).
- Le H.T.M. (2023). Vietnam economic positioning in ASEAN since Vietnam joined the ASEAN economic community (AEC). *Science & Technology Development Journal: Economics- Law & Management*, 7 (2): 4284–4294.

- Lissovlik D.Ya., Park E.V., Zhang H. (2021). Economic Framework for Eurasian Integration: Theory and Practice. In: *The Economic Dimension of Eurasian Integration*: 1–26. Springer. DOI 10.1007/978-3-030-59886-0_1
- Maksakova M., Gajić S. (2021). EAEU-Third Countries Cooperation: Opportunities and Limitations. In: *The Economic Dimension of Eurasian Integration*: 209–226. Springer.
- Nguyen T.G.T. (2020). Ngoại Giao Văn Hóa Trong Chính Sách Đối Ngoại Việt Nam [Cultural diplomacy in Vietnam's foreign policy]. *Tạp Chí Khoa Học Trường Đại Học Sư Phạm Tp Hồ Chí Minh [Ho Chi Minh City University of Education Journal of Science]*, 17 (4): 646–655. (In Vietnamese).
- Nguyen V.H., Doan V.H., Nguyen H.M., Tran X.B. (2017). Hợp Tác Quốc Tế Về Khoa Học Và công Nghệ Giữa Việt Nam Với Belarus: Thực Trạng Và Một Số Đề Xuất [International cooperation on science and technology between Vietnam and Belarus: current situation and some proposals]. *Tạp chí Chính sách và Quản lý Khoa học và Công nghệ [Science and Technology Policy and Management Journal]*, 6 (4): 56–65. (In Vietnamese).
- Thoburn J.T. (2013). Vietnam as a role model for development. In: *Achieving Development Success*: 99–118. Oxford Academic.
- Toan N.B. (2019). The Role of Financial Development in the Vietnam Economy. *WSEAS Transactions on Business and Economics*, 16: 471–476.
- Vu T.H.C. (2019). Quá Trình Vận Động Của Hợp Tác Kinh Tế Việt Nam – Liên Bang Nga Từ Đối Tác Chiến Lược Lên Đối Tác Chiến Lược Toàn Diện [Mobilization Process Of Vietnamese – Russian Economic Cooperation From Strategic Partners To Comprehensive Strategic Partners]. *Tạp chí Khoa học [Science Journal]*, 35 (7): 11–22. (In Vietnamese).

Поступила в редакцию:

26.09.2024

Received:

Sep 26, 2024

Принята к публикации:

14.10.2024

Accepted:

Oct 14, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-63-79

Проблема защиты «зарубежных интересов государства» во внешнеполитической стратегии Китая: концептуально-правовое и экспертное измерения дискуссии

Сизов Георгий Андреевич^{1,2}

¹ Российский институт стратегических исследований

² Московский государственный институт международных отношений МИД России

Аннотация. В статье рассматривается содержание важной для дипломатии Китая категории «зарубежных интересов государства» и изучается место этой проблемы во внешнеполитической стратегии страны. Анализируется сравнительно широкий пласт китайской научно-исследовательской литературы, концептуальных и нормативно-правовых документов, связанных с государственной политикой КНР по защите своих зарубежных интересов. В качестве главного вывода предлагается тезис о том, что руководство Китая придерживается узко-материалистической трактовки данной категории потребностей, а также не придаёт ей столь экзистенциального характера, как «коренным интересам» страны. В настоящее время отстаивание зарубежных интересов Пекина направлено на реализацию преимущественно охранительных потребностей, которые связаны с сохранением и укреплением экономического развития, успешной реализацией внешнеэкономических инициатив, повышением международного престижа и расширением контактов с другими государствами. Данная ситуация, как ожидается, сохранится в обозримом будущем, однако возникновение более серьёзных угроз для зарубежных интересов КНР с высокой вероятностью может привести к новому витку трансформации внешнеполитической стратегии страны.

Ключевые слова: Китай, национальные интересы, политика безопасности, дипломатия, внешнеполитические концепции.

Автор: Сизов Георгий Андреевич, старший эксперт Центра координации исследований Российского института стратегических исследований (адрес: 125413, Москва, Флотская ул., 15Б); соискатель Московского государственного института международных отношений МИД России (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID 0009-0007-6103-123X. E-mail: georgy.sizov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сизов Г.А. Проблема защиты «зарубежных интересов государства» во внешнеполитической стратегии Китая: концептуально-правовое и экспертное измерения дискуссии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 63–79. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-63-79

The protection of “state overseas interests” in China's foreign policy strategy: conceptual, legal and expert dimensions of the discussion

Sizov Georgiy A.^{1,2}

¹ Russian Institute for Strategic Studies

² Moscow State Institute of International Relations

Abstract. The article examines the content of “state overseas interests”, which is an important Chinese diplomatic concept, and studies the role those interests play in the country's foreign policy strategy. The work analyzes a relatively wide range of Chinese research literature, conceptual and regulatory documents related to the PRC's policy to protect its overseas interests. The author concludes that the Chinese leadership adheres to a narrow materialistic interpretation of overseas interests and does not regard their protection as an existential need as compared to the “core interests” of the country. At present, Beijing's pursuit of its overseas interests exhibits protective nature and is aimed at promoting country's economic development, implementing foreign economic initiatives, improving international image and deepening its relations with other states. This situation is unlikely to change in the foreseeable future, but the emergence of more serious threats to China's overseas interests may bring about new changes in the country's foreign policy strategy.

Keywords: China, national interests, security policy, diplomacy, foreign policy concepts.

Author: *Sizov Georgiy A.*, Senior Expert, Research Coordination Center, Russian Institute for Strategic Studies (address: 15B, Flotskaya St., Moscow, 125413, Russian Federation); PhD applicant, Moscow State Institute of International Relations of the Russian Foreign Ministry (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-6103-123X. E-mail: georgy.sizov@list.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sizov G.A. (2024). Problema zashchity «zarubezhnykh interesov gosudarstva» vo vneshnepoliticheskoy strategii Kitaya: kontseptual'no-pravovoye i ekspertnoye izmereniya diskussii [The protection of “state overseas interests” in China's foreign policy strategy: conceptual, legal and expert dimensions of the discussion]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 63–79. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-4-63-79

Защита «зарубежных интересов» как направление внешней политики Китая

Трансформация внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики традиционно была связана с проблемой отстаивания различных «коренных интересов» (核心利益) страны, перечень которых постепенно расширялся и охватывал новые аспекты. Среди официально провозглашённых основополагающих приоритетов и задач дипломатии Пекина можно выделить следующие: защита суверенитета государства и недопущение вмешательства во внутренние дела, сохранение территориальной целостности и единства страны (это включает в себя широкое международное признание и прямое осуществление суверенитета КНР над Тайванем, Синьцзяном и Тибетом; потом в эту категорию войдут оспариваемые Китаем острова и акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей), сохранение сложившейся политической системы во главе с Коммунистической

партией Китая (КПК), а также гарантирование устойчивого социально-экономического развития и общественно-политической стабильности¹.

Проблема защиты «зарубежных интересов государства» (国家海外利益) прочно вошла во внутреннюю общественно-политическую дискуссию и дипломатическую повестку КНР во второй половине 2000-х гг. Осознание партийными деятелями и учёными Китая важности данной категории национальных интересов стало важным индикатором трансформации внешнеполитической стратегии страны под влиянием роста её экономической мощи, а также увеличения числа дипломатических, торговых, инвестиционных и гуманитарных контактов с другими государствами [Портяков 2012: 22–23; Коростиков 2016: 121; Johnston 2013: 35–36].

Вопрос поиска эффективной модели защиты зарубежных интересов в условиях сложившегося международного права и глобализированной мировой экономики продолжает оказывать влияние на дипломатию Китая, законодательные процессы и политико-административные реформы в партийно-государственном аппарате страны. Эта тема получила новое развитие после XVIII съезда Компартии в ноябре 2012 г.² Так, зарубежные интересы стали одним из приоритетов политики страны в рамках «концепции комплексной государственной безопасности» (综合国家安全观), выдвинутой в 2014 г. председателем КНР и Генеральным секретарём Центрального комитета КПК Си Цзиньпином. Изначально в ней были зафиксированы 11 сфер: политическая безопасность, безопасность территории государства, военная, экономическая, культурная, общественная, научно-техническая, информационная, экологическая, ресурсная и ядерная безопасность. Впоследствии к ним были добавлены ещё 5 направлений безопасности: зарубежных интересов, космическая, «океанских глубин», «двух полюсов» и биологическая³. В 2013–2016 гг. Китай стал более открыто артикулировать на международной арене стремление к защите собственных зарубежных интересов и представлять это легитимной потребностью страны.

В настоящее время проблема надлежащей защиты «зарубежных интересов» обусловлена сохранением (и в некоторых случаях обострением) различных нетрадиционных вызовов и угроз (в виде международного терроризма, транснациональной преступности, деятельности вооружённых антиправительственных группировок и др.), которые затрагивают экономические интересы КНР в государствах Азии, Африки и Латинской Америки (включая участников инициативы «Пояс и путь») и безопасность китайских специалистов, работающих за рубежом. Кроме того, растущее давление Соединённых Штатов Америки и других западных стран на китайские компании и граждан создаёт потребность в поиске новых способов отстаивания интересов Пекина.

¹ См.: 坚持以国家核心利益为底线维护国家主权、安全、发展利益 [Твёрдо придерживаясь коренных интересов государства в качестве базисной линии для защиты государственного суверенитета, безопасности и интересов развития]. 习近平外交思想和新时代中国外交 [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и дипломатия Китая в новую эпоху]. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/node_8020545.shtml (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

² 夏莉萍. 中国海外利益保护的挑战与应对 [Ся Липин. Защита зарубежных интересов Китая: вызовы и их решения]. 中国社会科学报 [Общественные науки Китая], 18.07.2024. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202407/t20240718_5765167.shtml (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

³ См.: 王志刚. 加强自主创新 强化科技安全 为维护 and 塑造国家安全提供强大科技支撑 [Ван Чжиган. Усиливать возможности по осуществлению самостоятельных инноваций, укреплять научно-техническую безопасность, обеспечить мощную научно-техническую поддержку выстраиванию и защите национальной безопасности]. 人民日报 [Жэньминь жибао], 15.04.2020. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0415/c1003-31673495.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

В представленной статье рассматривается, как в КНР развивается дискуссия относительно зарубежных интересов государства. С опорой на исследования китайских экспертов-международников, существующую нормативно-правовую и концептуальную базу дипломатической деятельности страны раскрывается содержание этого понятия, рассматриваются различные подходы к защите данной категории национальных интересов, а также анализируется их место в общей структуре внешнеполитических приоритетов Пекина.

Расширение «зарубежных интересов государства» и проблема их защиты в китайском международно-политологическом дискурсе

Наиболее значимый вклад в концептуализацию «зарубежных интересов» Китая и изучение инструментов их защиты сделали Юй Цзюнь и Чэн Чуньхуа [Yu, Cheng 2015], Мэнь Хунхуа и Чжун Фэйтэн [Men, Zhong 2017], Сяо Хэ [Xiao 2018, 2019], Ван Мэйли и Ли Юйцзе [Wang, Li 2019], Люй Сяоли и Сюй Цин [Lü, Xu 2015], Сяо Си и Лан Шуай [Xiao, Lang 2015], Чу Инь и Чэн Лигэн [Chu, Cheng 2014], Ван Ичжоу [Wang 2013], Ван Цуньган [Wang 2015], Цуй Шоуцзюнь [Cui 2017], Ли Шаодань [Li 2018], Лю Сяоян [Liu 2016], Чэнь Цзиминь [Chen 2014], Ли Чжиюн [Li 2015] и др. При этом в китайской научной литературе, посвящённой зарубежным интересам страны, можно обнаружить два основных подхода к трактовке данного термина: узко-материалистический и материально-идеалистический [Wang 2014: 52–54]. Первый учитывает в основном конкретные материальные факторы и явления (работающие за рубежом граждане, экономические активы китайских компаний в других странах, проекты межгосударственного сотрудничества и др.), которые требуют защиты государства; второй в дополнение ко всему вышесказанному охватывает нематериальные атрибуты внешней политики государства (международный престиж, уровень влияния на многосторонние институты и нормотворчество, распространённость ценно-идеологических установок страны и т.д.).

Одно из первых и наиболее устоявшихся в научном дискурсе определений зарубежных интересов выдвинул Чэнь Чжиу. Он предложил рассматривать под этим термином четыре приоритета государственной политики КНР: «обеспечение безопасности жизней граждан, инвестиций и собственности, поставок энергоносителей, а также расширение зарубежных рынков» [Chen 2005: 24–28]. При этом были выделены три вида рисков для «зарубежных интересов»: политические (социальная нестабильность, внутренние и межгосударственные конфликты), инвестиционные и в области нетрадиционных вызовов и угроз безопасности (терроризм, экстремизм, организованная преступность и т.д.). Каждый из них, соответственно, требует разных инструментов реагирования, которые не всегда сводятся к использованию силы.

Более комплексную трактовку зарубежных интересов предложил Чэнь Вэйшу. Так, зарубежные интересы Китая – это интересы страны, возникающие за пределами осуществляемого ею суверенитета, которые включают в себя не только обеспечение безопасности жизни, собственности и деятельности граждан и организаций КНР за рубежом, но и различные действующие соглашения и договоры, заключаемые с иностранными субъектами китайским правительством, юридическими и физическими лицами с целью оформления «отношений интересов» (利益关系), а также охватывают проблемы защиты

достоинства, репутации и имиджа государственных и негосударственных представителей Китая [Chen 2009: 8–13].

Похожее по своему характеру, но более широкое определение зарубежных интересов Китая предлагает Ван Фалун. По его мнению, в эту категорию входят все материальные и нематериальные потребности Китая, находящиеся за пределами его юрисдикции, включая интересы в области политики, безопасности и международных институтов [Wang 2014: 30].

Определение «зарубежных интересов», разработанное Су Чанхэ, также строится на международном взаимодействии как основополагающем условии возникновения данных интересов. Согласно исследователю, они представляют собой «государственные интересы Китая, которые возникают в результате действий правительства, компаний, общественных организаций и граждан в ходе налаживания ими глобальных связей; существуют за пределами юрисдикции КНР, а также выражаются преимущественно в форме “международных контрактов”» (国际合约) [Su 2009: 13–20]. Под последними, вероятно, в широком смысле понимаются различные виды формальных взаимодействий, предполагающих возникновение отношений взаимных обязательств. По словам Су, использование термина «международные контракты» призвано обозначить международно-правовую легитимность как один из важных критериев «законных зарубежных интересов» страны.

В рамках идеалистического подхода к зарубежным интересам Лю Ляньлянь предлагает использовать термин «государственные интересы нового типа» (新型国家利益), которые в дополнение ко всему вышеперечисленному охватывают «нематериальные» потребности страны в участии в формировании международного порядка, правил и институтов, а также в продвижении на мировой арене собственных нарративов и защите позитивного имиджа Китая [Liu 2017: 128]. Оформление данной категории интересов имеет конструктивистскую и идеалистическую природу, поскольку, как подчёркивает китайский исследователь, оно связано с исторической трансформацией национальной идентичности и осознаваемой структуры государственных приоритетов, что обусловлено изменением роли и веса КНР на международной арене.

Схожих идей о конструктивистской сущности зарубежных интересов придерживаются Сю Фэнъи и Ван Фалун. Они отмечают подвижность данной категории государственных приоритетов и их зависимость от самоидентификации Китая и характера взаимодействия с международным сообществом [Xiu, Wang 2022: 128–144]. Примерно о том же говорят Сю Си и Лан Шуай [Xiao, Lang 2015], а также Сю Хэ, который полагает, что руководство КНР осторожно расширяет концепцию зарубежных интересов, исходя из потребностей международной ситуации и оставляя себе пространство для манёвра [Xiao 2018: 185]. Сю подчёркивает, что стратегия Китая в данном вопросе определяется «нынешним статусом страны в международной системе, уникальными особенностями социалистического политического строя, а также тем, как внутренняя политическая и экономическая системы воспринимают внешнее давление» [Xiao 2019: 215–219]. В этом контексте ключевыми характеристиками китайского подхода к обеспечению безопасности зарубежных интересов государства являются «низкий уровень принуждения» (低强制性) и недостаток диверсификации соответствующих инструментов.

Анализируя способы защиты государством своих зарубежных интересов в условиях глобализированной экономики и сложившегося международного права, Лю Ляньлянь отмечает, что легитимное решение данной задачи возможно преимущественно через сотрудничество с другими странами. Отстаивание зарубежных интересов Китая, полагает учёный, должно учитывать характер угроз, которые перед ними возникают. В большинстве случаев основную роль в защите этих интересов, считает исследователь, играют правоохранительные органы стран-партнёров, в том числе в сотрудничестве с компетентными ведомствами Китая и государств-соседей (когда того требуют задачи борьбы с трансграничной преступностью). Вместе с тем односторонние действия также присутствуют в практике государств при высоких издержках и низкой эффективности двух- и многостороннего сотрудничества. Как правило, подобные ситуации возникают в случае кризисов, знаменующих собой фактический крах институтов государственности, в условиях масштабной деятельности террористических группировок, а также в «серых зонах» международного пространства, в том числе в морских акваториях [Liu 2017: 142]. Однако когда угрозы зарубежным интересам носят сравнительно незначительный характер, на первый план выходят традиционные механизмы консульской защиты и сотрудничество в области правоохранительной деятельности [Liu 2017: 147].

Цуй Шоуцзюнь подчёркивает, что учёт роли разных акторов (государственных и негосударственных) является отправной точкой для поиска путей диверсификации политики по защите зарубежных интересов КНР [Cui 2017: 90–97]. Учёный обращает внимание на существование своего рода «триумvirата» правительственных (партийные и государственные ведомства), рыночных (корпорации, частные охранные компании) и общественных (объединения китайских соотечественников) сил, участвующих в защите национальных интересов Китая за рубежом. Эти идеи во многом дополняют Люй Сяоли, Сюй Цин [Lü, Xu 2015: 134–139] и Синь Тянь [Xin 2016], которые рассматривают вопрос отстаивания «зарубежных интересов» при помощи создания горизонтальных общественных структур и усиления опоры на частных охранных подрядчиков в других государствах.

В контексте анализа проблематики защиты национальных интересов Китая примечательна аналитическая модель, предложенная Сяо Хэ. Он, как и Лю Ляньлянь, отмечает, что ключевой проблемой в решении рассматриваемой задачи является то, как в условиях глобализации найти баланс между международно-правовой легитимностью, имеющимися ресурсами и уровнем мотивированности государства–заявителя своих зарубежных интересов и возможностями принимающей стороны [Xiao 2019]. Принимающие государства обладают всей полнотой прав на решение проблем на своей территории, однако они могут не иметь ресурсов и/или мотивации для защиты интересов других стран в пределах собственной юрисдикции.

В зависимости от отношения к суверенитету другой страны Сяо Хэ выделяет четыре группы подходов государств к защите своих зарубежных интересов: «дипломатический» (外交保护型), с ведущей ролью принимающей страны (东道国主导型), или же «консульский»⁴; «законодательно-принудительный» (立法强制型), а также «ассемблирование безопасности»

⁴ Хотя китайский исследователь придерживается термина 东道国主导型的措施, т.е. буквально «меры, в рамках которых ведущую роль играет страна-реципиент», для удобства в работе будет использоваться определение «консульский подход».

(安全聚合型, security assemblage) [Xiao 2019: 205–209]. Все эти типы стратегий отличаются по степени принуждения и диверсификации субъектов, участвующих в защите зарубежных интересов.

«Дипломатический подход», по словам Сяо, связан с расширенной трактовкой правительством государственного суверенитета и его распространением на собственных граждан без изменения характера самой международной среды. В этом контексте угроза гражданам и юридическим лицам рассматривается как угроза самому государству, поэтому оно начинает рассматривать варианты реагирования, исходя из реалистских принципов самопомощи и политики силы. Сяо отмечает, что в настоящее время легитимность подобного подхода значительно снизилась и противоречит тенденциям развития международного права. Несмотря на это, лежащий в основе данного подхода принцип «око за око» нередко находит своё отражение в реальной политике государств, когда они обмениваются карательными экономическими мерами в отношении отдельных граждан и компаний.

«Консульский подход», согласно Сяо Хэ, заключается в увеличении государством–заявителем зарубежных интересов количества ресурсов, которые направляются для защиты национальных интересов за рубежом при уважении суверенитета и юрисдикции принимающей стороны. Заинтересованная сторона при этом может активно участвовать в процессе защиты интересов своих граждан и юридических лиц, оказывать содействие и различную помощь стране–партнёру и осуществлять меры по наращиванию потенциала последней в сфере реагирования на внутренние вызовы и угрозы. В этом ключе ещё одним инструментом защиты национальных интересов может стать общее улучшение двусторонних отношений и достижение компромиссов с принимающей стороной.

«Законодательно–принудительный» подход сопряжён с частичной трансформацией международной среды и созданием различного рода ограничений для других государств с целью регулирования их поведения. Основными инструментами подобной политики является создание и изменение международных институтов и норм (в т.ч. глобальных), учреждение многосторонних механизмов, подписание договоров, а также принятие односторонних законодательных (санкционных) мер (экстратерриториальное применение национальных законов).

Как отмечает Сяо Хэ, «ассемблирование безопасности» связано с переходом к «мультистейкхолдерной» модели решения соответствующих проблем с участием широкого круга частных и общественных акторов. С этим сопряжены рыночные процессы, экономическая глобализация, приватизация вопросов безопасности» и т.д. В рамках данного подхода акцент взаимодействия смещается от государств к негосударственным акторам. Примерами последних являются транснациональные частные охранные подрядчики, международные страховые и юридические компании, а также различные группы гражданского общества. Чжао Кэцзинь и Ли Шаоцзе также подчёркивают, что работающие за рубежом частные лица, рыночные структуры и общественные организации в большинстве случаев являются самыми заинтересованными «менеджерами в области безопасности», поскольку это напрямую касается их благополучия. Они нередко имеют даже больше возможностей предвидеть чрезвычайные ситуации и эффективно отреагировать на них, чем центральное правительство их родной страны [Zhao, Li 2015].

Как отмечает Сяо Хэ, в реальности многие страны используют все четыре типа вышеупомянутых мер. Однако в зависимости от их потребностей, возможностей и внутренних факторов акцент может быть сделан на одном или нескольких рассмотренных подходах. Кроме того, китайский исследователь предлагает разделять государства на ведущие великие державы (主导强国) и великие державы второго порядка (次强国家) в зависимости от выбранной ими стратегии защиты национальных интересов за рубежом. Соответственно, ведущие великие державы отдают приоритет тем мерам, которые сильнее воздействуют на их контрагентов и международную среду.

Развитие нормативно-правовой и концептуальной базы защиты зарубежных интересов КНР в «новую эпоху»

В настоящее время задача отстаивания зарубежных интересов Китая закреплена в ряде законов страны, в общегосударственных планах развития и концептуальных документах в области внешней политики и безопасности. Как уже было упомянуто, осознание Пекином необходимости защиты своих национальных интересов за рубежом сопряжено с процессом всесторонней проработки концептуальных основ государственной безопасности и выведения соответствующей проблематики на первые места в стратегии развития Китая в рамках выдвинутой в 2014 г. лидером страны Си Цзиньпином «комплексной концепции государственной безопасности»⁵. Начиная с 2016 г., задача защиты зарубежных интересов отражена в среднесрочных планах развития государства (первой в этом отношении стала тринадцатая «пятилетка» на 2016–2020 гг.). В Основных положениях 14-го пятилетнего плана социального и экономического развития КНР (2021–2025 гг.) и перспективных целей до 2035 г. подчёркивается необходимость создания системы защиты зарубежных интересов, а также предупреждения и предотвращения рисков. В этой связи в документе даётся установка на оптимизацию и расширение возможностей дипломатических представительств КНР по оказанию китайским физическим и юридическим лицам различной поддержки за рубежом, на совершенствование системы и механизмов консульской защиты, а также подчёркивается приоритет обеспечения безопасности, законных прав и интересов китайских граждан и учреждений в других странах⁶.

Принцип защиты зарубежных интересов закреплён в деятельности многих государственных институтов КНР. В этом отношении весьма наглядным примером является осознание Пекином необходимости увеличить роль Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в защите национальных интересов за рубежом, что проявилось в соответствующей трансформации военной стратегии страны в 2013–2020 гг. Так, в Белой книге

⁵ 涵养国家安全意识贵在深入重在持久 [Воспитание понимания важности государственной безопасности ценно и важно в своей глубине и прочности]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 15.04.2020. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0415/c1003-31673459.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.); 深刻理解和把握总体国家安全观 [Глубоко понимать концепцию комплексной государственной безопасности и хорошо владеть ей]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 15.04.2020. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0415/c40531-31673757.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

⁶ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 [Основные положения 14-го пятилетнего плана социального и экономического развития КНР и перспективных целей до 2035 г.]. *新华社* [Синьхуа], 13.03.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

«Диверсификация применения вооружённых сил КНР» (2013 г.) появился раздел, который был полностью посвящён рассматриваемой категории приоритетов. Примечательно, что сам по себе термин «зарубежные интересы» впервые был использован в военном документе доктринального характера. В вышеупомянутом разделе констатировалось, что «вслед за постепенной интеграцией Китая в мировую экономику зарубежные интересы стали важной составной частью интересов государства»⁷.

В Белой книге «Военная стратегия КНР» (2015 г.) вновь были обозначены растущие опасения китайского руководства относительно увеличения числа внешних угроз. Так, в первом разделе документа отмечается, что «вслед за продолжающимся расширением интересов страны угрозу государственной безопасности может создать дестабилизация международной и региональной ситуации, терроризм, морское пиратство, масштабные стихийные бедствия, эпидемии и др.»⁸. В Белой книге вновь был повторён тезис 2013 г. о том, что «отчётливо наметились проблемы защиты зарубежных интересов, связанные с обеспечением безопасности маршрутов поставок энергоресурсов и коммуникаций стратегического характера, а также сопряжённые с обеспечением безопасности [китайских] структур, граждан и собственности за рубежом». Кроме того, примечателен был тезис о готовности КНР укреплять международное сотрудничество в области безопасности в тех регионах, где существуют особые опасения относительно зарубежных интересов страны.

В настоящее время действующая военная стратегия Китая изложена в Белой книге «Государственная оборона КНР в новую эпоху» (2019 г.). В документе вновь констатируется нарастание угроз для зарубежных интересов страны. В этой связи в действующей редакции военной стратегии Китая защита зарубежных интересов страны выделена в отдельный раздел. В нём впервые открыто подчёркивается желание руководства КНР уделять особое внимание сокращению разрыва между потребностями в проведении зарубежных операций и возможностями по их обеспечению⁹.

В Белой книге в общей сложности выделены четыре направления использования Китаем вооружённых сил за рубежом: участие в миротворческих миссиях, осуществление спасательных и гуманитарных операций, обеспечение безопасности международных морских коммуникаций и проведение совместных военных учений с другими странами. Констатируется, что для решения всех этих задач НОАК будет развивать экспедиционный флот, создавать за рубежом пункты материально-технического обеспечения (МТО), совершенствовать возможности для осуществления диверсифицированного спектра армейских операций. В этом контексте отмечается, что вооружённые силы намерены проводить операции по конвоированию морских судов, защите стратегических морских коммуникаций, эвакуации граждан из-за рубежа, отстаиванию «морских прав» страны и др.

⁷ 中国武装力量的多样化运用 [Диверсификация применения вооружённых сил КНР]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 16.04.2013. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2013-04/16/content_2618550.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

⁸ 中国的军事战略 [Военная стратегия КНР]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 26.05.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

⁹ 新时代的中国国防 [Государственная оборона КНР в новую эпоху]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 24.07.2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

Комментируя содержание Белой книги 2019 г., эксперт Института изучения войны Академии военных наук НОАК Янь Вэньху подчёркивает, что деятельность китайских вооружённых сил на нынешнем этапе развития страны будет в большей степени координироваться с расширением сферы зарубежных интересов КНР. При этом констатируется, что в нынешних условиях военное присутствие Китая в других странах не рассматривается как нарушающее традиционный для китайской дипломатии принцип невмешательства, если деятельность НОАК осуществляется с согласия партнёров Пекина или на многосторонней основе¹⁰.

С нормативно-правовой точки зрения, проблема защиты КНР своих зарубежных интересов при помощи военно-политических инструментов регулируется следующими законодательными актами: Закон об обороне (1997 г., изменён в 2009 и в 2020 гг.), Закон о государственной безопасности (2015 г.), Закон о противодействии терроризму (2015 г.), Основные положения об армейских операциях невоенного характера (2022 г.) и др.

Ключевым из вышеупомянутых нормативно-правовых актов является Закон КНР о государственной обороне. Изначально в нём не содержалось положений, относящихся к проблеме обеспечения безопасности интересов страны за рубежом. Лишь в декабре 2020 г. в данный нормативно-правовой акт были внесены соответствующие поправки. Так, в отредактированной ст. 22 подчёркивается, что миссиями и задачами НОАК является «оказание стратегической поддержки в вопросах... защиты зарубежных интересов государства, содействия глобальному миру и развитию». В полностью новой ст. 68 Закона устанавливается, что Китай использует вооружённые силы для «обеспечения безопасности граждан, организаций, структур и объектов КНР за рубежом, участия в миротворческих миссиях ООН, осуществления международных спасательных операций, конвоирования морских судов, проведения совместных военных учений, противодействия терроризму и др., а также выполняет свой долг по поддержанию международной безопасности и защищает интересы страны»¹¹.

Внесённые в Закон поправки в 2020 г. во многом были призваны инкорпорировать в законодательство те тезисы, которые были выдвинуты в Белой книге «Государственная оборона КНР в новую эпоху» (2019 г.)¹². В текущей редакции ст. 47 Закона о государственной обороне впервые допускается возможность полной и частичной мобилизации армии в случае создания угрозы «интересам развития» страны¹³. Как представляется, под данную формулировку может попадать отражение широкого спектра военных и гибридных угроз, в том числе блокирование морских торговых коммуникаций, намеренное нарушение цепочек

¹⁰ 闫文虎. 正确理解新时代军队使命任务 [Янь Вэньху. Правильно понимая миссии и задачи вооружённых сил в новую эпоху]. *解放军报* [Газета НОАК], 26.07.2019. URL: http://www.81.cn/jfjbmap/content/2019-07/26/content_239318.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹¹ 中华人民共和国国防法 [Закон КНР о государственной обороне]. *中华人民共和国国防部* [Министерство национальной обороны КНР], 27.12.2020. Принят 14.03.1997, изменён 27.08.2009 и 26.12.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2020-12/27/content_4876050.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹² 专访军事科学院原副院长何雷：深入理解新修订的国防法 [Эксклюзивное интервью бывшего заместителя президента Академии военных наук Хэ Лэя: тщательно осмысливая новую редакцию Закона о государственной обороне]. *解放军报* [Газета НОАК], 13.01.2021. URL: https://www.mod.gov.cn/regulatory/2021-01/13/content_4876995_2.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹³ 新修订的国防法，新在何处 [Какие новые поправки внесены в Закон об обороне]. *光明日报* [Гуанмин жибао], 03.01.2021. URL: https://123.232.116.200/article/Content/3491_826680.html (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

поставок критически важного сырья, энергоресурсов, инновационной продукции, создание препятствий для реализации крупных инфраструктурных объектов за рубежом и т.д.

Практически идентичные положения относительно использования вооружённых сил Китая для защиты интересов страны за рубежом содержатся в ст. 18 и 33 Закона КНР о государственной безопасности (2015 г.). В них говорится о том, что страна осуществляет военные операции для защиты её зарубежных интересов и в соответствии с законом принимает необходимые меры для отстаивания разумных прав и интересов китайских граждан, организаций и учреждений за рубежом¹⁴. При этом в данном нормативно-правовом акте не затрагивается вопрос обеспечения безопасности китайских «объектов» (设施) за рубежом, как это прописано в Законе КНР о государственной обороне. Судя по всему, под этим термином подразумевается военно-логистическая инфраструктура. Отсутствие данного понятия в Законе о госбезопасности может быть обусловлено тем, что на момент его принятия (июль 2015 г.) Пекин не имел подобного рода объектов¹⁵.

Проблема обеспечения безопасности зарубежных интересов Китая также затрагивается в «Основных положениях стратегии государственной безопасности» (действовала в 2015–2020 гг.) и «Стратегии государственной безопасности (2021–2025 гг.)». Однако, к сожалению, на этот счёт отсутствуют какие-либо конкретные пояснения, поскольку данные документы носят закрытый характер и не опубликованы в открытой печати. Общая структура их содержания известна лишь из новостных сообщений о соответствующих заседаниях Политбюро ЦК КПК и комментариев правительственных экспертов [Chen 2023].

Закон о противодействии терроризму (2015 г.) предусматривает возможность отправки подразделений Народной вооружённой полиции или НОАК для участия в контртеррористических операциях за рубежом по решению Центрального военного совета¹⁶. Примечательно, что ранее проект закона от ноября 2014 г. включал в себя дополнительное предварительное условие для таких миссий, предусматривающее, что они будут одобрены «посредством соглашений, достигнутых с соответствующими странами». Это положение, однако, отсутствовало в окончательной версии, утверждённой Всекитайским собранием народных представителей в 2015 г.

Принятие в середине июня 2022 г. «Основных положений об армейских операциях невоенного характера»¹⁷ (АОНХ) свидетельствует о приоритете данного вида деятельности НОАК в рамках задач по защите зарубежных интересов КНР. Содержание Положений об АОНХ указывает на весьма широкий круг задач, которые Пекин намерен ставить перед армией в долгосрочной перспективе. Так, ей предписывается быть готовой «реагировать на чрезвычайные ситуации, защищать здоровье и имущество граждан, государственный суверенитет, безопасность, интересы развития страны, обеспечивать глобальную

¹⁴ 中华人民共和国国家安全法 [Закон КНР о государственной безопасности]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 01.07.2015. Принят 01.07.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹⁵ Первым и в настоящее время пока единственным примером такой инфраструктуры является логистический пункт НОАК в Джибути. Соглашение о его строительстве было достигнуто в январе 2016 г., а сама база начала функционировать с августа 2017 г.

¹⁶ 中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон Китайской Народной Республики о противодействии терроризму]. 全国人民代表大会 [ВНП]. Принят 27.12.2015, вступил в силу с 01.01.2016. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-06/12/content_2055871.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹⁷ К сожалению, полный текст Положений так и не был опубликован. Основные идеи документа известны из пресс-релизов Минобороны, комментариев официальных лиц и правительственных экспертов.

и региональную стабильность»¹⁸. По оценкам экспертов, данные тезисы демонстрируют желание руководства КНР повысить результативность операций НОАК по оказанию гуманитарной помощи, сопровождению морских судов, миротворчеству, защите транспортных путей, китайских инвестиций, проектов и специалистов за рубежом¹⁹. Примечательно, что Минобороны КНР не опровергает подобные трактовки²⁰.

К 2023 г. руководство Китая завершило процесс правового регулирования проблемы защиты зарубежных интересов страны при помощи дипломатических инструментов. В июне 2023 г. был принят первый в своём роде Закон КНР о внешних связях. В ст. 37 главы 5 данного нормативно-правового акта было закреплено, что «государство в соответствии с законом принимает необходимые меры для защиты безопасности, законных прав и интересов китайских граждан и организаций за рубежом, защищает зарубежные интересы страны от угроз и посягательств. Государство укрепляет систему защиты зарубежных интересов, соответствующие рабочие механизмы и возможности»²¹.

В июне 2023 г. указом Госсовета также были приняты «Положения КНР о консульской защите и содействии», которые были разработаны и предложены Министерством иностранных дел ещё в марте 2018 г. В новом документе разъясняются соответствующие обязанности и функции МИД и диппредставительств страны, а также порядок осуществления ими данной работы. В рамках Положений китайские посольства и консульства играют ключевую роль в реагировании на чрезвычайные ситуации и создании системы их раннего информационного предупреждения. Аналогичная обязанность возлагается и на граждан, юридические лица и учреждения КНР за рубежом. Им вверяется создание механизмов предупреждения чрезвычайных происшествий и экстренного реагирования на них с учётом текущей ситуации с безопасностью в стране пребывания. В нормативно-правовом акте уточняется, что для этого вышеупомянутые субъекты должны выделять специальные материальные ресурсы, проводить обучение сотрудников мерам предосторожности и экстренного реагирования, а также «учредить специальные институты обеспечения безопасности и назначить соответствующий персонал по мере необходимости»²².

В рамках введения нового законодательства о консульской защите китайские чиновники пояснили, что соответствующая работа будет проводиться не только

¹⁸ 发布《军队非战争军事行动纲要（试行）》 [Опубликованы «Основные положения об армейских операциях невоенного характера (опытные)»]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 14.06.2022. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0614/c64094-32445496.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹⁹ Xi signs outlines that direct China's military operations other than war. *Global Times*, Jan 13, 2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268037.shtml> (accessed: 07.02.2023).

²⁰ 国防部介绍《军队非战争军事行动纲要（试行）》目的意义 [Министерство обороны разъясняет «Основные положения об армейских операциях невоенного характера (опытные)»]. *国防部* [Министерство обороны КНР], 30.06.2022. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2022-06/30/content_4914395.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

²¹ 中华人民共和国对外关系法 [Закон Китайской Народной Республики «О внешних связях»]. *中华人民共和国中央人民政府* [Госсовет КНР], 29.06.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

²² 中华人民共和国国务院令 第 763 号. 中华人民共和国领事保护与协助条例. 2023 年 6 月 29 日国务院第 9 次常务会议通过 [Указ Госсовета КНР № 763. Положения Китайской Народной Республики о консульской защите и содействии. Приняты на 9-м исполнительном заседании Госсовета 29.06.2023]. *中华人民共和国中央人民政府* [Госсовет КНР], 09.07.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202307/content_6891760.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

Министерством иностранных дел, но и различными ведомствами, местными властями, посольствами и консульствами, а также компаниями, общественными организациями и отдельными гражданами. Согласно новому закону, региональные правительства должны будут увеличить бюрократический аппарат и количество выделяемых ресурсов для «динамичного» мониторинга зарубежной деятельности своих граждан и организаций. Кроме того, предполагается, что местным властям ввернется более активное участие в разработке планов реагирования на чрезвычайные ситуации за рубежом и координации усилий различных ведомств²³. Примечательно, что ранее, в 2015–2022 гг., 10 регионов КНР (в т.ч. пров. Гуандун, Фуцзянь, Хубэй и г. Шанхай) приняли собственные локальные нормативно-правовые акты в области защиты прав и интересов китайских граждан за рубежом²⁴.

В контексте анализа концептуального осмысления руководством Китая проблемы защиты зарубежных интересов страны весьма примечательной является опубликованная в октябре 2023 г. статья партийного комитета Министерства государственной безопасности (МГБ) КНР, посвящённая 10-летию «Пояса и пути». В ней констатируется, что с выдвижением инициативы произошло быстрое расширение сферы «зарубежных интересов» Китая. В результате в настоящее время они сталкиваются со значительным числом угроз. В МГБ подчёркивают, что в контексте развития инициативы «главным препятствием» является давление США и западных стран, «наиболее прямой угрозой» – террористическая активность, «наиболее заметной переменной» – региональная нестабильность, «наиболее каверзным вопросом» – попытки очернить инициативу, а «наиболее уязвимым звеном» – «нехватка специализированных сил для обеспечения безопасности и предотвращения угроз» (专业安防力量不足) реализации «Пояса и пути». В этих условиях, пишут чиновники, происходят покушения на личную безопасность и законные права и интересы китайских граждан за рубежом, многие крупные объекты становятся целями нападений, а также страдают от политических потрясений²⁵. Констатируется, что на этом фоне защита результатов сотрудничества под эгидой инициативы и «зарубежных интересов» КНР напрямую затрагивает общую архитектуру развития и систему безопасности страны.

Третий пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва, прошедший в июле 2024 г., обозначил ряд приоритетов в области совершенствования системы защиты государственной безопасности в КНР, в том числе в контексте отстаивания зарубежных интересов страны. В «Решении ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении модернизации китайского типа» было вновь заявлено о необходимости усилить институты и механизмы, отвечающие за «раннее предупреждение, предотвращение, контроль и защиту от рисков для интересов Китая и его зарубежных инвестиций». Руководство КНР также обозначило своё желание углубить международное

²³ China's local governments to play bigger role in protecting citizens abroad under new regulation. *South China Morning Post*, Jul 14, 2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3227774/chinas-local-governments-play-bigger-role-protecting-citizens-abroad-under-new-regulation> (accessed: 07.10.2024).

²⁴ New legislation proposed to protect overseas Chinese. *Xinhua*, Apr 26, 2023. URL: http://en.moj.gov.cn/2023-04/26/c_881512.htm (accessed: 07.10.2024).

²⁵ 国家安全机关做守护“一带一路”的“安全官” [Органы государственной безопасности выступают в качестве «офицеров безопасности», защищающих «Пояс и путь»]. 国家安全部 [Министерство государственной безопасности], 17.10.2023. URL: http://www.chinapeace.gov.cn/chinapeace/c100007/2023-10/17/content_12688877.shtml (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

сотрудничество с правоохранительными органами других стран по вопросам безопасности. Целью этого была названа защита законных прав и интересов граждан и юридических лиц КНР за рубежом²⁶.

* * *

Анализ концептуальных и правовых документов, посвящённых отстаиванию Китаем своих зарубежных интересов, позволяет сделать вывод, что в настоящее время руководство страны рассматривает данный термин в его узко-материальной трактовке. Он подразумевает акцент на физической безопасности и защите законных прав и интересов граждан, компаний и учреждений КНР за рубежом, а также на обеспечении свободной и безопасной работы международных коммуникаций стратегического характера.

Концептуальные рамки зарубежных интересов Пекина совмещают в себе объективное и субъективное начала в определении данных приоритетов страны. Китайские учёные констатируют наличие реально существующих потребностей государства в этом вопросе, но при этом рассматривают политику правительства как производную от процесса осознания и интерпретации данных интересов с учётом внутренних и внешних факторов.

При этом, исходя из трактовок различных исследователей в КНР, зарубежные интересы представляют собой подвид национальных интересов, который носит несколько второстепенный характер по отношению к другим приоритетам государственной политики. С одной стороны, защита «зарубежных интересов» является частью поддержания экономического благосостояния государства, поскольку эта деятельность сопряжена с обеспечением безопасности граждан, структур и компаний, а также с защитой коммерческих активов страны за рубежом. Учитывая масштаб внешнеэкономической деятельности Китая и его зависимость от неё, вряд ли данную проблему можно считать маловажной.

С другой стороны, зарубежные интересы явно уступают по своей приоритетности другим смежным категориям потребностей страны. Например, «интересам развития» (发展利益), которые в китайском понимании относятся к группе «коренных интересов» и считаются базовой гарантией существования государства [Zeng, Xiao, Breslin 2015; Zhou 2019]. По крайней мере, угроза «зарубежным интересам» не относится к категории экзистенциальных вызовов самому существованию государства и его суверенитету. Данная проблема скорее рассматривается в контексте сохранения и укрепления экономической мощи, успешной реализации внешнеэкономической стратегии, повышения международного престижа страны и расширения её контактов с другими государствами.

Судя по всему, в обозримом будущем проблема защиты «зарубежных интересов» во внешней политике КНР будет направлена на реализацию преимущественно охранительных потребностей государства, и вышеупомянутая категория интересов вряд ли перейдёт в группу экзистенциальных. Вместе с тем, как показывает практика, этот подход может быть пересмотрен в случае возникновения новых беспрецедентных международных кризисов

²⁶ 中共中央关于进一步全面深化改革 推进中国式现代化的决定 [Решение ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении модернизации китайского типа]. 新华社 [Синьхуа], 21.07.2024. URL: <http://www.news.cn/politics/20240721/cec09ea2bde840dfb99331c48ab5523a/c.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

вблизи китайских границ или в ключевых странах-партнёрах Пекина. В этом контексте, вероятно, определяющую роль будут играть международные факторы и соотношение потенциальных материальных выгод и репутационных потерь от военного реагирования на ситуации, негативно влияющие на интересы Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 108–126.
- Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.

REFERENCES

- Korostikov M.Yu. (2016). Dinamika vneshney politiki KNR cherez prizmu natsional'nykh interesov [Dynamics of China's foreign policy through the prism of national interests]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, 7 (4): 108–126. (In Russian).
- Portyakov V.Ya. (2012). Vneshnepoliticheskiye zavety Den Syaopina i ikh sovremennaya interpretatsiya [Deng Xiaoping's foreign policy precepts and their modern interpretation]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 5: 14–27. (In Russian).
- * * *
- Chen Jimin (2014). Lun Zhongguo haiwai touzi liyi baohu de xianzhuang yu duice [On the current situation and countermeasures of protecting China's overseas investment interests]. *Guoji luntan [International Forum]*, 16 (5): 35–40. (In Chinese). [陈积敏. 论中国海外投资利益保护的现状与对策. 国际论坛].
- Chen Weishu (2009). Zhongguo haiwai liyi yanjiu de zongti shiye: yi zhong yi shijian wei zhu de yanjiu gangyao [The overall perspective of China's overseas interests research: a research outline based on practice]. *Guoji guancha [International Observation]*, 2: 8–13. (In Chinese). [陈伟恕. 中国海外利益研究的总体视野: 一种以实践为主的研究纲要. 国际观察].
- Chen Xiangyang (2023). Xin shidai guojia anquan zhidu yu zhanlue chuanguan hufang minzu fuxing [National security system and strategic innovation in the new era to safeguard national rejuvenation]. *Guojia anquan yanjiu [National Security Research]*, 5: 5–22. (In Chinese). [陈向阳. 新时代国家安全制度与战略创新护航民族复兴. 国家安全研究].
- Chen Zhiwu (2005). Shenshi Zhongguo de haiwai liyi [Examining China's overseas interests]. *Guoji rongzi [International Financing]*, 7: 24–28. (In Chinese). [陈志武. 审视中国的海外利益. 国际融资].
- Chu Yin, Cheng Ligeng (2014). Zhongguo waijiao de bian yu bu bian – lun haiwai liyi baohu yu “bu ganshe neizheng” yuanze [Changes and invariances in China's diplomacy – on the protection of overseas interests and the principle of “non-interference in internal affairs”]. *Qianxian [Frontline]*, 9: 46–48. (In Chinese). [储殷, 程立耕. 中国外交的变与不变—论海外利益保护与“不干涉内政”原则. 前线].
- Cui Shoujun (2017). Zhongguo haiwai anbao tixi jiangou chuyi [On the construction of China's overseas security system]. *Guoji zhanwang [International Outlook]*, 9 (3): 78–98. (In Chinese). [崔守军. 中国海外安保体系建构刍议. 国际展望].
- Johnston A.I. (2013). How new and assertive is China's new assertiveness? *Quarterly Journal: International Security*. Spring, 37 (4): 7–48.
- Li Shaodan (2018). Kuaguo zhengce lianmeng yu Zhongguo haiwai liyi de baohu he kuozhan [Transnational policy alliances and the protection and expansion of China's overseas interests]. *Shanghai duiwai jingmao daxue xuebao [Journal of Shanghai University of International Business and Economics]*, 25

- (6): 82–94. (In Chinese). [李少丹. 跨国政策联盟与中国海外利益的保护和拓展. 上海对外经贸大学学报].
- Li Zhiyong (2015). “Zouchuqu” yu Zhongguo haiwai liyi baohu jizhi yanjiu [Research on “going out” and China's overseas interests protection mechanism]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 207 p. (In Chinese). [李志永. “走出去”与中国海外利益保护机制研究].
- Liu Lianlian (2017). Guojia haiwai liyi baohu jizhi lunxi [Analysis of the mechanism for protecting the state's overseas interests]. *Shijie jingji yu zhengzhi [World Economy and Politics]*, 10: 126–153. (In Chinese). [刘莲莲. 国家海外利益保护机制论析. 世界经济与政治].
- Liu Xiaoyang (2016). Zhongguo guohua liyi yanjiu zongshu [A review of research on China's national interests]. *Guoji yanjiu cankao [International Research Reference]*, 4: 47–57. (In Chinese). [刘笑阳. 中国国家利益研究综述. 国际研究参考].
- Lü Xiaoli, Xu Qing (2015). Goujian Zhongguo haiwai liyi baohu de shehui jizhi tanxi [On the construction of social mechanism for protecting China's overseas interests]. *Dangdai shijie yu shehuizhuyi [Contemporary World and Socialism]*, 2: 134–139. (In Chinese). [吕晓莉, 徐青. 构建中国海外利益保护的社会机制探析. 当代世界与社会主义].
- Men Honghua, Zhong Feiteng (2017). Zhongguo haiwai liyi yanjiu de liang bo chaoliu ji qi tixi goujian [Two waves of research on China's overseas interests and their system construction]. *Zhongguo zhanlue baogao [China Strategy Report]*, 1: 103–126. (In Chinese). [门洪华, 钟飞腾. 中国海外利益研究的两波潮流及其体系构建. 中国战略报告].
- Shambaugh D. (2013). *China goes global: the partial power*. New York: Oxford University Press, 432 p.
- Su Changhe (2009). Lun Zhongguo haiwai liyi [On China's overseas interests]. *Shijie jingji yu zhengzhi [World Economy and Politics]*, 8: 13–20. (In Chinese). [苏长和. 论中国海外利益. 世界经济与政治].
- Wang Cungang (2015). Waibu zhanlue huanjing de xin tedian yu Zhongguo haiwai guojia liyi de wei hu [New characteristics of the external strategic environment and the protection of China's overseas national interests]. *Guoji guan cha [International Observation]*, 6: 26–37. (In Chinese). [王存刚. 外部战略环境的新特点与中国海外国家利益的维护. 国际观察].
- Wang Falong (2014). Zhongguo haiwai liyi wei hu lu jing yanjiu: jiyu guoji zhidu de shijiao [Research on the path of maintaining China's overseas interests: Based on the perspective of international institutions]. *Guoji zhanwang [International Outlook]*, 3: 51–67. (In Chinese). [王发龙. 中国海外利益维护路径研究: 基于国际制度的视角. 国际展望].
- Wang Falong (2014). Zhongguo haiwai liyi wei hu de xianshi kunjing yu zhanlue xuanze – jiyu fenxi zhezongzhuyi de kaocha [The real dilemma and strategic choice of the protection of China's overseas interests – an investigation based on analytical eclecticism]. *Guoji luntan [International Forum]*, 6: 30–35. (In Chinese). [王发龙. 中国海外利益维护的现实困境与战略选择—基于分析折中主义的考察. 国际论坛].
- Wang Meili, Li Yujie (2019). Zongti guojia anquan guan xia Zhongguo haiwai quanyi baozhang guoji fazhi goujian de lilun tanxi [Theoretical analysis of the construction of international rule of law for the protection of China's overseas rights under the overall national security concept]. *Guangxi shehui kexue [Guangxi Social Sciences]*, 8: 96–103. (In Chinese). [王玫黎, 李煜婕. 总体国家安全观下中国海外权益保障国际法治构建的理论析探. 广西社会科学].
- Wang Yizhou (2013). Chuangxin bu ganshe yuanze, jiada baohu haiwai liyi de lidu [Innovate the principle of non-interference and increase the efforts to protect overseas interests]. *Guoji zhengzhi yanjiu [International Political Studies]*, 34 (2): 1–5. (In Chinese). [王逸舟. 创新不干涉原则, 加大保护海外利益的力度. 国际政治研究].

- Xiao He (2018). Zhongguo haiwai liyi baohu: jiben xingshi yu tixi jianshe [Protection of China's overseas interests: the basic situation and system construction]. In: *Guoji xingshi huangpishu: quanqiu zhengzhi yu anquan baogao (2018)* [Yellow Paper on International Situation: Global Political and Security Report (2018)] / Ed. by Zhang Yuyuan, Li Dongyan, Zou Zhibo. Beijing: Shehui kexue wenshu chubanshe, pp. 182–195. (In Chinese). [肖河. 中国海外利益保护: 基本形势与体系建设. 国际形势黄皮书: 全球政治与安全报告 (2018) / 张宇燕, 李东燕, 邹治波主编].
- Xiao He (2019). Haiwai liyi baohu de guojia jian bijiao [Comparison of the protection of overseas interests among countries]. In: *Guoji xingshi huangpishu: 2019 nian quanqiu zhengzhi yu anquan baogao* [Yellow Paper on International Situation: Global Political and Security Report 2019] / Ed. by Zhang Yuyan, Li Dongyan, Zou Zhibo. Beijing: Shehui kexue wenshu chubanshe, pp. 204–219. (In Chinese). [肖河. 海外利益保护的国家间比较. 国际形势 皮书:2019 年全球政治与安全报告 / 张宇燕主编; 李东燕、邹治波副主编].
- Xiao Xi, Lang Shuai (2015). Zhongguo haiwai liyi wei hu yu kuozhan moshi goujian tanxi [On the construction of the protection of China's overseas interests and expansion model]. *Xuexi yu tansuo* [Learning and exploring], 9: 51–58. (In Chinese). [肖晞, 郎帅. 中国海外利益维护与拓展模式构建探析. 学习与探索].
- Xin Tian (2016). Zhongguo haiwai liyi baohu siyinghua chutan [A preliminary study on the privatization of the protection of China's overseas interests]. *Guoji zhanwang* [International Outlook], 8 (4): 57–75. (In Chinese). [辛田. 中国海外利益保护私营化初探. 国际展望].
- Xiu Fengyi, Wang Falong (2022). Zhongguo haiwai liyi wei hu de zhudao luoji ji qi lishi shanbian [The dominant logic of the protection of China's overseas interests and its historical evolution]. *Shijie jingji yu zhengzhi luntan* [World Economy and Politics Forum], 2: 128–144. (In Chinese). [修丰义, 王发龙. 中国海外利益维护的主导逻辑及其历史嬗变. 世界经济与政治论坛].
- Yu Jun, Cheng Chunhua (2015). *Zhongguo de haiwai liyi* [China's overseas interests]. Beijing: Renmin chubanshe, 213 p. (In Chinese). [于军, 程春华. 中国的海外利益].
- Zeng Jinghan, Xiao Yuefan, Breslin S. (2015). Securing China's core interests: the state of the debate in China. *International Affairs*, 91 (2): 245–266.
- Zhao Kejin, Li Shaojie (2015). Tansuo Zhongguo haiwai anquan zhili shichanghua [Exploring the marketization of China's overseas security governance]. *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economy and Politics], 10: 144–153. (In Chinese). [赵可金, 李少杰. 探索中国海外安全治理市场化/ 世界经济与政治].
- Zhou Jinghao (2019). China's core interests and dilemma in foreign policy practice. *Pacific Focus*, 34 (1): 31–54.

Поступила в редакцию:

08.10.2024

Received:

Oct 8, 2024

Принята к публикации:

29.10.2024

Accepted:

Oct 29, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-80-92

Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией

Корнеев Константин Анатольевич¹,
Кистанов Валерий Олегович¹

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

Аннотация. У Японии есть целый ряд существенных интересов в Арктике, которые в нынешнем виде сформировались ближе к концу 2000-х гг. Во-первых, речь идёт об использовании транспортных возможностей Северного морского пути, что потенциально может дать значительный положительный эффект для развития японской экономики не только благодаря диверсификации маршрутов поставок углеводородов, но и в качестве более короткого логистического плеча для экспорта товаров, преимущественно в страны Европы. Во-вторых, немаловажное значение имеет освоение природных богатств Арктики – для Японии как ресурсодефицитной страны участие в подобного рода проектах всегда актуально. Очевидно, что японские интересы в Арктике будут далеки от практического воплощения без взаимодействия с Россией – несмотря на серьёзное охлаждение двусторонних отношений ввиду присоединения Японии к антироссийским санкциям стран Запада в связи с проведением СВО на Украине. Сотрудничество с Россией в Арктике пока продолжается, по большей части в рамках совместной реализации энергетического проекта «Арктик СПГ-2», а также по некоторым другим направлениям.

Ключевые слова: Япония, Россия, Арктика, Северный морской путь, сотрудничество, углеводороды.

Авторы:

Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@iccaras.ru

Кистанов Валерий Олегович, кандидат экономических наук, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2377-0000. E-mail: v_kistanov@list.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2024-0016 «Япония в АТР: политика, безопасность, экономика»).

Для цитирования: Корнеев К.А., Кистанов В.О. Интересы Японии в Арктике и перспективы сотрудничества с Россией // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 80–92. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-80-92

Japan's interests in the Arctic region and prospects for cooperation with Russia

Korneev Konstantin A.¹,
Kistanov Valeriy O.¹

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Abstract. Japan has a number of specific interests in the Arctic region, which in their current form emerged near the end of the 2000s. Firstly, the authors discuss using the transport capabilities of the Northern Sea Route, which can potentially have a significant positive effect on the development of the Japanese economy not only by diversifying hydrocarbon supply routes, but also as a shorter logistics leg for the export of goods, mainly to European countries. Secondly, the exploitation of the natural resources of the Arctic is of great importance for Japan – whereas it is a resource-deficient country, participation in such projects is always relevant. It is obvious that Japanese interests in the Arctic region will be far from practical implementation without interaction with Russia, despite the serious deterioration of bilateral relations due to Japan's accession to anti-Russian sanctions imposed by Western countries in connection with the Special military operation in Ukraine. Cooperation with Russia in the Arctic region is still ongoing, mostly within the framework of the joint implementation of the Arctic LNG-2 energy project. However, there are other areas, which will also be discussed in this article.

Keywords: Japan, Russia, the Arctic region, the Northern Sea Route, cooperation, hydrocarbons.

Authors:

Korneev Konstantin A., PhD (History), Senior Researcher at the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3930-6309. E-mail: korneev@iccaras.ru

Kistanov Valeriy O., PhD (Economics), DSc (History), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2377-0000. E-mail: v_kistanov@list.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0016 “Japan in the Asia-Pacific Region: politics, security, economy”).

For citation: Korneev K.A., Kistanov V.O. (2024). Interesy Yaponii v Arktike i perspektivy sotrudnichestva s Rossiyey [Japan's interests in the Arctic region and prospects for cooperation with Russia]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 80–92. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-80-92

Введение

Арктика относится к числу наиболее удалённых регионов с очень сложными географическими, климатическими и геологическими условиями. Тем не менее значение Арктики в глобальной экономической и геополитической повестке только увеличивается. Постепенное истощение легко извлекаемых природных ресурсов, рост нестабильности на отдельных участках маршрутов, через которые в основном осуществляется морская торговля, обуславливают очередной виток интереса к богатствам и возможностям Арктики. Тенденции

таковы, что в долгосрочной перспективе (через 20 и более лет) Арктика вполне может стать одним из главных источников первичных энергоресурсов и минералов, а также системообразующим транспортным маршрутом – по сути, единственной адекватной альтернативой традиционной логистике через южные моря (Суэцкий канал, Ормузский пролив, транзит через мыс Доброй надежды).

Естественно, в Японии прекрасно осознают эти обстоятельства и факторы. Экономика страны носит экспортно-ориентированный характер, при этом Япония критически зависима от морских поставок нефти, угля и природного газа. С конца 2000-х гг. растёт экономическая конкуренция японских производителей продукции с высокой добавленной стоимостью (автомобили, электроника, различное высокотехнологичное оборудование для промышленности, энергетики и т.д.) с другими государствами Восточной Азии (Китай, Республика Корея, отдельные страны-члены АСЕАН). С точки зрения Токио, следует избегать ситуаций, которые могут негативным образом повлиять на японскую внешнюю торговлю, поскольку они в состоянии нанести огромный ущерб экономической безопасности страны. Поэтому использование Северного морского пути (СМП) – разумное решение.

Дополнительный аспект заключается в том, что в настоящее время климат Арктики постепенно меняется, площадь ледового покрова сокращается. Помимо негативного влияния на глобальные климатические условия, данный процесс имеет и некоторое формально положительное измерение – навигация через арктические моря становится проще, маршруты – разнообразнее, а ледокольная проводка не всегда обязательна. Прогнозируется, что к середине текущего века по причинам, связанным с глобальным потеплением, судоходные компании будут пользоваться арктическими маршрутами намного чаще, чем сейчас. [Киенко 2019]

Арктика для Японии – ещё и шанс укрепить своё присутствие в регионе в том смысле, что порты на о. Хоккайдо потенциально становятся отправной точкой для перемещения грузов по СМП либо же важным транзитным пунктом (пополнение запасов, бункеровка и пр.). Получается, что данные порты находятся примерно на таком расстоянии, например, от Мурманска или Архангельска, которое большинство контейнеровозов в состоянии преодолеть за 12–16 дней. Логика заключается в следующем: суда, идущие транзитом по СМП дальше, в сторону Юго-Восточной и Южной Азии, будут останавливаться в портах о. Хоккайдо, а это положительно скажется на экономике всей северной японской префектуры, приведёт к созданию новых рабочих мест и строительству инфраструктуры – в целом, окажет комплексное положительное воздействие на развитие острова.

Основные интересы Японии в Арктике

Примерно с конца 1990-х гг. Япония стала проявлять отчётливый интерес к Арктике: изучались возможности сотрудничества с арктическими государствами, формировались цели, которых можно было достичь, вовлекаясь в арктическую повестку. Постепенно это привело к тому, что в 2010 г. в структуре Министерства иностранных дел Японии появилась Арктическая целевая группа для выработки координированного подхода к арктической политике страны в таких областях, как экономика, энергетика, экология и международные правовые режимы. В 2013 г. в результате нескольких лет переговоров и дипломатических усилий Япония, Китай, Южная Корея, Индия и Сингапур получили статус постоянных

наблюдателей при Арктическом Совете, куда входят восемь государств, имеющих территории в Арктике (Канада, Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Россия, Швеция и США). В 2015 г., чтобы закрепить позиции страны при Арктическом Совете, специальный штаб по вопросам морской политики правительства Японии опубликовал первую общенациональную стратегию под названием «Арктическая политика Японии». В дальнейшем данный документ претерпел ещё несколько редакций [Грибанова, Магдалюк 2022].

Можно выделить три основных направления, определяющих национальные интересы Японии в Арктике.

1. Использование Северного морского пути как полноценной альтернативы стандартным маршрутам через южные моря. СМП примерно на 40 % короче: длина маршрута от порта Йокогама в Японии до порта Роттердам в Нидерландах через Арктику составляет 7300 морских миль, что делает путь ориентировочно на 10–12 дней быстрее, чем через Суэцкий канал, если судно движется со средней скоростью порядка 20 узлов в час [Грибанова, Магдалюк 2022].

2. Разработка месторождений полезных ископаемых на шельфе арктических морей либо в глубине территорий государств-членов Арктического совета. Речь идёт о различных форматах реализации совместных проектов в области добычи угля, нефти и природного газа, рудодобывающей промышленности (железная руда, руды цветных металлов), промышленности неметаллических полезных ископаемых (включая драгоценные камни), горнохимической промышленности (фосфориты, апатиты, сера и т.д.)¹.

3. Развитие и расширение научных коллабораций с арктическими государствами по линии междисциплинарных исследований, касающихся климатических изменений. Первоначальную институциональную базу для этого формирует Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества, подписанное 11 мая 2017 г. В рамках министерской встречи Арктического совета в Фэрбанксе (США)². Япония уделяет большое внимание научным исследованиям в арктическом регионе, которые необходимы для моделирования антропогенного воздействия на климат и прогнозирования различных экономических, экологических и социальных эффектов его изменения, как в приложении к собственной стране, так и в глобальном контексте. Очевидно, такого рода партнёрство с заинтересованными организациями в других странах заметно облегчает японским учёным процесс сбора необходимой информации и не требует размещения в суровых условиях Арктики дорогостоящего научного оборудования [Ikeshima 2016].

В долгосрочном плане Северный морской путь является для Японии вполне перспективным логистическим маршрутом не только по причине его меньшей протяжённости, но и в отношении вопросов стратегической безопасности. В настоящее время основные маршруты, с помощью которых Япония осуществляет внешнюю торговлю, проходят через акваторию Южно-Китайского моря. В этом регионе последние несколько лет нарастают риски безопасности в связи с военно-морской активизацией КНР (например,

¹ Jasmin Sinclair. Japan and the Arctic: not so Poles Apart. *JOGMEC Washington Office*, Mar 2014. URL: https://oilgas-info.jogmec.go.jp/_res/projects/default_project/_project_/pdf/5/5225/201403_039a.pdf (accessed: Sep 25, 2024).

² Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. *US Arctic Research Commission*, May 11, 2017. URL: <https://www.arctic.gov/agreement-on-enhancing-international-arctic-scientific-cooperation/> (accessed: Sep 25, 2024).

строительство искусственных островов и превращение их в свои военные форпосты) и территориальными спорами между Китаем и отдельными странами ЮВА. Кроме того, сохраняется высокая вероятность резкого обострения геополитической обстановки в регионе в связи с приобретающей всё более взрывоопасный характер тайваньской проблемой, что лишний раз подчёркивает актуальность шагов, направленных на диверсификацию японских торговых путей³.

Разведка и добыча минерально-сырьевых ресурсов Арктики напрямую входят в число важных национальных интересов Японии, что обуславливается стремлением к обеспечению энергетической безопасности и диверсификации импорта первичной энергии. Япония закупает в государствах Ближнего Востока – одного из самых нестабильных регионов мира – более 80 % нефти, поэтому Токио рассчитывает разнообразить действующие маршруты поставок углеводородов при помощи Северного морского пути, в том числе используя его как транзитную артерию – в дополнение к закупкам СПГ в России. Актуальность расширения возможностей импорта ценных полезных ископаемых усилилась после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г., после которой все АЭС были полностью остановлены на несколько лет. Не стоит сбрасывать со счетов и японский интерес к рыбным ресурсам Арктики – здесь важно ведение китобойного промысла [Дорошев 2018].

В этом ключе целесообразно упомянуть подписание в 2018 г. арктической пятёркой, а также КНР, Японией и Южной Кореей соглашения «О предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана». Соглашение предусматривало исполнение важного пункта, касающегося приарктических государств. Они соглашались не выдавать лицензии на вылов рыбы частным компаниям, пока контролирующими органами не будет собрано достаточное количество информации о наличии промысловых рыбных ресурсов и текущей экологической обстановке⁴. Китай, Япония и Сингапур также ратифицировали «Полярный кодекс» Международной морской организации, где перечислены требования и рекомендации, нацеленные на повышение безопасности международных морских перевозок и защиту окружающей среды в максимально широком смысле [Todorov 2020].

Япония добилась существенных результатов в плане научного сотрудничества с арктическими государствами. В 2016 г. Национальный институт полярных исследований Японии (NIPR) заключил соглашение о сотрудничестве с Финским метеорологическим институтом с целью совместного проведения комплексных исследований изменения климата в Арктике. Ранее, в 2014–2017 гг., Япония вместе с Финляндией реализовала несколько проектов в сфере энергетики и судоходства, включая проведение совместного семинара по вопросам энергетической политики и проблемам ядерной энергетики. Японо-канадское сотрудничество также преимущественно базируется на научно-исследовательском фундаменте. Например, в 2019 г. стороны провели научный семинар по оценке возможностей взаимодействия в арктическом регионе на территории Канадской арктической исследовательской станции. Арктический центр экологических исследований Японии по

³ Восточное измерение международной кооперации в Арктике. *Аналитический доклад НИУ ВШЭ*, 2023. URL: <https://as.arctic-russia.ru/dl/analytics/vostochnoe-izmerenie-mezhdunarodnoy-kooperatsii-v-arktike-r.pdf> (дата обращения: 30.09.2024).

⁴ Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана. *Официальный портал правовой информации*, 28.06.2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280035> (дата обращения: 01.02.2024).

соглашению с Норвежским полярным исследовательским институтом в начале 1990-х гг. построил полярную станцию на о. Шпицберген⁵.

В дополнение к вышеперечисленным факторам, подходам и направлениям, формирующим интерес Японии к арктическому региону, следует выделить ещё один неочевидный, но важный момент. Он заключается в стремлении Токио сохранить (и по возможности преумножить) статус ведущей региональной державы, способной составлять полноценную конкуренцию Китаю не только в контексте торгово-экономической повестки, но и в вопросах стратегического плана. Несомненно, присутствие в Арктике относится к списку таких вопросов.

Если смотреть на ситуацию объективно, использование СМП даже как дополнительного маршрута пока не входит в число способов как-то существенно изменить сложившуюся ситуацию в общем плане обеспечения бесперебойности и безопасности морской торговли, особенно с учётом фактических её масштабов (Япония занимает шестое место в мире по объёмам контейнерных перевозок за 2023 г.)⁶. К тому же с Арктикой не связаны никакие явные угрозы стратегической безопасности, тут достаточно просто понимать, что у Японии в принципе сложные отношения со всеми соседними государствами. Участие в освоении арктических богатств также не несёт для страны серьёзных выгод и преимуществ по сравнению с импортом природных ресурсов из других регионов мира (в основном из-за больших инвестиций в их разработку по причине сложных геологических и климатических условий, свойственных Арктике, даже без учёта барьеров политического характера).

Следует ещё раз обратить внимание на то, что продолжающуюся активность Японии в Арктике логичнее оценивать именно в свете стремления Токио подтвердить статус влиятельной державы, способной нести весомую часть ответственности за текущее состояние и будущее всего арктического региона, в котором присутствует немало уникальных экосистем и от которого сегодня зависят процессы глобального изменения климата.

Таким образом, пусть Арктика сейчас и не является приоритетом для японской внешней политики, она имеет важное перспективное значение. В рамках своей арктической стратегии Япония решает целый ряд задач национального развития, обусловленных её позициями крупной морской державы и одного из глобальных технологических лидеров. Освоение новых компетенций и создание передовых технологий с прицелом на применение в специфичных условиях Арктики в определённой мере является одним из способов «перезапустить» отдельные высокотехнологичные секторы экономики Японии⁷.

Российско-японское сотрудничество в Арктике

Российско-японское сотрудничество в Арктике в 2000–2010-е гг. достаточно активно развивалось по всем пунктам, упомянутым в предыдущем разделе. Существенное

⁵ Восточное измерение международной кооперации в Арктике. *Аналитический доклад НИУ ВШЭ*, 2023. URL: <https://as.arctic-russia.ru/dl/analytics/vostochnoe-izmerenie-mezhdunarodnoy-kooperatsii-v-arktike-r.pdf> (дата обращения: 30.09.2024).

⁶ Japan Shipping Container Industry Outlook 2024-2028 (Key Market Data and Forecasts). *Report Linker*, Jan 2024. URL: <https://www.reportlinker.com/clp/country/522774/726286> (accessed: Oct 8, 2024).

⁷ Outline of the Fourth Basic Plan on Ocean Policy. *Cabinet Office, Government of Japan Official Site*, Apr 2023. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/plan/pdf/plan04_gaiyou_e.pdf (accessed: Oct 8, 2024).

замедление этой позитивной динамики наметилось в связи с антироссийским курсом Токио в отношении СВО России на Украине. Однако, как показывает практика, Япония всё же рассчитывает на продолжение кооперации с Россией в освоении Арктики. Перспектива круглогодичной навигации по СМП явно увеличивает экономическое и геополитическое значение четырёх южно-курильских островов, на которые претендует Япония (возможность строительства портовой инфраструктуры, в основном перевалочных терминалов и др.). Кроме того, Япония стремится не допустить чрезмерного сближения Москвы и Пекина, тем самым пытаясь противостоять расширению политики Китая в арктическом регионе [Журавель 2016].

Что касается конкретных шагов Японии по использованию логистических возможностей Северного морского пути, то ситуация не столь очевидна. Несмотря на декларируемый интерес, японское правительство не особо спешит с практической реализацией проектов контейнерных перевозок по СМП. Для этого имеются три весомые причины.

1. Непростые погодные условия и ледовая ситуация, особенно зимой: фактическая скорость движения судов даже при наличии ледокольной проводки (а без неё маршрут вообще невозможно преодолеть) падает ниже 10 узлов, что делает перевозки нерентабельными.

2. Ограничения по причине рельефа дна. Чтобы попасть в арктический бассейн из Тихого океана, корабли пересекают неглубокий Берингов пролив (средняя глубина фарватера около 36 м) [Киенко 2018], а это усложняет задачу прохода крупногабаритных судов.

3. Экологические аспекты – в случае техногенных аварий, вероятность которых велика, большие суда могут нанести огромный ущерб хрупкой экологии Арктики [Стрельцов 2021].

Тем не менее, в перспективе порты о. Хоккайдо (о чём уже упоминалось во введении) могут стать базой для снабжения судов, передвигающихся по Северному морскому пути. Активизация перевозок грузов различного назначения неизбежным образом приведёт к необходимости создания общего регламента, регулирующего навигацию в регионе во избежание экологических проблем – причём разработка подобного регламента может сильно затянуться, поскольку потребует большого количества согласований и разрешения действующих противоречий с российской стороной. Достаточно остро встанет и вопрос тарифного регулирования на российских участках СМП. В настоящее время Россия является монополистом и устанавливает такую тарифную сетку, которую считает целесообразной. Поэтому в Японии негативно оценивают ситуацию с тарифными сборами, делая акцент на том, что их величина снижает экономическую оправданность использования СМП [Стрельцов 2021].

В последние годы Япония стала проявлять готовность принимать участие в различных проектах по разработке месторождений природных ресурсов в рамках российско-японского сотрудничества в Арктике. В 2021 г. Токио сформулировал концепцию сотрудничества на Дальнем Востоке и в Арктике с целью укрепления и расширения торгово-экономических отношений России и Японии в области энергетики, морского транспорта, рыбопереработки, а также развития портовой инфраструктуры. По этим предложениям проводились консультации на министерском уровне, но какого-либо общего видения достичь не удалось,

поскольку в первой половине 2022 г. все двусторонние контакты по данному направлению были приостановлены на неопределённый срок⁸.

В практическом выражении российско-японское взаимодействие в Арктике сегодня ограничено энергетикой – речь идёт о реализации газовых проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2». В первом проекте японские компании не входят в число инвесторов, однако с 2019 г. Япония закупает небольшие объёмы газа (порядка 1 млн т ежегодно), сжижаемого на мощностях «Ямал СПГ», в рамках долгосрочных контрактов. «Ямал СПГ» – это совместное предприятие, созданное ещё в 2005 г., в структуре которого ПАО «Новатэк» принадлежит самая крупная доля 50,1 %, французской компании Total – 20 %, Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) – 20 % и Фонду Шёлкового пути – 9,9 % [Вылегжанин, Киенко 2021].

В 2019 г. японский консорциум в лице компаний Mitsui & Co и JOGMEC приобрёл 10 % доли ещё в одном проекте «Новатэка» – «Арктик СПГ-2». Инвестиции японских компаний на старте составили 3 млрд долл., а заключённое соглашение предусматривало закупки СПГ в объёме 2 млн т ежегодно, начиная с 2024 г. Другие участники, задействованные в проекте, – это Китайская национальная нефтегазовая корпорация (10 %) и Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (10 %) [Корнеев 2022]. Пока не объявляла об официальном выходе из проекта и французская Total (те же 10 %) – согласно официальному заявлению компании, она будет продолжать закупки газа до тех пор, пока не введут санкции на поставки российского СПГ⁹.

В настоящий момент единственный возможный маршрут для поставок СПГ в Японию с проектов «Ямал-СПГ» и «Арктик СПГ-2» – это Северный морской путь. Для этого требуются специализированные ледовые танкеры класса Arc7. Другие типы без ледокольной проводки использовать невозможно, особенно в зимний период. До 2022 г. «Ямал СПГ» обслуживали 15 таких танкеров, из них 4 находились в собственности японской судоходной компании Mitsui O.S.K. Lines (MOL). Планировалось, что для доставки природного газа с проекта «Арктик СПГ-2» Япония построит ещё 3 танкера данного класса на верфях южнокорейской компании Hanwha Ocean Co. Но в 2022 г., в результате введения антироссийских санкций, процесс их производства застопорился, во многом потому, что санкции накладывались и на доставку СПГ по Северному морскому пути. Ещё один негативный эффект санкций проявился в том, что теперь международные страховые компании отказываются страховать суда, перевозящие энергоресурсы из России. Японская Mitsui O.S.K. Lines уже оплатила 850 млн долл. согласно контракту и сегодня рассматривает варианты или продажи недостроенных танкеров другим операторам, или же их использования для формирования резервного тоннажа (порядка 1 млн т/год) под фрахтование партнёрами по проекту¹⁰.

Помимо крупных проектов «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», обсуждалась реализация и ряда других инициатив. Например, в 2013 г. японская корпорация Inpex проводила

⁸ Япония предложила России новую концепцию сотрудничества в Арктике и на Дальнем Востоке. *ТАСС*, 20.01.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10504149> (дата обращения: 07.10.2024).

⁹ TotalEnergies объявит форс-мажор по «Ямал СПГ», если ЕС введёт санкции на СПГ из России. *ТАСС*, 26.04.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20662807> (дата обращения: 08.10.2024).

¹⁰ Газовозы для «Арктик СПГ-2»: успеем ли вовремя. *Корабел*, 03.07.2024. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/gazovozy_dlya_arktik_spg-2_uspeem_li_vovremya.html (дата обращения: 08.10.2024).

консультации с ПАО «Роснефть» по вопросам возможной подготовки технико-экономического обоснования для поэтапной разработки двух месторождений нефти на российском арктическом шельфе. Согласно договору, в случае принятия окончательного инвестиционного решения об осуществлении этих проектов японские компании брали на себя обязательства по поставкам высокотехнологичного оборудования и материалов, необходимых для освоения этих месторождений, таким образом получая статус «якорных» технологических партнёров. Дополнительно рассматривались и варианты создания совместного предприятия с японскими компаниями-представителями кораблестроительной отрасли на базе российского производственного комплекса «Звезда». Кроме того, велись переговоры также и о закупках японского оборудования для сооружения объектов автономной генерации на территориях российского Крайнего Севера [Журавель 2016]. Однако все эти инициативы так и остались на бумаге.

В целом, понимая растущую перспективность арктического маршрута, правительство Японии всерьёз намерено ускорить строительство собственного ледокольного флота. В 2021 г. было принято важное решение о закладке нового исследовательского ледокола. Согласно последней имеющейся информации о проекте, на ледокол монтируется двигательная установка, работающая на СПГ и позволяющая преодолевать лёд толщиной 1,2 м. Приоритетные задачи для ледокола имеют исследовательский характер: в частности, планируется изучение процессов таяния ледников и эволюции экосистем арктических морей¹¹. По состоянию на 2024 г. данное судно всё ещё находится в стадии строительства, окончание которого предполагается в 2026 г.¹². Следует отметить, что характеристики этого ледокола (автономность, лёдопроходимость и пр.) серьёзно уступают характеристикам действующих российских атомных ледоколов, не говоря уже о судах проекта «Лидер», для которых разрабатывается ядерная силовая установка мощностью 120 МВт. Перспективные российские ледоколы будут иметь запас автономности плавания до 8 месяцев и способность преодолевать льды толщиной до 4,3 м. Головное судно проекта спустят на воду ориентировочно в 2028 г.¹³.

Ещё одно немаловажное направление сотрудничества Японии с Россией в Арктике – научно-исследовательское. При помощи России японские НИИ ведут мониторинг распределения льдов в бассейнах арктических морей, причём в 2010-е гг. даже обсуждался совместный проект по созданию беспилотного подводного научно-исследовательского судна (батискафа), поскольку для организации безопасной проводки кораблей, особенно в сложной ледовой обстановке, надводных инструментов наблюдений не всегда достаточно. Наблюдения на глубине позволяют дать больше информации, включая данные о толщине льда и расположении подводных торосов, силе течений, уровне солёности воды.

Изучение арктических льдов важно ещё и потому, что изменения, которым они подвергаются, красноречиво говорят о динамике изменения климата в регионе и состоянии экосистем. В результате глобального потепления постепенно тают льды, заметно увеличивается их подвижность, что ведёт к образованию мигрирующих зон, наслоений,

¹¹ Japan to Get LNG-fueled Icebreaker for Arctic research. *Offshore Energy Materials*, May 14, 2021. URL: <https://www.offshore-energy.biz/japan-to-get-lng-fueled-icebreaker-for-arctic-research/> (accessed: Oct 9, 2024).

¹² Japan's First Arctic Research Vessel to Probe Secrets of Ice Cap. *The Asahi Shimbun Newspaper*, May 20, 2024. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/15255832> (accessed: Oct 9, 2024).

¹³ Лидер (проект ледокола 10510). Портал «Атомная энергия 2.0». URL: <https://www.atomic-energy.ru/Lider> (дата обращения: 10.10.2024).

трещин, торосов, к появлению различных ветро-волновых возмущений. Эти факторы обуславливают дополнительные риски для судоходства в арктических морях и требуют всесторонней оценки для подготовки нескольких сценариев дальнейшей эволюции ледового покрова.

Российско-японские исследования подобного формата в 2010-е гг. вполне продуктивно велись на базе научно-исследовательской станции «Спасская Падь», Института биологических проблем Севера (ИБПС) ДВО РАН, полярной станции «Мыс Баранова» на о. Большевик, а также Арктического и антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ) [Преодолевая холод 2017]. К сожалению, многие исследования в настоящий момент приостановлены на неопределённый срок.

В завершение раздела следует упомянуть, что, по большому счёту, вопросы сотрудничества Японии и России в Арктике не имеют прямой связи с нынешним геополитическим контекстом, включая присоединение Японии к антироссийским санкциям. Как показывает проведённый анализ, и до резкого ухудшения японо-российских отношений в 2022 г. арктическое направление в рамках двусторонней повестки не обладало первостепенным значением ввиду отсутствия у японской стороны прямых (жизненно важных) интересов в этом регионе, а также неочевидных выгод для Токио в плане развития различной инфраструктуры (транспортной, добывающей, научной), которая в подавляющем большинстве случаев будет располагаться на территории России – страны, с которой как минимум присутствует территориальный спор (с точки зрения Японии). Исключение – проект «Арктик СПГ-2», но, как показала практика, из-за санкций японские компании несут больше убытков, чем получают СПГ по факту.

Тем не менее, рассматривая российско-японское сотрудничество в Арктике в долгосрочной перспективе, ясно, что японские интересы в этом регионе вряд ли могут быть реализованы в полной мере без взаимодействия с Россией. Контроль над большей частью арктических территорий принадлежит именно России; кроме того, именно наша страна обладает крупнейшим в мире атомным ледокольным флотом, способным осуществлять навигацию в сложнейших условиях Арктики. У России накоплен огромный опыт строительства и эксплуатации полярных станций, где собираются ценнейшие научные данные о природе и климате Арктики. Поэтому не стоит исключать того, что на дистанции ближайших 10–15 лет в российско-японском сотрудничестве наступит «потепление» и взаимодействие в Арктике вновь начнёт набирать обороты. Однако многое будет зависеть и от японских внутриэкономических аспектов, например, насколько для Японии будет целесообразно вкладываться в совместные с Россией арктические проекты – в целом сколько-нибудь взвешенный прогноз сделать затруднительно.

Трактовка Японией международно-правового статуса Арктики

Следует отметить, что на современном этапе Арктика не имеет чёткого международно-правового статуса, деятельность в данном регионе формально регулируется международными конвенциями общего характера, наподобие Конвенции ООН по морскому праву и Соглашения о сохранении белых медведей. На этом фоне идут активные дискуссии и споры касательно режима арктической территории, и на приоритетные условия

претендуют все пять приарктических государств. Сегодня магистральными являются два подхода к оценке статуса арктического региона.

В рамках первого подхода весь регион предполагается рассматривать как неотъемлемую, но специфическую в силу климато-географических условий часть территории арктической пятёрки. Подобная позиция базируется на восприятии Северного Ледовитого океана как весьма специфического, отличного от других, открытого пространства, имеющего твёрдую (ледяную) поверхность, и в то же время акватории. Вторым подходом выражается в том, что, опираясь на сложившийся исторический опыт, отдельные страны заявляют о своих преимуществах в отношении этой территории¹⁴. О таких преимуществах периодически напоминает Канада, акцентируя внимание на том факте, что в Арктике проживает более 100 тыс. местных жителей. Кроме того, о наличии ряда преимуществ схожего свойства заявляет и Россия [Бибенев 2023].

Но есть и третья позиция, которой чаще всего придерживаются страны-наблюдатели при Арктическом совете, включая Японию, и основным камнем преткновения здесь является иное видение системы взаимодействия в Арктике. Япония неоднократно поднимала вопрос о разработке и согласовании такого международно-правового статуса Арктики, при котором декларировался бы равный доступ всех стран к арктическим ресурсам, поскольку они составляют часть общего наследия человечества.

В продвижении данной идеи Токио опирается на поддержку США (входят в состав пятёрки, но их арктическая зона ограничена Аляской и невелика) и Европейского союза, заинтересованных в разработке месторождений нефти и природного газа на арктическом шельфе – довольно сложной задаче, однозначно требующей создания межгосударственных консорциумов и привлечения передовых технологий. Это же касается и СМП – то есть использование трансарктического маршрута должно быть общедоступным в рамках международных соглашений, а не зависеть от желания стран, занимающих арктические территории¹⁵.

С другой стороны, Россия и Канада рассчитывают сохранить за собой монопольные позиции в Арктике и не готовы рассматривать предложения «поделиться» территориями либо реализовывать варианты совместного их использования. Таким образом, для определения понятного статуса Арктики нужна разработка комплекса нормативно-правовых документов, затрагивающих длинный перечень проблем и вопросов, включая геологоразведку, добычу природных ресурсов, судоходство, экологические и климатические аспекты, сохранение традиционных экосистем и поддержку коренных народов Севера. Очевидно, что в реалиях текущей геополитической обстановки такого рода переговоры вряд ли осуществимы, поэтому трактовки международно-правового статуса Арктики в среднесрочной перспективе, вероятно, не выйдут за рамки деклараций, заявлений и намерений.

¹⁴ Calvin Heng, Eyck Freymann. Outsiders Wanting In: Asian States and Arctic Governance. *Belfer Center for Science and International Affairs*, Jul 7, 2023. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/outside-wanting-asian-states-and-arctic-governance> (accessed: Oct 12, 2024).

¹⁵ Vylegzhanin A.N., Berkman P.A., Zhuravleva I.P., Soloveva A.V. Cooperation and Competition of States in the Arctic: Potential of International Law and Science Diplomacy. *MGIMO University Research and Report*, 2021. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/6f8/5q47290gsdktd2djh6lnkrlq40j3gwj8/cooperation-and-competition-of-states-in-the-arctic.pdf> (accessed: Oct 14, 2024).

Заключение

Таким образом, ключевые интересы Японии в арктическом регионе стабильны и базируются на потребности национальной экономики в природных ресурсах, безопасных маршрутах перевозки товаров, экспорте японских технологий. В области российско-японского сотрудничества в Арктике участие Японии в проектах по добыче и импорту СПГ, развитию и модернизации инфраструктуры СМП является наиболее перспективным полем двустороннего взаимодействия. Кроме того, сохраняется возможность взаимодействия по линии научно-исследовательских институтов. Интересы японских учёных в российской Арктике лежат в плоскости анализа климатических изменений, поскольку Япония на государственном уровне поддерживает проведение подобных исследований, так как они полезны для оценки антропогенного воздействия на климат и долгосрочное прогнозирование тенденций его изменения.

В контексте российско-японского взаимодействия в Арктике можно прогнозировать сохранение кооперации по ряду научно-исследовательских тем. Но всё же в среднесрочной перспективе приоритетным для России будет расширение сотрудничества в Арктике с Китаем и другими партнёрами, преимущественно из числа членов БРИКС и ШОС, что укладывается в русло формирующейся новой геополитической реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бибенов А.Г.* Современный международно-правовой режим Арктики // Транспортное право и безопасность. 2023. № 2 (46). С. 66–74. *Вылегжанин А.Н., Киенко Е.В.* Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 2. С. 296–318. DOI 10.21638/spbu14.2021.204
- Вылегжанин А.Н., Киенко Е.В.* Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 2. С. 296–318. DOI 10.21638/spbu14.2021.204
- Грибанова Г.И., Магдалюк А.В.* Арктическая стратегия Японии и национальные интересы России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 2. С. 148–157. DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-148-157
- Дорошев А.Ю.* Арктическая политика Японии: достижения, вызовы и перспективы дальнейшего продвижения // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 3. С. 154–162. DOI 10.24866/1998-6785/2018-2/154-162
- Журавель В.П.* Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112–144. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112
- Киенко Е.В.* Международно-правовая позиция КНР отношении режима Северного Ледовитого океана : специальность 12.00.10 "Международное право; Европейское право" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Киенко Елена Викторовна. – Москва, 2019. – 187 с. – EDN BEWFYU.
- Корнеев К.А.* Институты российско-японского экономического сотрудничества // Ежегодник Японии. 2022. Т. 51. С. 97–122. DOI 10.55105/2687-1440-2022-51-97-121
- Преодолевая холод. Интересы и политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России / под ред. В.Л. Ларина и С.К. Песцова. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 400 с. ISBN 978-5-9906119-6-2
- Стрельцов Д.В.* Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126. DOI 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126

REFERENCES

- Bebenov A.G. (2023). Sovremennyy mezhdunarodno-pravovoy rezhim Arktiki [Modern international legal regime of the Arctic]. *Transportnoye pravo i bezopasnost'* [Transport law and safety], 2 (46): 66–74. (In Russian).
- Doroshev A.Yu. (2018). Arkticheskaya politika Yaponii: dostizheniya, vyzovy i perspektivy dal'neyshego prodvizheniya [Japan's Arctic policy: achievements, challenges and prospects for further advancement]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* [Oykumena. Regional Researches], 3: 154–162. (In Russian). DOI 10.24866/1998-6785/2018-2/154-162
- Gribanova G.I., Magdalyuk A.V. (2022). Arkticheskaya strategiya Yaponii i natsional'nyye interesy Rossii [Arctic strategy of Japan and Russian national interests]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics], 16 (2): 148–157. (In Russian). DOI 10.22394/2073-2929-2022-02-148-157
- Kienko E.V. (2019). Mejdunarodno-pravovaya pozitsiya KNR v otnoshenii rejima Severnogo Ledovitogo okeana [International legal status of the People's Republic of China on the regime of the Arctic Ocean]. Candidate's thesis. Moscow, 2019. 187 p. (In Russian).
- Korneev K.A. (2022). Instituty rossiysko-yaponskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [Institutions of Russian-Japanese economic cooperation]. *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 51: 97–122. (In Russian). DOI 10.55105/2687-1440-2022-51-97-121
- Preodolevaya holod. Interesy i politika stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v Arktike: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii* [Breaking the cold. Interests and policies of the Asia-Pacific countries in the Arctic: challenges and prospects for Russia] (2017) / ed. by Larin V.L., Pestsov S.K. Vladivostok: IHAЕ FEB RAS, 400 p. (In Russian). ISBN 978-5-9906119-6-2
- Strel'tsov D.V. (2021). Rossiyskoye napravleniye politiki Yaponii v Arktike [The Russian vector of Japan's policy in the Arctic]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2: 110–126. (In Russian). DOI 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126
- Vylegzhanin A.N., Kienko E.V. (2021). Konsul'tativnyye soveshchaniya nearkticheskikh gosudarstv po statusu Arktiki [Consultative meetings of non-Arctic states on the status of the Arctic]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Law], 2: 296–318. (In Russian). DOI 10.21638/spbu14.2021.204
- Zhuravel' V.P. (2016). Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. *Arktika i Sever* [Arctic and the North], 24: 112–144. (In Russian). DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112
- * * *
- Ikeshima T. (2016). Japan's Role as an Asian Observer State Within and Outside the Arctic Council's Framework. *Polar Science*, 10 (3): 458–462. DOI 10.1016/j.polar.2016.07.006
- Todorov A. (2020). Coping with Deficiencies in the Polar Code: a Russian Perspective. *The Polar Journal*, 10 (2): 322–333. DOI 10.1080/2154896X.2020.1799615

Поступила в редакцию:

17.10.2024

Received:

Oct 17, 2024

Принята к публикации:

18.11.2024

Accepted:

Nov 18, 2024

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-93-104

Хакатон как полигон для создания цифровых инструментов в отечественном востоковедении

Кудакаев Родион Фидельевич¹,
Мокрецкий Александр Чеславович¹
Костыркин Александр Вячеславович²

¹ Институт Китая и современной Азии РАН

² Институт востоковедения РАН

Аннотация. При формировании нового технологического уклада и мирового соперничества за лидерство в цифровом пространстве внимание специалистов смещается в сторону роста политического, экономического и научно-технического влияния стран Востока, что предъявляет новые требования к исследовательским методикам и инструментам. Статья резюмирует опыт расширения академического научно-поискового процесса за счёт конкурсной формы подключения молодых IT-специалистов к востоковедческой проблематике. В рамках двухнедельного конкурса «Хакатон», организованного Yandex Cloud, Napoleon IT и AI Talent Hub с участием специалистов Института востоковедения и Института Китая и современной Азии РАН, была поставлена задача реализовать чат-бот с использованием генеративных моделей и машинного перевода для анализа новостных потоков в информационном пространстве стран Восточной Азии, прежде всего КНР и Японии. Обзор подходов и решений команд-финалистов вместе с принципиальной реализуемостью проекта показывает, что множество частных лингвистических и инженерных задач, актуальных ещё недавно, уже решены с достаточным качеством, и при планировании и разработке цифровых инструментов нового поколения необходимо переходить к функционально-смысловым блокам более высокого и приближенного к человеку уровня обобщения.

Ключевые слова: востоковедение, генеративные модели, научно-техническое развитие, большие языковые модели, машинный перевод.

Авторы:

Кудакаев Родион Фидельевич, младший научный сотрудник, Центр политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2054-8287. E-mail: rfkudakaev@gmail.com

Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник, Центр «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Костыркин Александр Вячеславович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых исследований современного Востока, Институт востоковедения РАН (адрес: 117977, Москва, Рождественка, 12). ORCID: 0009-0002-8167-1529. E-mail: kost@ivran.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственных заданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FMSF-2024-0020 «Государственное и правовое строительство в КНР»; тема № FMSF-2024-0019 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие России и КНР в политической, экономической и других практических областях, в том числе в многосторонних форматах (БРИКС, ШОС, РИК)»; тема № FMNN-2024-0001 «Лаборатория цифровых исследований современного Востока»).

Для цитирования: Кудакеев Р.Ф., Мокрецкий А.Ч., Костыркин А.В. Хакатон как полигон для создания цифровых инструментов в отечественном востоковедении // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 93–104. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-93-104

Hackathon as a testing ground for creating digital tools in domestic Oriental studies

Kudakaev Rodion F.¹,
Mokretskiy Aleksandr Ch.¹,
Kostyrkin Aleksandr V.²

¹ Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract. With the formation of a new technological paradigm and global competition for leadership in the digital space, the attention of experts is shifting towards the growth of political, economic and R&D influence of Eastern countries, which imposes new demands on research methods and tools. The article summarizes the experience of enhancing the academic research process through involving young IT professionals in the Oriental studies in competitive mode. During two weeks of the “Hackathon” contest organized by Yandex Cloud, Napoleon IT and AI Talent Hub in collaboration with the experts from the Institute on Oriental Studies and the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, contestants were challenged to develop a chat bot employing generative models and machine translation to analyze news flows of East Asian countries, primarily China and Japan. A review of the winners’ approaches and solutions proves overall feasibility of the idea and shows that many specific linguistic and engineering tasks that were relevant only recently have already been successfully solved. Therefore, when planning and developing next-generation digital tools, it is necessary to operate at functionally and semantically higher levels of generalization closer to human reasoning.

Keywords: Oriental studies, generative models, research & development, large language models, machine translation.

Authors:

Kudakaev Rodion F., Junior Researcher, Center for Political Studies and Forecasting, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2054-8287. E-mail: rfkudakaev@gmail.com

Mokretskiy Aleksandr Ch., Senior Researcher, Center for “Russia, China, World” Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Kostyrkin Aleksandr V., Ph.D. (Philology), Senior Researcher, Laboratory of Digital Studies of the Modern East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka, Moscow, 117977, Russian Federation). ORCID: 0009-0002-8167-1529. E-mail: kost@ivran.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Support. The article was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2024-0020 "State and legal construction in the PRC"; project No. FMSF-2024-0019 "The modern foreign policy of the People's Republic of China and cooperation between Russia and the People's Republic of China in political, economic and other practical fields, including in multilateral formats (BRICS, SCO, RIC)"; project No. FMNN-2024-0001 "Digital Research Laboratory of Contemporary East IOS RAS").

For citation: Kudakaev R.F., Mokretskiy A.Ch., Kostyrkin A.V. Khakaton kak poligon dlya sozdaniya tsifrovyykh instrumentov v otechestvennom vostokovedenii [Hackathon as a testing ground for creating digital tools in domestic Oriental studies]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 93–104. (In Russian). DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-93-104

Достижение суверенитета в научно-технической сфере является первоочередной задачей ведущих держав мира. Процесс цифровизации затрагивает все направления развития современного общества, включая обороноспособность и экономику, что находит своё отражение в доктринальных документах государств. В мае 2023 г. правительством России была утверждена Концепция технологического развития до 2030 г., согласно которой «к концу третьего десятилетия XXI в. Россия должна обладать собственной научной, кадровой и технологической базой критических и сквозных технологий»¹. Концепция предусматривает вовлечение молодёжи в технологические проекты путём организации акселераторов, стартап-студий и кейсчемпионатов по решению практических научных и технологических задач².

Китай, как и Россия, придаёт большое значение научно-техническому развитию: например, в материалах 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва – ключевого события внутривнутриполитической жизни КНР в 2024 г. – оно названо «стратегической опорой в осуществлении китайской модернизации» [Виноградов 2024: 13]. Если с начала политики «реформ и открытости» Китай развивался в благоприятных условиях, характеризовавшихся позитивной внутренней и внешней конъюнктурой, то начиная с «новой эпохи» (термин, закреплённый в документах XIX съезда КПК в 2017 г.) КНР последовательно сталкивается с новыми вызовами: активным этапом «торговой войны» с США, последствиями COVID-19 и т.д. В этих условиях руководство страны решилось на смену экономической модели, основой которой выступает применение инновационных технологий и подготовка нового поколения специалистов.

В это же время ключевой целью научно-технической политики США является сохранение лидирующих позиций, учитывая возрастающую конкуренцию со стороны КНР и РФ³. Соединённые Штаты первыми вступили на путь становления технологической державы: ещё при президенте Ф.Д. Рузвельте начали создаваться «уникальные аналоговые компьютеры и новые бизнес-модели» [Юдина, Линдун 2024: 118].

Несмотря на возрастающую роль негосударственных акторов – крупных технологических компаний, транснациональных объединений и т.д. – «только государство способно обеспечить концентрацию инвестиций и ресурсов на приоритетных направлениях научно-технического развития» [Виноградов 2024: 13].

¹ Правительство утвердило Концепцию технологического развития до 2030 года. *Правительство России*, 25.05.2024. URL: <http://government.ru/news/48570/> (дата обращения: 30.08.2024).

² Там же.

³ Толстухина А. Технологическая политика США в условиях соперничества с Китаем. *РСМД*, 30.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tekhnologicheskaya-politika-ssha-v-usloviyakh-sopernichestva-s-kitaem/> (дата обращения: 30.09.2024).

Новый технологический уклад

Человечество вступает в новый этап развития промышленности, характеризующийся слиянием технологий и размытием границ между физической, цифровой и биологической сферами. Одним из ключевых направлений НТР является искусственный интеллект (ИИ), что в полной мере подтверждают последние достижения в этой области, а именно генеративный ИИ – передовая нейросетевая технология на основе больших языковых моделей, прошедших глубокое машинное обучение и способных проводить семантический анализ имеющихся данных и создавать новые данные (текст, изображения, видео и т.д.)⁴ [Кудакаев 2024: 184]. Основным конкурентным преимуществом становится создание и использование интеллектуального капитала – знаний, навыков и компетенций людей, а также нематериальных активов (патентов, авторских прав, баз данных) – маркера постиндустриальной эпохи.

Учитывая возросшие объёмы информации и появление её новых видов, в научной сфере выдвигаются особые требования к инструментам сбора, хранения, обработки и поиска данных. Основой инструментария современного исследователя являются сайты-агрегаторы новостей (Информационный ресурс по Китаю: <https://1hut.ru>)⁵ [Кудакаев 2024: 190], электронные библиотеки (РГБ, КиберЛенинка), а также электронные библиографические и реферативные базы научных публикаций (Scopus, eLibrary, CNKI) [Цифровая трансформация: ожидания и реальность 2022: 144]. Их дополняют аналитические наукометрические онлайн-сервисы, например InCites и SciVal, позволяющие визуализировать, анализировать и экспортировать запрашиваемые данные⁶. Среди иных исследовательских инструментов можно выделить цифровые репозитории (Social Science Research Network), патентные базы (China Patents), облачные платформы (Amazon Web Services, Google Cloud Platform) и т.д. Однако большинство подобных ресурсов реализуется по подписочной модели, что требует от пользователей как больших финансовых затрат, так и прохождения обучения для использования платформ, включая подготовку команды технических специалистов. Очевидно, что для многих исследователей, особенно молодых учёных, работающих вне сложившихся исследовательских коллективов и пока не участвующих в грантовой деятельности, применение некоторых из перечисленных инструментов на постоянной основе не представляется возможным.

Другой преградой на пути исследователя может стать языковой барьер. В мировой науке растёт влияние незападных стран, и чтобы быть в курсе мировых научно-технических достижений, сегодня необходимо работать с источниками на восточных языках. По данным японского Центра стратегии исследований и разработок (研究開発戦略センター), по расходам на НИОКР в числе мировых лидеров из восточных стран (как по абсолютным числам, так и по доле от ВВП) находятся КНР, Япония и Корея, причём названные показатели стабильно растут на протяжении последних 20 лет, а доля

⁴ Тема подробно освещена в докладе директора проектов Департамента стратегии и развития ПАО «Сбербанк» В.А. Лемутова «Генеративный искусственный интеллект в КНР: текущее состояние и перспективы развития».

⁵ Описание ресурса представлено в докладе ведущего специалиста ЦИСК ИВ РАН Е.А. Спиридонова.

⁶ Савина Т.Ф., Стерлигов И.А. InCites vs SciVal: сравниваем продвинутые наукометрические пакеты из подписки НИУ ВШЭ. *Окна роста*, 29.09.2016. URL: <https://okna.hse.ru/news/191799062.html> (дата обращения: 12.07.2024).

исследователей от общего населения в РК и КНР за это время показала кратный рост⁷. В частности, в 2023 г. КНР увеличила финансирование НИОКР до 2,65 % ВВП, в том же году в стране насчитывалось 37,8 млн студентов, 3,9 млн аспирантов [Островский 2024: 78–79]. Усилия, предпринятые руководством КНР, выражаются в завоевании лидирующих позиций по таким показателям, как количество научных публикаций в области естественных наук⁸, количество заявок на патенты (по данным на 2024 г. оно составило 74 тыс.) [Островский 2024: 78–79], количество произведённых высокотехнологичных продуктов (например, 351,4 млрд интегральных схем)⁹.

Освоение иероглифических языков до уровня чтения общественно-политических и академических текстов требует продолжительного обучения. Однако развитие технологий позволяет сократить путь по крайней мере на уровне поиска и первичного анализа информации. Интересный опыт был получен в этом направлении на стыке востоковедческой проблематики и IT-технологий.

4-й Хакатон (AI Product Hackathon)

С 31 мая по 16 июня 2024 г. прошёл 4-й Хакатон (AI Product Hackathon). Это конкурс для разработчиков программного обеспечения, программистов, дизайнеров, менеджеров и других IT-специалистов, во время которого команды решают представленные «кейсодателями» бизнес-задачи с использованием AI-технологий. Организаторами выступили Yandex Cloud, Napoleon IT и AI Talent Hub.

Каждый из четырёх партнёров Хакатона – Лемана ПРО (Леруа Мерлен), Ситилинк, Институт востоковедения РАН, Группа НЛМК – предоставили участникам темы своих проектов, которые предлагалось воплотить в жизнь с помощью генеративной модели YandexGPT или других аналогичных решений машинного обучения (Machine Learning). В течение двух недель 65 команд из 20 регионов России и стран СНГ соревновались в четырёх выбранных направлениях. В итоге 28 команд смогли представить свои решения экспертам, пройдя 26 часов консультаций, QA-сессии (период «вопросов и ответов») и промежуточные этапы проверки работы.

ИБ РАН поставил задачу создать русскоговорящий чат-бот для анализа СМИ на китайском и японском языках – систему с использованием генеративных моделей, в том числе машинного перевода, для анализа новостных сообщений в информационном пространстве стран Восточной Азии, прежде всего КНР и Японии. При этом были оговорены основные условия: запросы принимаются на русском языке, ответы или цепочки логических выводов также выдаются на русском языке; каждый факт или утверждение, предоставляемые в ответе, должны сопровождаться ссылками на источники; модель должна дообучаться, учитывая ежедневно динамически поступающие сообщения, и отвечать с учётом самых последних новостей. Для эксперимента участникам были предоставлены японский и китайский новостные датасеты объёмом 1,7 млн сообщений каждый.

⁷ 研究開発の俯瞰報告書 論文・特許データから見る研究開発動向 (2024 年) [Обзорный отчёт о развитии исследований за 2024 г. Исследовательские бюджеты и число исследователей]. *Center for Research and Development Strategy*, 21.06.2024. URL: https://www.jst.go.jp/crds/pdf/2024/FR/CRDS-FY2024-FR-01/CRDS-FY2024-FR-01_10000.pdf (accessed: 14.07.2024). (На яп.).

⁸ Китай впервые опередил США по количеству научных публикаций. *TASS*, 20.09.2023. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/18797069> (дата обращения: 14.07.2024).

⁹ Там же.

В состав экспертов, помимо технических специалистов от организаторов Хакатона, вошли авторы данной статьи.

Победителем стала команда `backpropagation.ai`, использовавшая в своём решении схему Retrieval Augmented Generation, которая позволяет по запросу пользователя найти необходимые документы по предварительно сформированной из новостных сообщений векторной базе данных, после чего передаёт исходный пользовательский запрос в сочетании с найденными сообщениями в виде специального «промпта» на вход генеративной модели для составления резюмированного ответа. Эти и идейно близкие решения других финалистов могут быть масштабированы для включения других восточных языков и расширения экспериментального датасета потоковыми онлайн-данными.

Ниже подробнее представим проекты пяти финалистов в кейсе № 2 (ИБ РАН) по созданию чат-бота для анализа японских и/или китайских СМИ.

backpropagation.ai

Правильно поняв поставленную проблему и текущие задачи, команда предложила четырёхэтапный процесс разработки проекта: загрузку и очистку данных, фрагментарное дообучение на материале новостных текстов и запросов большой языковой (LLM) модели (fine-tuning), разработку интерфейса чат-бота в социальной сети Telegram и динамическое обновление данных и модели (рис. 1). Для парсинга¹⁰ и перевода поступающих данных были использованы следующие технологии: библиотека BeautifulSoup для парсинга исходных HTML текстов и извлечения из них содержимого новостных сообщений, Clickhouse Connect для записи извлечённых сообщений в базу данных и Yandex Translate API для их перевода на русский.

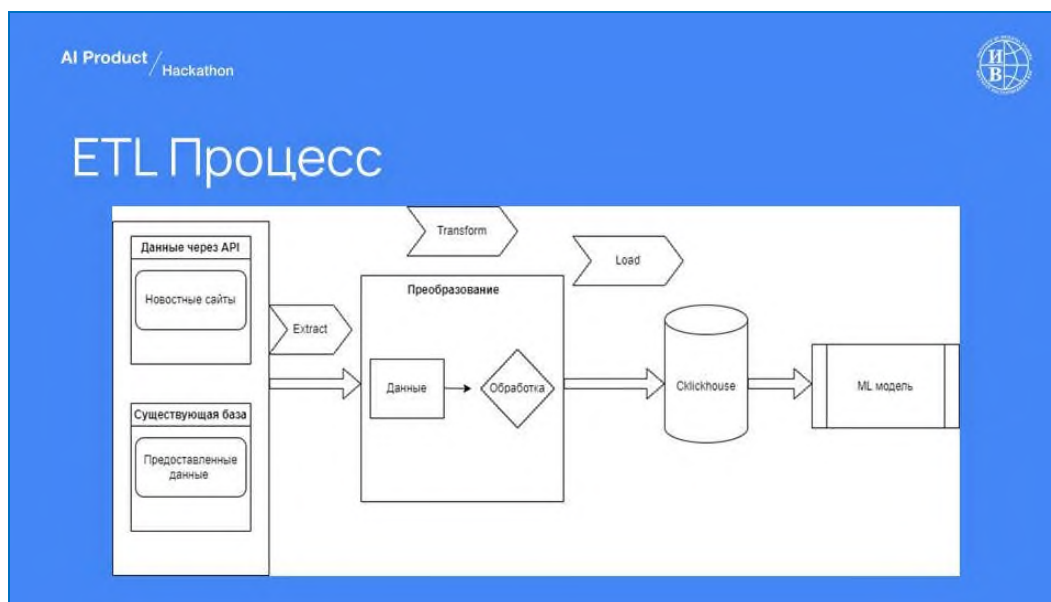

Рис. 1. Процесс разработки.

Fig. 1. Development process.

Источник: материалы 4-го Хакатона (AI Product Hackathon)¹¹.

¹⁰ Автоматизированное получение информации с веб-сайтов.

¹¹ Здесь и далее представлены фрагменты презентации команд, принимавших участие в Хакатоне. Ранее данные материалы в открытый доступ не выкладывались.

Основной платформой для создания и функционирования чат-бота была выбрана популярная социальная сеть Telegram: дата во время поиска статей определялась при помощи `telebot_calendar`.

На начальном этапе Хакатона команда `backpropagation.ai` пыталась переобучить модель на собственных данных, используя модели BERT для обработки немаркированного датасета и применяя библиотеки `Trasformers` и `PyTorch` для переобучения без учителя. Тем не менее, возникли проблемы с качеством модели, в частности, полученные результаты были сравнимы с самодельной моделью. В процессе настройки температуры модели было обнаружено, что получаемые при минимальной температуре результаты бессмысленны. В ходе консультации с организаторами и экспертами было решено перейти к `fine-tuning` и создать RAG-архитектуру, повысить температуру настройки для получения «читабельных» данных. Более того, конечной рабочей моделью стала `YandexGPT Pro`, библиотеками – `Langchain`, `Yandex-chain`, `FAISS` (для сравнения векторов) и др., базами данных – `Polars` и `Clickhouse_connect`; процесс векторизации проходил на `Colab`.

Во время защиты проекта команда `backpropagation.ai` продемонстрировала рабочий продукт в виде телеграм-бота с прилагаемым руководством к использованию, а также некоторые расчётные данные: план развития проекта (масштабирование) и необходимый бюджет.

CatBot (CAIts)

Команда CAIts пошла иным путём: она решила работать с датасетами на японском языке, исключив китайский. Дообучив модель `YandexGPT` и протестировав базы данных `Elasticsearch`, `Clickhouse`, был проанализирован метод RAG на базе сервисов `YandexCloud` с использованием `BertBaseJapanese` для векторизации и создан телеграм-бот `CatBot` (рис. 2).

В отличие от предоставленного командой `backpropagation.ai` предварительного бюджета проекта CAIts провела соцопрос среди респондентов, интересующихся восточной тематикой, и смогла сделать предпродажу, попутно рассмотрев введение корпоративной подписки.

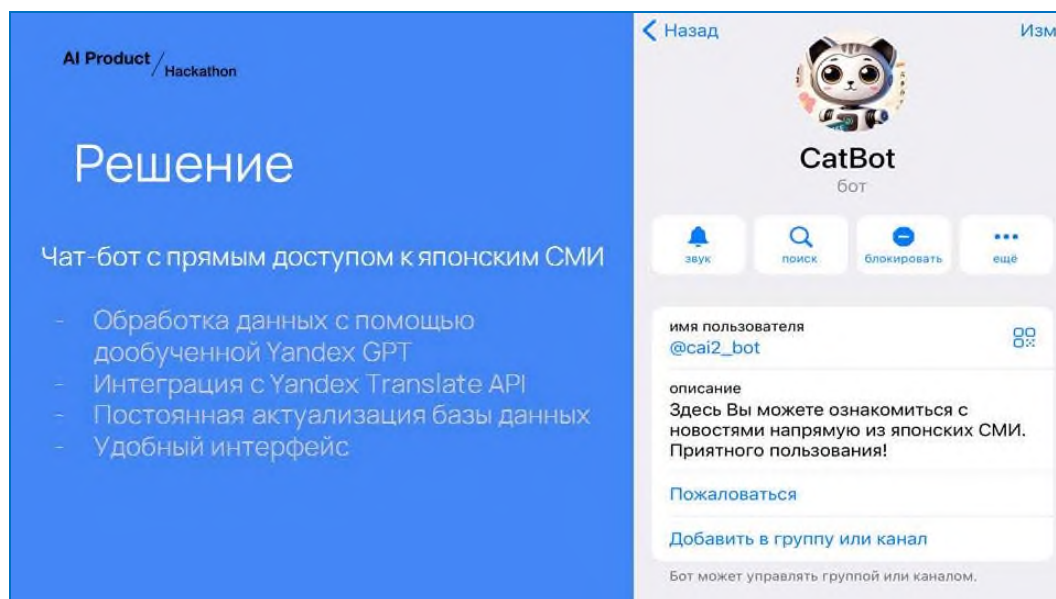

Рис. 2. Телеграм-бот, созданный командой CatBot.

Fig. 2. Telegram-bot created by the CatBot team.

News.ru

Международная команда News.ru, объединившая бакалавров и магистров, проходящих обучение в России, включая носителя китайского языка, представила незаконченный прототип модели чат-бота (рис. 3).

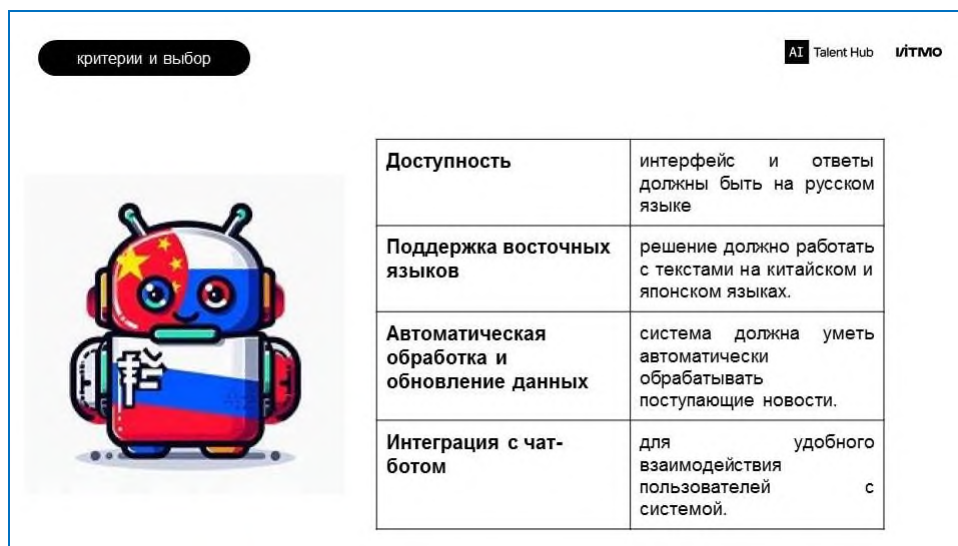

Рис. 3. Чат-бот, созданный командой News.ru.
 Fig. 3. Chatbot created by the News.ru team.

«Ошибки распределения»

Команда «Ошибки распределения» (рис. 4) творчески подошла к решению задачи, сконцентрировавшись на четырёх основных компонентах разработки: масштабируемость проекта (обработка больших объёмов данных), гибкость (адаптация продукта под разные сценарии пользования), точность (высокая точность анализа и предсказаний) и простота (лёгкость интеграции с существующими системами).

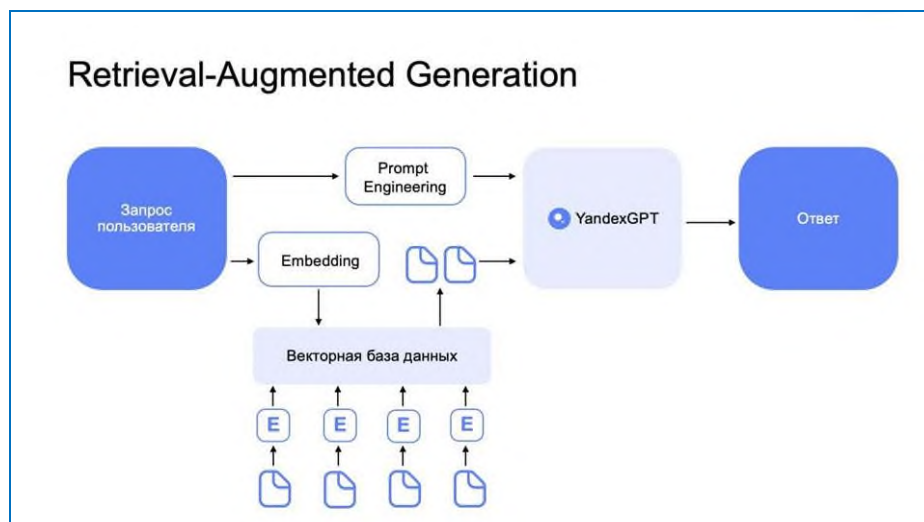

Рис. 4. Рабочая модель чат-бота команды «Ошибки распределения».
 Fig. 4. Working model of the chatbot of the “Oshibki raspredeleniya” [Distribution Errors] team.

«Серсо»

Команда «Серсо» была единственным финалистом, который представил свой подход решения проблемы не через чат-бот в мессенджере Telegram, а через сайт-агрегатор (рис. 5).

Рис. 5. Требования и решение, представленные командой «Серсо».

Fig. 5. Requirements and solution presented by the “Serso” team.

Довольно простая и удобная модель предлагала пользователю выбор года новости с 2016 до 2023 г. и поиск доступных данных (рис. 6).

В ходе работы над проектом была проведена очистка данных. Во время первичной очистки были произведены следующие операции: обработка тегов (начало и конец контента), определение кодировки (библиотека `chardet`), использование регулярных выражений. Закончив выше названные операции, команда столкнулась с необходимостью проведения вторичной очистки: удаление строк короче 30/20 символов, фильтрация на основе количественного соотношения китайской или японской иероглифики к латинице и остальным символам, удаление текстов длиннее 10 тыс. символов.

Чатбот-консультант по восточным СМИ (команда 'Серсо')

Выберите год от 2016 до 2023. База будет проанализирована по этот год включительно:

Введите ваш вопрос:

Дай определение инициативе «Один пояс, один путь».

Отправить запрос

«Один пояс, один путь» — это международная инициатива Китая, направленная на развитие торговых и инфраструктурных проектов в Евразии. Она предполагает создание экономических коридоров между Китаем и странами Европы через Центральную Азию, а также укрепление экономических связей и сотрудничества в регионе.

Инициатива включает проекты по строительству дорог, портов, железнодорожных путей, трубопроводов и других объектов инфраструктуры. Это призвано улучшить логистику, снизить транспортные издержки и расширить торговлю между странами, участвующими в инициативе.

«Один пояс, один путь» также нацелен на углубление культурного обмена и сотрудничество в сфере образования, науки и техники, чтобы способствовать формированию общего экономического пространства и процветанию региона.

Вас могут заинтересовать следующие источники:

1. <https://digital.hakoshin.jp/special/index/16196>
2. <https://news.mynavi.jp/article/teiji-147/>
3. <https://www.chinatimes.com/realtimenews/20220611003700-260405>
4. <https://www.chinatimes.com/opinion/20220601001097-262103>

Рис. 6. Пример работы чат-бота-консультанта команды «Серсо».
Fig. 6. An example of the “Serso” team’s chatbot-consultant operation.

* * *

В ходе двухнедельного Хакатона были выявлены достоинства и недостатки представленного для работы проекта. Предполагалось, что незнание восточного языка (китайского и японского) заметно снизит эффективность решения проблемы, и это частично подтвердилось на практике: возникали проблемы с вводом имён собственных и дальнейшим переводом; требовалась дополнительная проверка файлов компетентным специалистом (экспертом-востоковедом), учитывая особенности модели «забывать» условия и др. Существенным барьером в разработке продукта стали большой объём «сырых» данных, а также трудоёмкость процесса за ограниченный промежуток времени при необходимости постоянно дообучать модель. Тем не менее, команды смогли найти приемлемые ответы на

возникшие трудности, помня изначальные установки в расчёте на целевую аудиторию продукта: не только профессиональные востоковеды, эксперты-международники, но и широкий круг заинтересованных лиц.

Разработка цифрового инструментария востоковедов должна происходить с учётом следующих новых обстоятельств. Большие вычислительные мощности, удешевление хранения данных и облачные сервисы сделали большие данные доступными для рядовых исследователей. Агрегаторы веб-данных, такие как Common Crawl, избавляют учёных от необходимости создавать собственные системы веб-скрейпинга, т.е. обхода сайтов и скачивания с них данных. Большие языковые модели, в том числе размещённые в открытом доступе, в сочетании с соответствующими программными библиотеками позволяют оперировать с текстами на разных языках, осуществляя перевод, аннотирование, семантический поиск. Доступность разнообразных программных библиотек для обработки текстов на разных языках избавляет от необходимости самостоятельно реализовывать базовые функции, такие как сегментация и лемматизация текста. Всё это смещает фокус с частных технических или лингвистических задач в область поиска необходимых конфигураций из готовых компонентов, и это открывает новые возможности для конструирования специализированных инструментов под конкретные исследовательские задачи.

4-й Хакатон (AI Product Hackathon) в полной мере соответствует духу Концепции технологического развития РФ до 2030 г. Результаты, полученные во время проведения мероприятия, заложили основу для дальнейших исследований не только в области китаистики и японоведения, но и востоковедения в целом. Синтез гуманитарных и технических наук видится ключом к достижению Россией суверенитета в научно-технической сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов А.В.* 3-й пленум ЦК КПК 20-го созыва: факторы нестабильности и перспективы развития // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 4. С. 7–19. DOI 10.31857/S0131281224040014
- Кудакаев Р.Ф.* Ежегодная всероссийская научная конференция «Современное китайское государство» // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 182–192. DOI 10.31857/S0131281224020144
- Островский А.В.* Экономика Китая: новые горизонты развития до 2025 года // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 73–85. DOI 10.31857/S0131281224020062
- Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Рук. авт. кол. П.Б. Рудник. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. — 221 с. ISBN 978-5-7598- 2658-3
- Юдина Т.Н., Яо Линдун.* Становление Китая как кибернетической сверхдержавы // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 117–132. DOI 10.31857/S0131281224020094

REFERENCES

- Kudakaev R.F. (2024). Ezhegodnaya vs Rossiyskaya nauchnaya konferentsiya «Sovremennoye kitayskoye gosudarstvo» [Annual All-Russian Conference “Modern Chinese State”]. *Problemy Dal'negoy Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 2: 182–192. (In Russian). DOI 10.31857/S0131281224020144
- Ostrovskiy A.V. (2024). Ekonomika Kitaya: novyye gorizonty razvitiya do 2025 goda [The PRC Economy: New Horizons of its Development till 2025]. *Problemy Dal'negoy Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 2: 73–85. (In Russian). DOI 10.31857/S0131281224020062

- Tsifrovaya transformatsiya: ozhidaniya i real'nost' [Digital transformation: expectations and reality]. Dokl. k XXIII Yasinskoy (Aprel'skoy) mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Report to the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on problems of economic and social development]. Head of the author's team P.B. Rudnik. HSE University Publishing House. Moscow, 2022. 221 p.
- Vinogradov A.V. (2024). 3-y plenum TsK KPK 20-go sozyva: faktory nestabil'nosti i perspektivy razvitiya [The Third Plenum of the CCP Central Committee: Factors of Instability and Development Prospects]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Far Eastern Affairs*], 4: 7–19. (In Russian). DOI 10.31857/S0131281224040014
- Yudina T.N., Yao Lingdong (2024). Stanovleniye Kitaya kak kiberneticheskoy sverkhderzhavy [The Emergence of China as a Cybernetic Superpower]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Far Eastern Affairs*], 2: 117–132. (In Russian). DOI 10.31857/S0131281224020094

Поступила в редакцию: 08.10.2024

Received: Oct 8, 2024

Принята к публикации: 10.10.2024

Accepted: Oct 10, 2024

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 4, 2024

Редактор	Цветкова А.А.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казаков О.И.

Дата публикации: 20.12.2024

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Китая и современной Азии РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 4, 2024

Editor:	Tsvetkova A.A.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue: Dec 20, 2024

Contacts:

- *Address:* Institute of China and Contemporary Asia of the Russian
Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru

